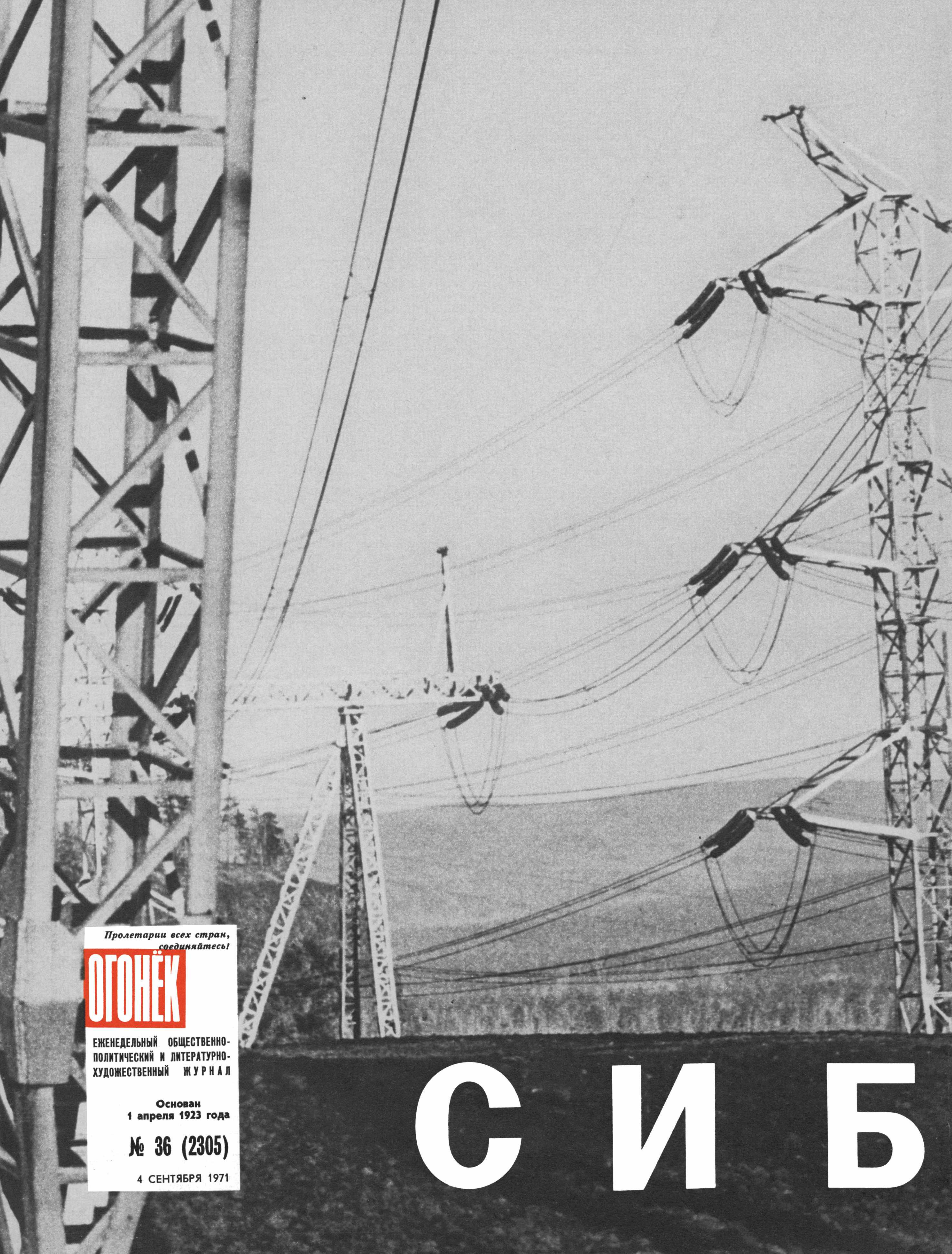

ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2305)

4 СЕНТЯБРЯ 1971

И Р Ь

Выступая перед избирателями Бауманского района города Москвы, Л. И. Брежнев сказал: «Особо хотелось бы остановиться на вопросах более интенсивного освоения природных ресурсов и наращивания экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока».

О том, как осваиваются эти природные ресурсы, как наращивается экономический потенциал на этих землях, о том, как живут, трудятся здесь советские люди, расскажут на страницах журнала и сами сибиряки, дальневосточники и наши корреспонденты, путешествующие по просторам Сибири и Дальнего Востока.

О Сибири читайте на страницах 10—13.

Фото А. ГОСТЕВА.

Встреча горняков после установления рекорда.

Фото Г. Макарова.

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ
ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

120 ПЯТИДЕСЯТИТОННЫХ ВАГОНОВ — вот сколько выдавали в день угля шахтеры бригады Ивана Стрельченко, это добыча целой крупной шахты.

170 230 ТОНН ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО КОКСУЮЩЕГОСЯ УГЛЯ выдали на-гора́ из одной лавы за 31 рабочий день.

ШАХТА 5-БИС «ТРУДОВСКАЯ»:

ЕСТЬ МИРОВОЙ!

В 1955 году сослуживцы проводили Ивана Стрельченко с флота и в торжественной обстановке вручили ему комсомольскую путевку для работы в Донбассе.

А недавно, солнечным осенним утром, во двор шахты 5-бис «Трудовская» комбината «Донецкуголь» вышла из подьемника группа шахтеров со сверкающими лампами на касках и сияющими глазами на припорошенных донбасским угольком лицах. Вышла и сразу же утонула в бело-розовой пене цветов. Друзья, гости и родные встречали комсомольско-молодежную бригаду Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК КП Украины Ивана Ивановича Стрельченко, установившую новый мировой рекорд добычи угля.

ЗА 31 РАБОЧИЙ ДЕНЬ ОНА ВЫДАЛА НА-ГОРА́ ИЗ ОДНОЙ ЛАВЫ 170 230 ТОНН ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОГО КОКСУЮЩЕГОСЯ УГЛЯ. КАЖДЫЕ СУТКИ В СРЕДНЕМ ИВАН СТРЕЛЬЧЕНКО И ЕГО ТОВАРИЩИ ДОБЫВАЛИ ПО 5 500 ТОНН. А В ОТДЕЛЬНЫЕ ДНИ ГОРНЯКИ ВЫДАВАЛИ ДО ШЕСТИ ТЫСЯЧ С ЛИШНИМ ТОНН УГЛЯ, ИЛИ БОЛЕЕ 120 ПЯТИДЕСЯТИТОННЫХ ВАГОНОВ,— ЭТО ДОБЫЧА ЦЕЛОЙ КРУПНОЙ ШАХТЫ.

Уже в 1964 году бригада, освоив новый прогрессивный угольный комбайн, поставила первый всеукраинский рекорд. А в 1968 году подняла 200-миллионную тонну угля на Украине.

На митинге, посвященном установлению мирового рекорда, Иван Иванович сказал, что шахтеры бригады и дальше будут совершенствовать свое рабочее мастерство.

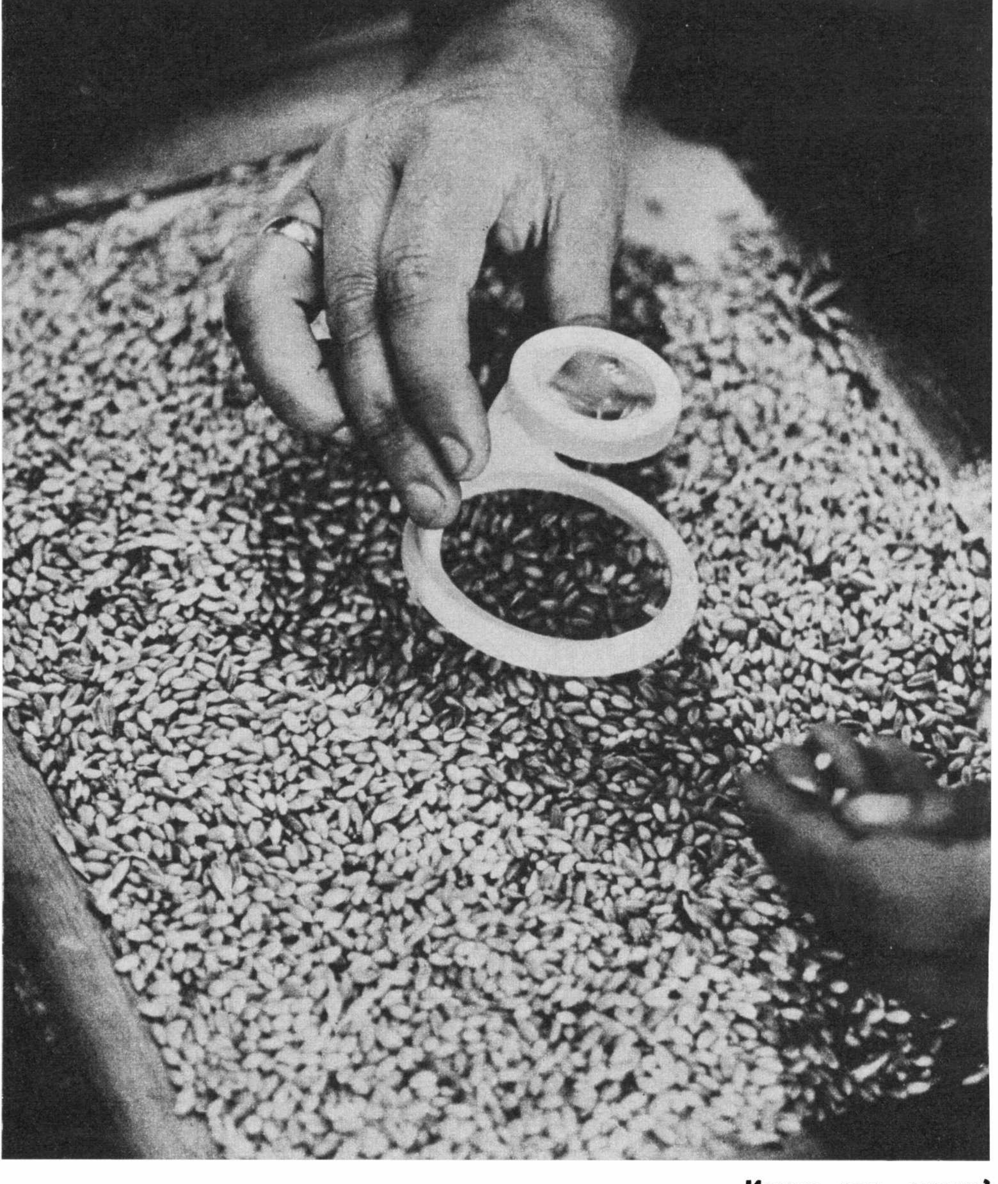
Фото
А. Бочинина.

Издали, с Волги, с палуб кораблей он тоже представляется громадным кораблем — с длинным корпусом, с мощными трубами-башнями. Стоит на вечном приколе у пристани города Рыбинска, и возле него крупные зерновозы кажутся малютками.

Пристают к нему зерновозы с одного борта. Одни привезли хлеб из Краснодарского края, Ростовской, Куйбышевской, Волгоградской областей, из Татарии и Башкирии. Другие увозят зерно в Литву и Латвию, на Псковщину, в Ленинградскую и Калининградскую области. И все по воде, по Волге-матушке...

Рыбинский мелькомбинат — предприятие большое и постоянно растущее. За минувшую пятилетку объем производства увеличился здесь почти вдвое! Выросли габариты «корабля»! Нисколько. Все сделала автоматика и механизация. Трудно перечислить, сколько современных устройств появилось на отдельных узлах диспетчерского автоматизированного управления элеватором, сколько установлено датчиков, создано новых схем. И многое — умом и талантом самих мелькомбинатовских рационализаторов.

В нынешнем пятилетии рыбинцы собираются закончить работы по комплексной автоматизации всего производства и управления, внедрить у себя промышленное телевидение для контроля за ходом технологических процессов. Ведь все это не только для роста производительности труда, но и для роста человеческого — квалификации операторов, их культуры и материального благосостояния.

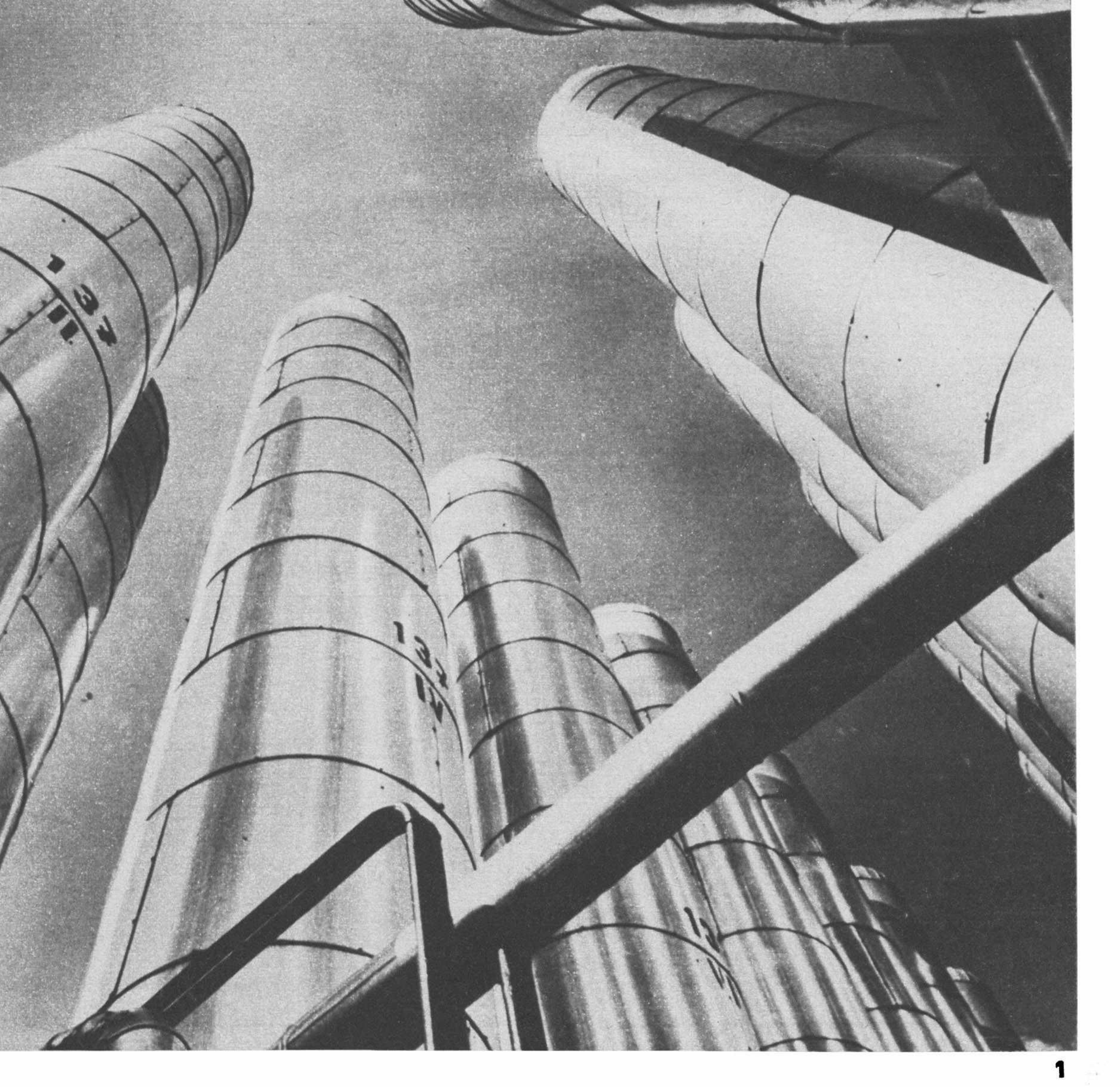

Какое оно, зерно!

НА ВОЛГЕ ХЛЕБНОЙ

На причале Рыбинского мелькомбината.

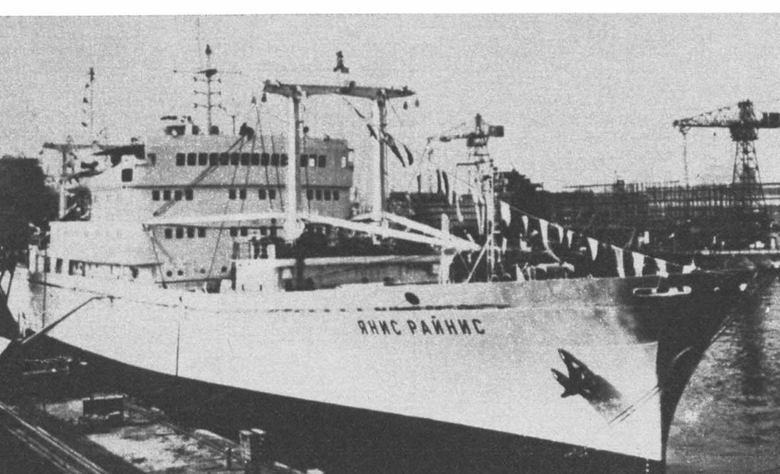
ВСЕ ЭТО — СЭВ

1

2

3

4

«Дальнейшее углубление и совершенствование сотрудничества и развитие социалистической экономической интеграции содействуют росту экономической мощи мировой системы социализма, укреплению народного хозяйства каждой страны, являются важным фактором укрепления ее единства и превосходства над капитализмом во всех областях общественной жизни, обеспечения победы в соревновании между социализмом и капитализмом».

Из комплексной программы СЭВ.

Совет Экономической Взаимопомощи — СЭВ. Двадцать два года назад мир впервые узнал, что это короткое слово означает широкую программу экономического сотрудничества стран, вступивших на путь строительства социализма, их помощь друг другу сырьем, продовольствием, оборудованием и многим другим. Это было начало. За минувшие два десятилетия промышленное производство стран СЭВ увеличилось в 6,8 раза, в то время как развитых капиталистических стран — в 2,8 раза.

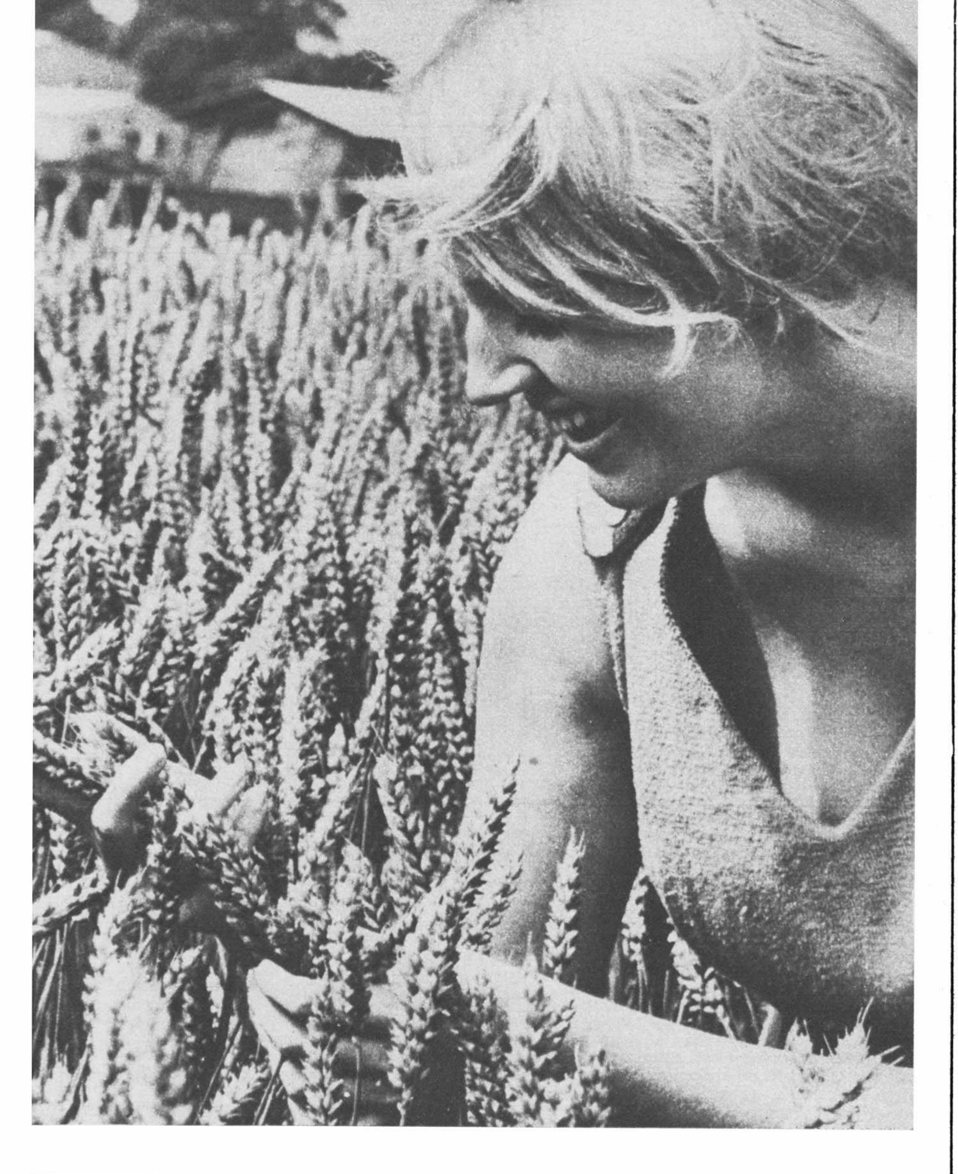
И вот теперь социалистические страны подошли к качественно новому рубежу в развитии международного социалистического разделения труда. Принята комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции. Это означает начало нового и сложного процесса сближения национальных хозяйств братских социалистических стран.

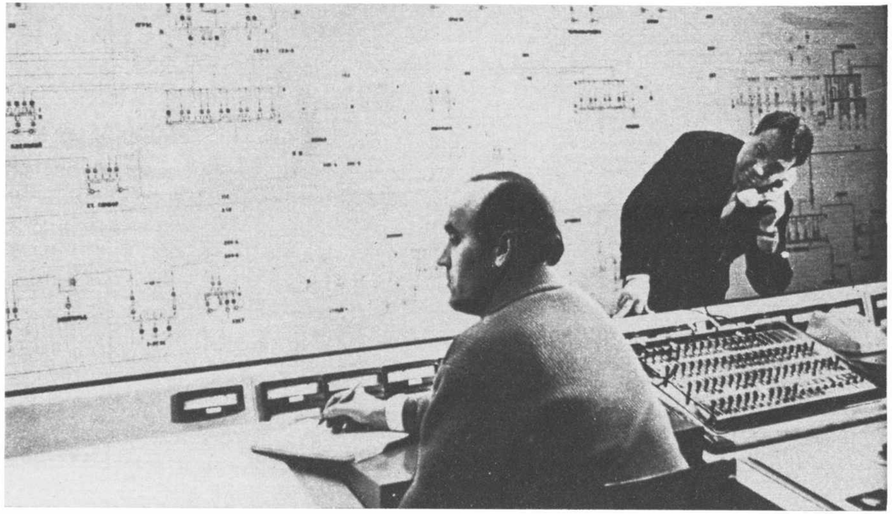
1

Впечатляющий фотографический сюжет возник у репортера при посещении одного из крупнейших промышленных объектов Венгрии, где он увидел эти газовые резервуары. Дунайский нефтеперерабатывающий комбинат, играющий видную роль в народном хозяйстве страны, символизирует собой мощь и силу человеческих рук, соединенных в крепком братском пожатии. Основой для создания предприятия стал щедрый поток советской нефти, направленный к венгерским друзьям по трубопроводу «Дружба».

2

Один из сельскохозяйственных кооперативов Германской Демократической Республики, расположенный на Балтийском побережье, с успехом использует высокоурожайный сорт озимой пшеницы «мироновская-808».

ПЧЕЛА НА ПЛАНЕТЕ

В Москве состоялся XXIII Международный конгресс по пчеловодству, в котором принимали участие представители 47 стран. Ежегодная мировая добыча меда составляет 400 тысяч тонн. А его нужно все больше и больше. Как увеличить добычу меда? Как бороться с врагами пчел? Что сделать, чтобы ликвидировать их болезни? Как применять в пчеловодстве достижения электроники и радиологии? Об этом и шел разговор на конгрессе.

С обстоятельными докладами на эти и многие другие темы выступили 200 видных ученых и специалистов-практиков. О пчеловодстве в Советском Союзе рассказал заместитель министра сельского хозяйства СССР П. И. Морозов. Поделились опытом организации этой отрасли хозяйства представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Румынии, Индии, США, Ирана, Аргентины, Японии. С большим вниманием делегаты конгресса выслушали сообщение ученых из Польши об активности антибиотиков в пчелином меде.

К открытию конгресса была приурочена выставка «Пчеловодство-71». В фойе киноконцертного зала «Россия» демонстрировались всевозможное оборудование и инвентарь, новейшие машины и приборы, кондитерские и косметические изделия, лекарственные препараты. Но главный экспонат — десятки сортов натурального меда. Советская экспозиция — самая крупная. Здесь не только продукция пчелосовхозов и оборудование, изготовленное на различных предприятиях, но и первый в мире разборный рамочный улей, еще в 1814 году изобретенный русским пчеловодом П. И. Прокоповичем.

Были на выставке и так называемые смотровые ульи: через стекло можно увидеть, так сказать, личную жизнь этих удивительных существ.

Много любопытного узнаешь из разговора с пчеловодами в кулуарах конгресса.

Можно смело считать, что первым, если не единственным, насекомым, которое удалось приручить человеку, была пчела. И самое поразительное: она не только всю жизнь работает на нас, отдавая мед и воск, но, и погибая, оставляет жало, наполненное целительным ядом. С незапамятных времен наши предки пили мед. Причем не только сладкоежки. Авиценна, например, говорил: «Если хочешь сохранить молодость, обязательно ешь мед». А когда у столетнего Демокрита спрашивали, как сохранить здоровье, он отвечал: «Нужно орошать внутренности медом».

Не знаю, как относятся к меду космонавты, но водолазы его почитают. Когда пытались опуститься на дно Атлантического океана, чтобы поднять "Лузитанию», ничего не вышло. Тогда водолазы сели на диету: за полгода съели по сто килограммов меда. А потом надели скафандры и без особого труда подняли судно. Ничего удивительного: ведь калорийность меда гораздо выше, чем икры, сливок, рыбы и мяса.

Ну, а пчелиный воск! Его используют более чем в сорока отраслях промышленности. Без воска невозможно сделать самолет и швейную иглу, парусину и электрические приборы, смазочные масла и мебель, цветные карандаши и кожевенные краски...

Нет в природе и ничего похожего на пчелиный яд. Воробей или мышь погибают через час от укуса пчелы. Не получает удовольствия от этих укусов и человек. Тем не менее люди шли на то, чтобы лечиться таким способом: на руку сажали десяток пчел, и они вонзали свои жала. Теперь пчел научились «доить», и человеку не надо корчиться от боли, чтобы получить целебный яд.

Более 150 растений дают урожай только в результате опыления. Как раз это и делают пчелы, перелетая с цветка на цветок. Ведь чтобы собрать килограмм меда, пчела должна облететь не менее пяти миллионов цветков! В США, например, подсчитали, что реализация продуктов пчеловодства дает 45 миллионов долларов, а доход от опыления — 6 миллиардов.

Так пчеловодство превратилось из промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Советский Союз — крупнейшая пчеловодческая держава: у нас около 10 миллионов пчелосемей, что составляет четвертую часть мировых запасов. И вот ведь любопытно: пчеловодство, пожалуй, единственная отрасль сельского хозяйства, где «частный сектор» играет большую роль — свыше половины добываемого в стране меда сдают пчеловоды-любители. Этому, несомненно, способствует постановление «Об охране пчеловодства», подписанное В. И. Лениным 11 апреля 1919 года.

Но коль скоро пчеловодство стало важной отраслью сельского хозяйства, рассчитывать на одних любителей нельзя. Именно поэтому наряду с колхозными и совхозными пасеками в стране создано свыше ста специализированных хозяйств. Кадры для них готовит широкая сеть профессионально-технических училищ, техникумов, вузов и Научно-исследовательский институт пчеловодства.

Одним словом, пчела верой и правдой служит человеку. И очень хорошо сказал в своем приветствии конгрессу министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич: «Представляя во многих странах важную отрасль сельского хозяйства, пчеловодство вносит свой достойный вклад в производство разнообразных продовольственных и сырьевых продуктов, является источником радости и удовольствия для людей».

Б. СОПЕЛЬНЯК

До недавнего времени К. П. Сапожинский строил шахты в Приморском крае. А теперь ушел на пенсию и занялся пчеловодством. 200 человек объединяет Артемовское общество пчеловодов, и Константин Павлович у них председатель.

Фото автора.

3

На Гданьской судоверфи имени В. И. Ленина сдан в эксплуатацию рефрижератор «Янис Райнис», построенный по заказу Советского Союза. Водоизмещение судна — 4 500 тонн.

4

Ажурные опоры энергосистемы «Мир» шагают по земле Прикарпатья. Диспетчерский пункт Львовской энергосистемы связан с центральным оперативным управлением, находящимся в Праге.

Создание объединенной энергосистемы европейских социалистических стран — участниц СЭВ позволяет полнее и рациональнее использовать имеющиеся мощности и быстро в случае необходимости переводить запасы электроэнергии из одной страны в другую.

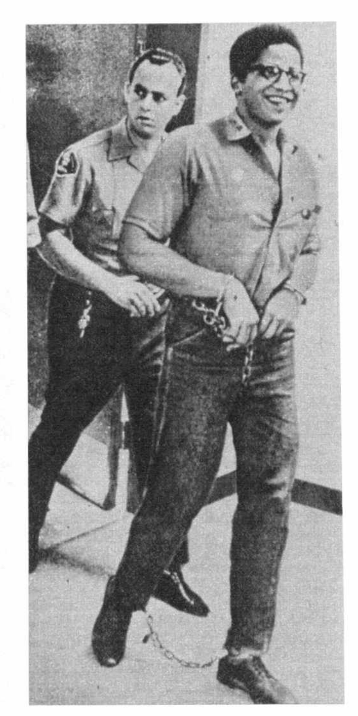
На снимках: *справа* — диспетчеры А. И. Делабик и В. Е. Цвиркун на диспетчерском пункте во Львове; *слева* — мачты энергосистемы «Мир» на Украине.

Фото ТАСС, ЦАФ — АПН.

▲ В общественный сектор чилийской экономики перешла важнейшая отрасль индустрии страны — меднорудная промышленность. Президент Республики Сальвадор Альенде на основании принятого Национальным конгрессом закона о реформе конституции подписал декрет о передаче государству всех предприятий этой отрасли промышленности.

▶ Негр Джордж Джексон стал очередной жертвой американских расистов. Он был убит в своей камере в тюрьме Сан-Куэнтин якобы «при попытке к бегству». Тюремные власти пытаются распространить версию, будто на свидании адвокат Джексона передал своему подзащитному пистолет и будто Джордж, воспротивившись обыску, открыл стрельбу и пытался бежать. Адвокат Джексона заявил, что он не имел с ним свидания в этот день. «Вся история с побегом сфабрикована от начала до конца, чтобы оправдать убийство моего сына,— заявила мать Джорджа.— Они собирались убить его и убили».

Джексону было 29 лет. Из них 11 он провел в тюрьме. «Я родился рабом в порабощенном обществе» — это строки из написанной им книги «Соледадский брат».

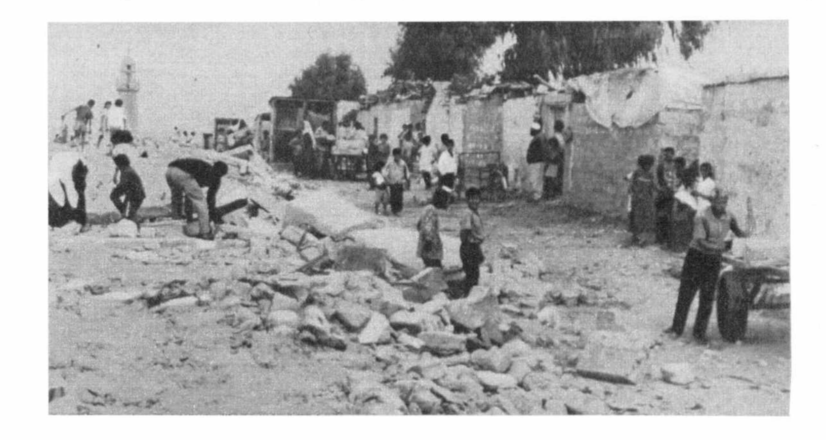
Расправа расистов с борцом за гражданские права негров вызывает гнев и возмущение во всем мире.

Ольстер. Это слово уже много месяцев не сходит с газетных страниц, звучит по радио, мелькает на телеэкранах в облаках дыма и вспышках пламени. В «белой колонии» Англии продолжается война. Ее ведут правительство Англии и власти Ольстера против тех, кто борется за свои социальные и гражданские права.

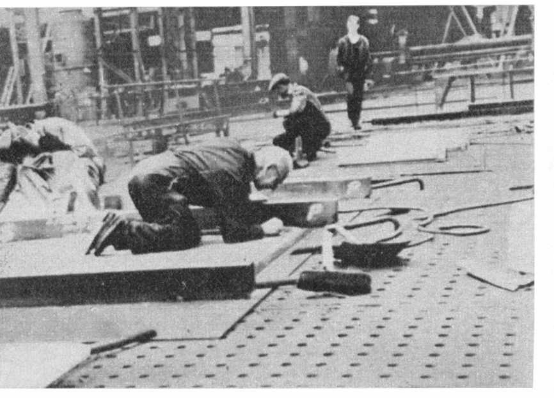
На снимке: Белфаст. Католический квартал Ардойн. ▶

Этот снимок сделан в лагере Джебалия, в оккупированном израильтянами секторе Газа, где проживают 368 тысяч палестинцев. Около половины из них находятся в специальных лагерях, таких, как этот, где люди ютятся в убогих лачугах и бараках, без всяких удобств. Но и эти жилища варварски разрушаются израильскими оккупантами. Их цель — изгнать арабов с их исконных земель и навсегда закрепиться на оккупированных территориях. Вот почему тель-авивские власти насильственно выселяют жителей Газы в другие районы, а их дома бульдозерами сравнивают с землей. Из лагеря Джебалия, как сообщают, уже выселено двести семей. ▼

◀ «Будем продолжать работу. Не допустим закрытия верфи, не позволим увольнять рабочих» — такое решение приняли месяц назад корабелы обанкротившейся судостроительной компании «Аппер Клайд шипбилдерс» в шотландском городе Глазго. Закрытие этого предприятия увеличит армию безработных (в Англии она достигает сейчас наивысшего уровня за тридцать лет — 830 тысяч) еще на 18 тысяч человек.

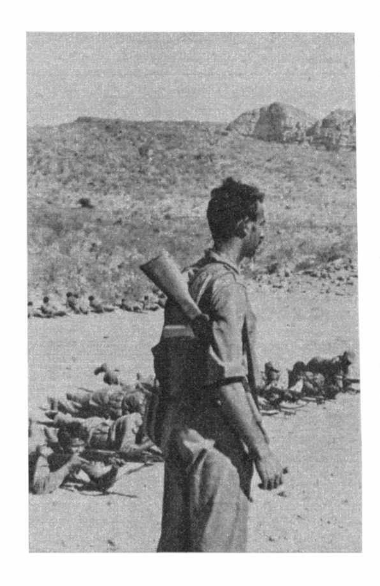
Действия судостроителей Верхнего Клайда, их борьба за право на труд получили широкую поддержку английских трудящихся.

В Глазго состоялась демонстрация, в которой участвовало более 80 тысяч человек, представителей разных городов Британии, люди разных профессий.

Стачка солидарности с корабелами прокатилась по всей Шотландии — 200 тысяч человек на полдня прекратили работу, заявив таким образом о поддержке судостроителей. Шахтеры Уэльса, машиностроители Бирмингема решили еженедельно отчислять из своего заработка средства в фонд помощи рабочим Верхнего Клайда.

Советские судостроители также оказывают помощь своим братьям по классу.

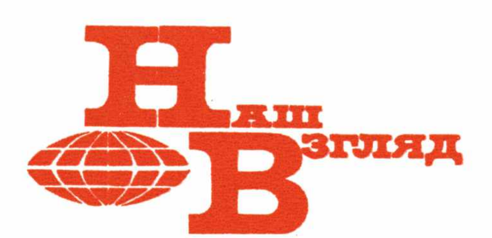
На снимках: несмотря на решение правительства о закрытии доков, рабочие «Аппер Клайд шипбилдерс» продолжают трудиться. Такое решение было принято на состоявшемся здесь митинге.

◀ В учебном лагере партизан Дофара идут занятия. Дофар находится на юго-западе Омана, самого крупного по площади и населению английского протектората на Аравийском полуострове. Главное богатство Аравии — нефть. Колонизаторы стремятся любой ценой сохранить ее в своих руках. Народ Дофара уже много лет борется против рабства, угнетения и нищеты. Вооруженную борьбу за изгнание колонизаторов из их аравийских владений возглавляет Народный фронт освобождения оккупированной зоны Персидского залива.

В горах Дофара уже нет лагерей английских наемников — их уничтожили или заставили эвакуироваться на узкую прибрежную полосу, где расположен центр Дофара — город Салала, окруженный колючей проволокой. Подразделения Народно-освободительной армии обстреливают из минометов не только английский военный аэродром близ Салалы, но и султанский дворец. Сухопутные связи этого провинциального центра с Маскатом перерезаны. К северу от гор англичане удержали лишь один военный лагерь на пустынном плато — Хаглит, да и тот снабжается с помощью вертолетов. Весь Дофар перекрыт заставами и постами Народно-освободительной армии, против которой сражаются части наемников.

Фото ЮПИ, ТАСС, журнала «Лайф».

ТОРИ ТЕРЯЮТ ПОЗИЦИИ

Вадим КАССИС

Телеграфные агентства оповестили мир об увеличении семьи самостоятельных арабских государств: пятнадцатым по счету стало княжество Бахрейн, лежащее в водах Персидского залива.

Жизнь населения Бахрейна испокон веков связана с морем. По старинному преданию, на архипелаге жил знаменитый герой сказок Синдбад-мореход. О бахрейнских пиратах ходили самые страшные легенды. Их фрегаты под черными флагами наводили ужас даже на бывалых английских капитанов. Правда, пираты были жестоки, но не отличались широтой взглядов. Пираты-колонизаторы оказались намного дальновиднее и хитрее. Англия с помощью дешевых подарков и ярких обещаний выторговала себе право на свободное судоходство в Персидском заливе и прилегающих водах. И что же?

Морские пираты спустили на своих фрегатах черные флаги и сошли на берег. Британские пираты-колонизаторы тоже сошли на чужой берег и подняли над столицей архипелага Манамой свой флаг «Юньон Джек». Морские пираты стали менять свой образ жизни, занявшись мирным промыслом — ловлей жемчуга. Чужестранцы стали насаждать на островах свои порядки. У первых теперь уже не было даже мушкетов, вторые были вооружены до зубов. Все это произошло сто десять лет назад — в 1861 году. И хотя формально власть в княжестве Бахрейн находилась в руках эмира, фактически всеми делами здесь заправлял британский политический резидент.

Впрочем, этот самый резидент пользовался бескомпромиссной властью не только на Бахрейне. Его полномочия были куда шире. И вот почему. Лондон давно понял и оценил важное стратегическое положение эмиратов Персидского залива. Если к этому добавить, что недра эмиратов данного района сказочно богаты нефтью, то становится вполне очевидной откровенная заинтересованность Англии в укреплении своих позиций в зоне Персидского залива.

Тактика империалистических держав свидетельствует, что, обнаруживая нефть в зависимых странах, монополии всеми силами стремятся не только продлить в них свое политическое господство, но и сохранить прочные рычаги для политического и экономического воздействия на данные страны в случае получения ими независимости.

Если же говорить конкретно о Персидском заливе, то здесь сосредоточено две трети запасов нефти несоциалистических стран. Именно отсюда поступает около пятидесяти процентов нефти, потребляемой в Западной Европе, девяносто процентов — в Японии. Подсчитано, что каждые двенадцать минут через Ормузский пролив из Персидского залива проходит гигантский танкер.

Кому приходилось бывать на Аравийском полуострове, тот имеет зримое представление об этой пустынной, выжженной злым солнцем земле. Но ради баснословной наживы британские колонизаторы сумели внедриться и акклиматизироваться даже здесь. Вместе со своими американскими партнерами они практически превратили все побережье Аравийского полуострова от Кувейта до Маската в концессии ведущих нефтяных монополий. Однако понимая, что распад колониальной системы — необратимый процесс, империалисты поначалу решили оградить свои нефтяные и прочие интересы в этом районе с помощью изощренного плана так называемой «региональной безопасности». Потом на берегах Темзы заговорили о создании «федерации» арабских эмиратов. По мысли как лейбористов, так и консерваторов, это новое государственное объединение должно было бы сначала получить от Лондона «независимость», а потом (под его нажимом) «упросить» Англию сохранить в нем британское «военное присутствие». Трезво мыслящие наблюдатели справедливо усматривали в этом плане плохо замаскированные приемы неоколониалистской политики «к востоку от Суэца».

Недавно шейх эмирата Дибаи Рашид бен Саид аль-Мактум в интервью корреспонденту газеты «Таймс» достаточно точно охарактеризовал менторский тон Лондона в его политике по отношению к эмиратам. Он высказался так: «Я готов быть откровенным с ними (англичанами). Но они часто говорят: «Вот вам наше решение»,— и у нас тогда уже нет возможности высказать свое собственное мнение». Иными словами, в Лондоне привыкли всем затыкать рот еще с тех, имперских времен и никак от этой пагубной привычки не могут избавиться, чопорно забывая, что времена уже давно не те!

Последним примером тому может служить Бахрейн. Трудящиеся архипелага не раз выступали против колонизаторов, проводя стачки, забастовки, манифестации. А 14 августа Бахрейн сказал окончательное «нет» Лондону. В ближайшее время намерен объявить независимость Катар. Все это не дает покоя колонизаторам. В лондонских коридорах власти разрабатываются новые маневры по избитому принципу: не мытьем, так катаньем. И вот уже Бахрейну поспешили навязать «договор о дружбе», который предусматривает «проведение консультаций», провозглашает «общность интересов» в сохранении «стабильности» в этом районе. Наблюдатели полагают, что аналогичный документ будет предложен и Катару. Всю эту политическую игру Лондона можно увидеть и в дипломатических рецептах министра иностранных дел Англии Алекса Дугласа-Хьюма. С открытой трибуны он говорит об «уходе Англии» из района Персидского залива, а на закрытых совещаниях сэр подписывается под планами передислокации армейских подразделений из одного эмирата в другой. Форсируют неоколонизаторы и дело со строительством военной базы на острове Масира, который принадлежит самому большому протекторату в Аравии — султанату Оман. В связи с новым статусом Бахрейна решено эвакуировать оттуда военную базу в эмират Шарджа. Туда же будут направлены дополнительные подразделения инженерных войск и авиации. Британские ВМС пополнятся в Персидском заливе несколькими новыми военными кораблями. Около 400 британских офицеров и сержантов — «педагогов» станут обучать в эмиратах местные гарнизоны военным наукам. Помимо этого, свыше 600 английских военных летчиков, служащих по контракту в ВВС Саудовской Аравии и в так называемом «специальном воздушнодесантном полку», будут проводить «тренировочные операции» в Омане.

Но ход событий в этом районе мира показывает, что, несмотря ни на какие ухищрения и политические манипуляции, неоколонизаторы вынуждены терпеть поражение за поражением и уже не в силах сохранить свое былое влияние на исконных арабских землях. Провозглашением независимости Бахрейна в колониальном господстве Англии в зоне Персидского залива пробита еще одна брешь.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЕТЕРАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Нелегко в кратком слове сказать о человеке, за плечами которого такой трудный и славный жизненный путь: подпольные революционные кружки и петербургская тюрьма, ссылки и этапы, камеры-одиночки и побеги, участие в штурме Зимнего и конспиративная работа в тылу белых... И все это отразилось в стихах — простых и естественных, как сама его жизнь, как дыхание:

На темных могилах
Из щебня былого,
Из смеха и слез
Изнуренных сердец
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий Дворец.

Эти строки написаны в дни черной столыпинской реакции восемнадцатилетним революционером и поэтом Александром Поморским, которому ныне исполняется восемьдесят лет.

А. Н. Поморский был не только одним из зачинателей революционной пролетарской поэзии, но и ее деятельным организатором. Он участник первого литературного рабочего кружка и первого сборника пролетарских поэтов «Наши песни», изданием которого занимался А. М. Горький еще в 1914 году.

Александр Николаевич привлекается к работе над сборником, но довести первое редакторское дело до конца ему помешала высылка из Петербурга. Однако и в тюрьме он становится активным участником подпольной печати, а позже — постоянным сотрудником большевистских газет «Звезда» и «Правда».

И так было всегда: революционная деятельность А. Н. Поморского тесно переплеталась с поэтической работой, дополняя и обогащая одна другую. Сразу же после революции выходят первые книги стихов пролетарского поэта, названия которых говорят сами за себя: «Песни борьбы», «Цветы восстания»... Александр Николаевич всегда находился в самой гуще социалистического строительства: с 1919 года он заведует партшколой в Екатеринославе, потом главполитпросветом в Абхазии, работает в газетах «Гудок», «Забайкальский рабочий», «Пролетарский путь». В 1927 году — заместитель заведующего отделом печати ЦК ВКП(б), затем заведующий отделом литературы «Правды».

И, конечно, находясь на передовых рубежах общественной деятельности, поэт Александр Поморский по-партийному точно улавливает момент назревания крупных событий в нашей жизни. Недаром в предвоенную пору он написал знаменитые строки «Дальневосточной», которая обошла всю страну, призывая советских людей к бдительности.

Стоим на страже
Всегда, всегда.
Но если скажет
Страна труда...

Этой стране, стране труда, отдает все свои недюжинные способности организатора, весь свой поэтический талант А. Н. Поморский. И через все его творчество главной темой проходит вот эта:

Славься, встающих времен буревестник,
Освободитель народов и рас,
Кормчий надежды и пламенной песни,
Славься, рабочий класс!

Стихи и песни ветерана пролетарской поэзии сравнимы с живыми искрами в пламени революции, в огне народной войны, в жарких буднях коммунистического созидания.

Олег ЗВЕРЕВ

Эльвира ПОПОВА

КЛОД МОНЕ

Париж середины семидесятых годов прошлого столетия. Вокруг площади Эроп, по Римской и Лондонской улицам поблизости от вокзала Сен-Лазар без видимой цели расхаживал высокий мужчина. Красивое лицо. Темная борода и пряди густых волос. Черные глаза, глядящие пристально и удивленно. Он в задумчивости останавливался в самых неожиданных местах сортировочной станции, среди пыхтящих паровозов, погромыхивающих вагонов. А когда в конце концов примостился он со своим этюдником среди самой толчеи, прохожие, никогда не видевшие в подобных местах художников, сердито задавали вопрос: что, собственно, собирается здесь делать с красками и кистями этот странный господин?

Но сам господин прекрасно знал, зачем он здесь и что должен сделать.

Это был Клод Моне. Тот самый, чья картина «Впечатление. Восход солнца» в 1874 году на первой Выставке импрессионистов наделала столько шуму.

Клод Моне писал Сен-Лазар, подстегиваемый нетерпеливым желанием уловить напряженность наполненного шумом вокзала, почти ощутимо запечатлеть смешение дыма, пара и копоти, передать безотчетную тревогу, какую порождает в человеке нагромождение стальных и чугунных конструкций, машин, механизмов. Художника не заботили детали. Создав полотно «Вокзал Сен-Лазар», один из первых индустриальных пейзажей в истории живописи, Моне сумел доказать, что художник не просто может — он должен устанавливать свой мольберт в водовороте обыденных сцен и событий, водовороте живой повседневности.

Уже девятнадцатилетнего Моне раздражала чернота. «Краски черные, грязные»,— пишет он из Парижа в Гавр первому своему учителю Эжену Будену, делясь впечатлением о выставке. Он находит «слишком черными в тенях» даже некоторые работы барбизонца Тройона, зато его же «Отправление на рынок» вызывает восторг юноши: «Это великолепно, пронизано светом!»

Всю жизнь самозабвенно, подвижнически будет Клод Моне трудиться над тем, чтобы «завоевать солнце», чтоб сиял в его картинах свет — жаркий и холодный, сыплющий золотом бликов сквозь зелень листвы и будто просеянный сквозь бурное кипение облаков, безудержно расточаемый полуденным солнцем и вкрадчиво расползающийся вокруг всплывшей над горизонтом луны. А когда свет пойман на холст, стал цветом — все оживает. И каким-то чудом не происходит того, что исторгало жалобы у поколений живописцев: краски не темнеют, не тускнеют на холсте. Хотя Моне относится к проблемам краски скорее как любитель: «Кобальт, киноварь, изумруд, охра были для него прежде всего носителями градаций света» — световой радуги! Когда позднее, уже маститому, Клоду Моне станут задавать вопрос, из каких красок состоит его палитра, тот недоуменно, почти с досадой будет отвечать: «Разве это так уж интересно?» — вспоминая, должно быть, как впадал в отчаяние, не в силах обрести невозможное: «Тут нужна палитра из бриллиантов и драгоценных камней!»

В жажде черпать из неисчерпаемого источника — вечно льющегося на землю радужного светового ливня — Моне становится истым кочевником. С начала 70-х годов лето и всю зиму, соорудив плавучее ателье — маленький ковчег, проводит он на Сене, так что Эдуард Мане однажды с наигранным раздражением воскликнул: «Неужели никто не скажет Моне, чтобы он оставил что-нибудь от реки и для нас?»

Жажду Моне к перемене мест подстегивают кредиторы. Спасаясь от домовладельца в Аржантее, художник переселяется ниже, в долину Сены, к городку Ветейлю — благодатное место для творчества. Сколько пейзажей было написано здесь!

Моне все эти годы жил в крайней нужде. Бережно хранимые сегодня в архивах листочки бумаги — оставшаяся переписка одержимого кочевника и открывателя — по большей части заполнены отчаянными просьбами о помощи, так как очень часто «в доме нет ни одного су».

Друзья помогали. А что было, если б не их доброта и щедрость?! Неужели и тогда подвижник не сдался бы? И тогда рождались бы из-под очарованной кисти Моне светозарные полотна? Наверное, да.

Моне любит Францию, пишет ее вновь и вновь. Но при этом художник тонко и проникновенно чувствует, видит, воспринимает красоту Лондона и Венеции, Норвегии и Голландии... И нередко у него уходили недели, месяцы, а то и годы, чтобы привыкнуть к местности, вжиться в ландшафт, понять страну.

Лондон. 1900 год. Впервые Клод Моне приехал сюда в 1871 году. Тогда лондонская публика, не замечая, проходила мимо его картин в галерее Дюран-Рюэля...

Прошли годы. Теперь Моне признанный мэтр. Франция видела уже две его выставки — одна совместно с Роденом. В Америке громкий успех все растет. У мастера — последователи среди молодежи. О Моне говорят, спорят. Но уже бесспорны его слава и признание. А сам художник все тот же. Разве только теперь стал он еще методичнее в своих живописных экспериментах. Часами сидит он перед мольбертом на одном и том же месте, ловя на холсты малейшее из изменений освещения. Перемена — и у него уже другой холст. Впервые мастер начал так работать в 1890 году возле двух стогов сена в Живерни — своем последнем пристанище. Написал тогда этюд, и вдруг все изменилось, родив идею новой картины. Пришлось несколько раз просить дочь, рассказывал сам Моне: «Сбегай, пожалуйста, домой и принеси мне новый холст!» Она приносит. Но спустя некоторое время все снова меняется. Новое полотно. И еще одно». Так появилась серия «Стога» из пятнадцати полотен. Потом то же повторилось возле тополей у Лимеза — почти двадцать холстов! Потом в Руане — у величавых, утопающих в небесном мареве стен готического собора — сорок полотен!

И вот Лондон. Темза. Серая и вялая протекала она прямо под балконом отеля «Савой» на набережной Виктории, где обычно останавливался Моне. Перекинул через ленту воды свои девять тяжелых гранитных сводов мост Ватерлоо, названный некогда Кановой благороднейшим в мире. Направо протянулся мост железной дороги Чаринг-Кросс, а дальше вырисовываются то четко, то едва маяча в тумане здание парламента и мост Вестминстера. Да вот же оно! А он столько лет искал место с мягко покрытой дымкой перспективой города туманов!

Холст за холстом. Несколько лет работает Моне над этим мотивом. День он доволен, а завтра художнику кажется, что все плохо. Друзья Моне в Париже все это время получают — сначала из Лондона, затем из Живерни — письма, где строчки нанизаны из слов «отвращение», «невыносимые муки», «капризная работа» и жалоб на то, что лондонские картины «истощили его силы» и он «больше не хочет о них думать»...

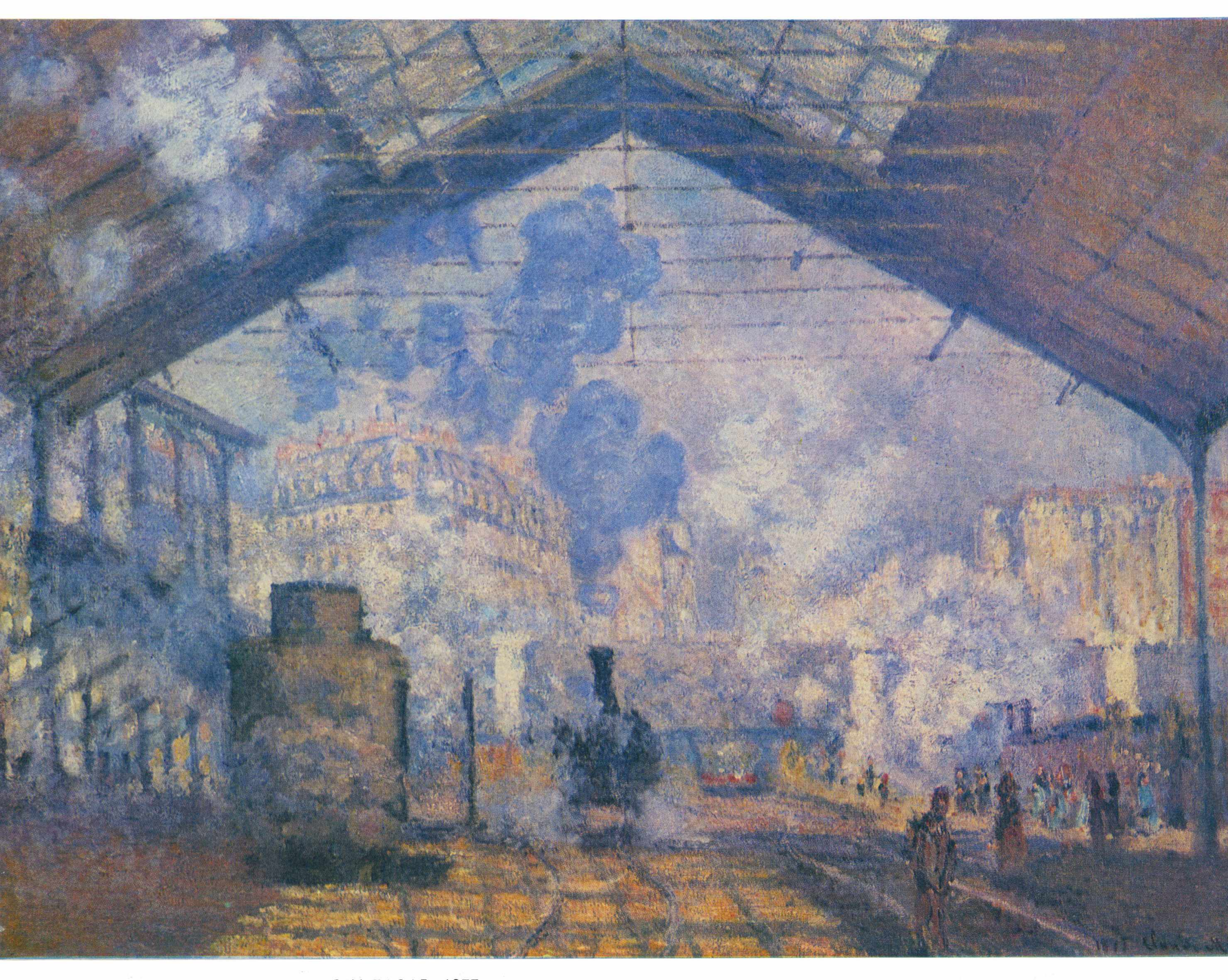
Позади 64 года, отнюдь не баловавших художника. Теперь последняя беда: сдает зрение, и не за горами страшное — операция глаз, полуслепота. Но даже больное зрение не лишило Клода Моне способности все глубже проникать в бездонное сверкание мира!

«Чудо, почти парадокс, что художнику с помощью красок удалось воссоздать на полотне материю почти неуловимую, запечатлеть солнечный свет, то поляризуя его, то рассеивая во всех направлениях, обогащая бесконечными отражениями...» — восторженно писал Октав Мирбо о выставке, где были показаны тридцать семь полотен Лондонской серии Моне.

Последним детищем Моне становятся четырнадцать декоративных панно «Нимфеи» — водяные лилии. Мастер работал над ними почти слепой, обессиленный, одинокий. Ушли из жизни друзья и близкие. Мане, Сислей, Базиль, Ренуар... Все чаще вспоминалось ему теперь начало — мастерская Глейра, когда юный Моне писал с натуры обдуманно разложенные предметы, как на том холсте «Охотничьи трофеи», репродукция которого представлена на вкладке и глядя на который с трудом веришь подписи: Клод Моне. Тогда у него впервые появились друзья-единомышленники Базиль, Ренуар, Сислей, пришедшие заниматься в ту же мастерскую, славившуюся относительной творческой свободой. В дружбе обретя силу и убежденную в правоте своей дерзость, они с жадной энергией принялись работать, искать. Они не просто желали бунтовать, а решили делом подкреплять свой бунт против испытанной и безопасной живописи, где все добротно, блистательно и тошнотворно. Нет, не зря они были дерзкими!

Семидесятичетырехлетний Клод Моне начал писать свои «Нимфеи» не для выставки, не для того, чтобы их приобрели торговцы живописью или коллекционеры. Художник решил принести свой последний труд в дар народу. В 1927 году «Нимфеи» разместились в двух отведенных специально для них залах музея Оранжери...

Клод Моне умер 6 декабря 1926 года в Живерни.

Клод Моне. 1840—1926. ВОКЗАЛ СЕН-ЛАЗАР. 1877.

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

Клод Моне. ГОРОДОК ВЕТЕЙЛЬ. 1879.

Руан. Музей.

Александр **КОВАЛЕНКОВ**

ЛИРИКА

ВНУЧКЕ

А там тропой знакомою...
Старинная песня

В твоих следочках маленьких
Ручья лесного горсть,
А над постелью маятник —
Из сказки медный гость;
Сквозь сны пришел шагающий —
Вперед — назад — вперед,—
Всеведущий, всезнающий
Столетий пешеход.

Шагает, чуть торопится
Старинный механизм;
Все так же печки топятся
И «звезды смотрят вниз».
Но зреют вновь события,
Клокочет, льется сталь,
Готовятся отплытия
В космическую даль.
Заботы ежедневные,
Бой жизни и смертей
И наши песни гневные —
Защита всех детей...

Ах, что ж это, куда ж это
Меня вдруг занесло?
Что пережито-прожито,
В предзимье расцвело.
Нам не пристало пятиться,
Спешить в небытие.
Надень-ка, внучка, платьице
Красивое свое.

Тропинки подмосковные,
В черемухе река...
Не старые, не новые,
А просто облака...

Апрель 1971 г.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Суммируя все сведенья, все даты
Действительных и мнимых перемен,
Меня бы прокляли друзья мои — солдаты,
Увидев, что тебе я сдался в плен.

Не сдамся и тебя пленять не стану —
Единственную... лучше всех других.
Приду прощаться, а в окошко гляну —
И снова под гипнозом глаз твоих.

Вот здесь и рассуди, где правда, где
неправда;
Смеются боги, ангелы грустят,
И мудрецы — на то дано им право —
За стеклами очков скрывают взгляд.

ЭХО

Дальний переулок, клены, ивы...
Струн цыганских звездная страда...
Прежние, знакомые мотивы.
Чудится, тебя я ждал тогда.

Чудится... А в чем же это чудо?
Сорок лет ушло
в заоблачье
с тех пор.
Проросла воспоминаний груда,
Был костер и улетел в простор.

Впрочем, та цыганская страница
Объяснений требует иных;
Слишком много грезится и снится
В умных излученьях глаз твоих.

Прячешься... Ну, что ж, такое дело,
Смотришь, где я подведу итог.
Ну, а мне любовь не надоела,
Каждый день влюблялся, если б мог.

* * *

И. С. Козловскому

Горит и не сгорает лето;
Гремит, шумит морской прибой;
Сгорает лето — вижу это
Один, а не вдвоем с тобой.

Волна качает вспышки смеха;
Диск солнца в глуби — голубой;
Смолкает лето — слышу эхо
Один, а не вдвоем с тобой.

В степную даль, лесную просинь
Уходит молодости зной,
И ты свою встречаешь осень
Одна, а не вдвоем со мной.

ПРАВДА, ТОЛЬКО ПРАВДА

Старший следователь по особо важным делам МВД СССР полковник Дайнеко.

Фото А. Левина.

«Правда! Только правда, и ничего, кроме правды» — эта формула судебной присяги наиболее полно характеризует документальный фильм «Следователь по особо важным делам» [1], показанный недавно Центральным телевидением.

Поединок следователя с преступником! Сотни тысяч экранов стали ареной этой схватки. Беспристрастный глаз телевизионной камеры собрал, сконцентрировал в короткие два часа многомесячный поединок Закона и Преступления. Анатомически точно, беспощадно высвечены все перипетии борьбы, где изворотливости, хитрости, преступной опытности убийцы и вора противопоставлен прежде всего т р у д. Тяжелый, кропотливый, методичный труд следователя по особо важным делам М. П. Дайнеко соединил остальные слагаемые победы — ум, знания, опыт, человеческую страстность, спаянную с естественным ощущением бесконечной правоты своего дела.

Преступник «гастролировал» по стране, и везде, где бы он ни появился, он обманул, украл. Или убил. Перед следствием стояла задача — не только покарать этого выродка, но в первую очередь обезвредить его, изолировать, успеть остановить прежде, чем он натворит что-нибудь еще. Нет смысла пересказывать, как это удалось сделать М. П. Дайнеке, его помощникам — старшему инспектору уголовного розыска МВД СССР Б. А. Мудрову и следователю В. Гирштейну,— телезрители с исчерпывающей полнотой увидели все на своих экранах. Важно, что фильм вызвал широчайший зрительский интерес не только за счет своего жанра. Интерес вызван необычностью фильма, а необычен он во всем. В нем нет сценария в привычном понимании этого слова, ибо сценарий создавала сама жизнь. Скрытая камера документально зафиксировала процесс разоблачения преступника во всей его обнаженности, безыскусности, уловив такие нюансы душевного состояния людей, движений характера, улик поведения, «поставить» которые не под силу режиссеру художественного фильма, даже самому талантливому. Отсюда оценка художественных достоинств фильма: эти достоинства присущи ф а к т у, д о к у м е н т у, и вопрос лишь в том, насколько точно создателям фильма удалось отобрать факты и документы, зафиксировать их, объяснить средствами кинематографии. Думается, что авторам сопутствовал успех: большинство кадров, безусловно, отвечает основной задаче — без прикрас показать беззаветный и высококвалифицированный труд следователя, закономерность его победы над омерзительным оборотнем, обреченность преступника и неотвратимость кары.

А теперь о частностях, заинтересовавших очень многих телезрителей. Имело ли дело перспективы раскрытия в момент, когда киногруппа приступала к съемкам? Подозревал ли следователь в этот момент, что разыскиваемый им вор к тому же еще и убийца? Знал ли преступник о том, что его снимают на пленку? Как относился к киносъемке сам следователь?

Консультант фильма, начальник Следственного управления МВД СССР комиссар милиции III ранга С. В. Мурашов объяснил нам, что к началу съемок ни личность вора, ни его более тяжкие преступления следствию еще не были известны.

— Однако,— рассказывает Сергей Васильевич,— сам ход расследования, собранные к тому времени материалы: характер преступлений, специфический «почерк» преступника, его внешний облик, зафиксированный «фотороботом»,— все это создавало в нас несокрушимую уверенность в том, что преступник неизбежно будет взят. Поэтому киногруппа приступила к делу еще в период разработки. В результате она получила возможность произвести уникальные съемки задержания и первых допросов преступника, не прибегая к игровым кадрам даже в таком «узком» месте.

Само собою разумеется, что преступник с самого начала и до конца не знал о том, что процесс следствия снимается на пленку. Необходимость съемки скрытой камерой объясняет, между прочим, отдельные технические огрехи ленты: нельзя было обеспечить нужного для киносъемок освещения, должным образом установить микрофоны.

Но пора, однако, задать последний вопрос полковнику Дайнеке.

— Как я относился к съемкам?— задумался Михаил Петрович.— Не скрою, поначалу они меня несколько смущали, поскольку невольно приходилось выступать в роли кинозвезды. А я, знаете ли, к этому не привык... Но именно благодаря тому, что съемки начались на самой ранней стадии расследования, я успел настолько привыкнуть к киноработникам, что к моменту задержания и допроса преступника их уже практически не замечал. Делают люди свое дело, мне не мешают, значит... быть по сему...

Значит, быть по сему. Каждый занимался своим делом, и, надо сказать, занимался им хорошо. Следователь обезвредил опаснейшего преступника, а Центральное телевидение показало миллионам телезрителей интересный и поучительный фильм.

Аркадий и Георгий **ВАЙНЕРЫ**

[1] Авторы О. и А. Лавровы, В. Виноградов.

Бригада Виктора Павловича заступает на смену.

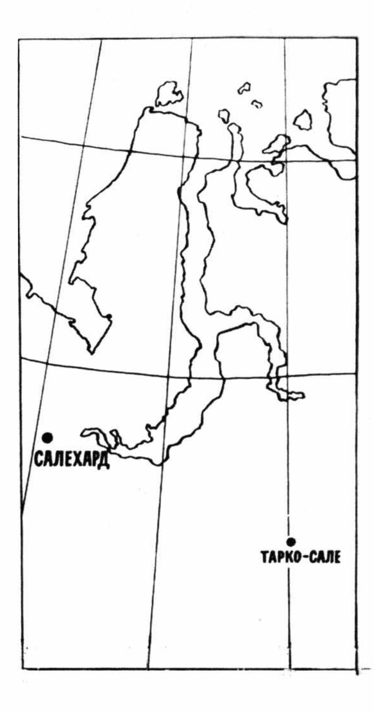
ОГОНЁК В СИБИРИ

Сегодня мы начинаем рассказ о том, как на землях Сибири и Дальнего Востока воплощаются в жизнь решения XXIV съезда КПСС.

Этот репортаж наши корреспонденты ведут с северных земель Сибири. Они рассказывают о правофланговых девятой пятилетки, о нефтяниках, достойно встречающих свой праздник — Всесоюзный день работников нефтяной и газовой промышленности.

Игорь АНДРЕЕВ

Фото А. Гостева.

— База вызывает сорок третий, сорок пятый, двадцать третий, шестнадцатый... База вызывает сорок третий, сорок пятый, двадцать третий, шестнадцатый...— монотонно повторял радист.

— Говорит сорок пятый, говорит сорок пятый. База, база. Как слышите? Прием.

Начальник берет микрофон:

— Доброе утро, Марк Иванович. Как идут дела? Что нового?

— Нужен цемент. Боюсь, наших запасов не хватит...

Слова затухают и пропадают совсем. В дверь протискивается главный геолог Токарев и сообщает нерадостную весть: «Аэропорт закрыт, на полосе сильный боковой ветер. А сорок пятый просит цемент. Что будем делать?» И словно в подтверждение этого далекий голос из динамика настойчиво твердит:

— База, база, говорит сорок пятый. Жду цемента...

СЕРДЦЕ И СЕ

— К вам выходят машины, слышите?

— Хорошо! Ждем...

Что-то затрещало, и голос пропал совсем.

— База, база, говорит двадцать третий. Где же монтажники?

— Будут сегодня монтажники. Ждите...

...Таковы они, хлопотливо-тревожные будни тех, кто здесь, на Севере, ищет нефть. В поселке Тарко-Сале — два часа лету от Салехарда — находится их штаб, база геологоразведочной экспедиции. Сюда стекаются вести с мест, отдаленных порой на много-много километров. И начальника экспедиции И. П. Брансбурга мы застали в маленькой комнате радистов: ждет сообщения с буровых. Много лет назад он приехал на Север, приехал сразу после окончания Московского института нефти и газа. И началось: тайга, буровые, базы, снова тайга, тундра, цемент, машины, дороги.

ВЕР

Так измеряют уровень воды у вышки в половодье.

...Машины, груженные мешками с цементом, съехались к зданию экспедиции. Шоферы, неторопливо переговариваясь, терпеливо поджидали товарища, который задержался в столовой,— все знали, что у него там девушка и что он должен перед отъездом побеседовать с ней. Тепло укутанные моторы глухо гудели, газ из выхлопных труб сносило в сторону. Из столовой, застегивая на ходу щегольскую куртку, появился водитель. Вместе с ним из открытой двери вырвалась веселая музыка и голос Муслима Магомаева: «Сердце на снегу...» Монтажники рассаживаются в теплых кабинах. Тронулся первый грузовик, за ним второй, четвертый, девятый — и скрылись в тайге.

Ухабистая дорога горбато выгибается на оврагах и заворотах. Врываясь ревом моторов в таежную тишину, упрямо качаются из стороны в сторону на скосах машины. Летом болота расползаются вязкой и топкой жижей и жухлая трава встает на том месте, где шли тракторы и грузовики.

Шофер головной машины Юра, молодой парень в кожаной куртке, крепко и в то же время небрежно держал баранку, оглядываясь вокруг. Он считается азартным охотником и сейчас высматривает дичь. Любитель дальних странствий, он работал во многих экспедициях и изъездил вдоль и поперек весь Север.

— Эх, ушло все зверье!

А в это время с дерева, мимо которого проходила машина, сорвался грузный глухарь и, тяжело взмахивая крыльями, отлетел от дороги. Юра тотчас нажал тормоз и схватил ружье. Открыл дверцу, выстрелил. Глухарь взвился вверх, на секунду замер, судорожно трепеща крыльями, и скатился вниз, ломая редкие ветки лиственницы.

...Тайга потемнела. Солнце медной тарелкой повисло между деревьями, и сиреневые перышки облаков порозовели с краев.

— Разве отсюда уедешь?!— спросил Юра, включая фары.— А мог бы. Звал меня родственник в Москву. Он тоже шофером работает. Приезжай, говорит, Юра, к нам. Столица! Подумал я, подумал и не согласился. Тесно там, народу тьма... Только и знай — тормози... Сам я из Горького, а жена москвичка, тоже было нажимать стала, но я Север не оставлю. Привык за восемь лет. То в одной экспедиции, то в другой. Охота, рыбалка, да и зарплаты хватает. Ну, куда же отсюда?.. А вон и сорок третья.

Вдалеке, высоко над землей, заморгали на трубах огни. Буровая.

В маленьком деревянном домике — балке́ тихо, по-домашнему уютно и тепло. Мурлычет железная печурка, подпрыгивает крышка на большом чайнике. На дощатой перегородке — репродукция с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Почему именно эта репродукция украсила жилье буровиков, объяснить трудно. Здесь живет мастер Виктор Павлович Лагутин, хозяин буровой. Глаза его, хоть и усталые от бессонных ночей, поблескивают молодо и насмешливо. Руки у него тяжелые, с узловатыми пальцами, движения неторопливые и уверенные.

Виктор Павлович — специалист-практик по глубокому бурению. За многие годы он прошел столько скважин, нефтяных и газовых, что если сложить их глубины, то получились бы многие десятки, а может быть, и сотни километров. Работал в Крыму, с юга судьба закинула его на восток, а потом и на север. Его буры вгрызались в землю Красноярскую, Томскую, его вышки вырастали на берегах всех притоков Оби. Теперь он здесь и готовит к пуску новую буровую, которая должна пробиться к подземным нефтяным океанам. Запасы газа насчитываются триллионами кубометров. Но здесь должна быть и нефть. Много нефти... За разведку северных месторождений Лагутин удостоен высокой награды — ордена Ленина. Его друзья и коллеги, буровые мастера, тоже получили награды: М. И. Косенко с сорок пятой буровой — Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, П. И. Иванов с шестнадцатой — орден Ленина.

В балок ввалился тракторист.

— Садись кофе пить,— предложил Лагутин.— Что там у тебя стряслось?

— Замену мне надо бы дня на два. В поселке у жены с жильем не ладится.

— А нам как же без трактора? Вышку центровать будем, знаешь ведь...

— Знаю.— Тракторист зажал в руках стакан горячего кофе.— Может, пришлют кого с базы?

— Скорей всего не пришлют никого. Трактористов и так не хватает. Иди, брат, работай. Вот ведь угораздило,— проворчал Лагутин и написал в тетради связи: «Достать замену трактористу Алексееву».

За долгие годы работы много разных людей встречал Виктор Павлович в буровых бригадах, людей с различными характерами, привычками, недостатками и достоинствами. И каждому отдавал все свои знания. Попадались и трудные, казалось, неисправимые. От бурильщика Крюка все отказались: сбившийся с пути человек, любитель крепко выпить. Лагутин взял его к себе в бригаду, зная по опыту, что из него выйдет настоящий рабочий. Терпеливо воспитывал на большом, на главном деле. Сделал бурильщиком, дал под начало вахту. Сейчас Крюк — один из опытных работников в бригаде.

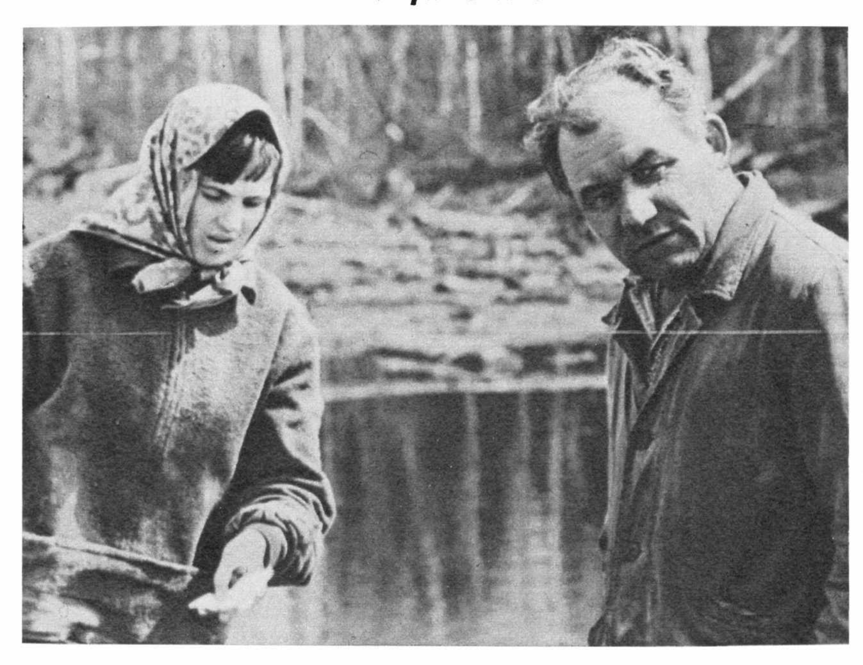
...У буровой со свистом, с надрывным хрипом скважина выбрасывает газовый фонтан. Часть этого дешевого газа питает мощные турбины — тысяча четыреста лошадиных сил каждая. Буровая номер сорок три — вторая в нашей стране, оборудованная экспериментальными турбинами. Экономия, приносимая ими, огромна. Скоро они ввинтят в недра стальные трубы, доберутся до самых глубинных нефтяных артерий.

Лагутин снова и снова проходит по всем узлам этого сложного сооружения. Чутко прислушивается к перебоям насоса, что-то втолковывает помощникам, приготавливающим цементный раствор, дает указания ветерану экспедиции, начальнику вахты бурильщику Александру Булкину. Все тут сейчас живут в напряженном ожидании дня рождения новой буровой, проходки первых метров скважины.

— Толковые ребята у Булкина.— Виктор Павлович наконец уселся на трубу, закурил.— Перепадает им от меня, хотя дело свое исполняют добротно. А как смена кончится, все в тайгу на охоту — от меня отдохнуть.— Он рас-

Вот она, буровая вышка номер сорок три. Здесь ее зовут «лагутинской».

Мастер Виктор Павлович Лагутин, хозяин буровой, и коллектор Валя Иванова.

Только вертолетом можно долететь!

смеялся беззлобно, по-отечески. О своей службе, о своей жизни Лагутин мало говорит, о себе рассказывает только самые, на его взгляд, необычные случаи.

— Я и сам частенько в тайгу забирался с ружьишком. Однажды полез на болото за глухарями и, представьте, заблудился. Весь день кружил. Промок, озяб. Подстрелил куропатку и ел ее сырую. Понемногу ел — экономил. Спичек нет, патроны промокли. Пришлось заночевать в лесу. А уже иней лежал на траве. На третий день совсем ослабел. Отдыхал стоя, боялся сесть: сядешь — заснешь, замерзнешь — и конец. Вдруг почудилось, будто шумит что-то. Сначала решил, что это с голоду и от усталости мерещится, а потом понял: на буровой дизели тарахтят. И я потихонечку, от дерева к дереву, пошел на шум. Увидел вдалеке вышку, а идти дальше не могу — сил нет. До буровой так и не добрался. Потерял сознание. Метров за двести от балков меня ребята и нашли.

Виктор Павлович придавил каблуком сигарету, натянул рукавицы и стал пробираться к турбинистам.

В балке́, стоящем неподалеку от вышки, было тихо, темно и накурено. Назойливым сверчком стрекотал кинопроектор, потрескивала печка, звенела гитара, и мягкий женский голос пел тихую нежную песню — о любви, об ожидании, о встречах... На экране маленького кинотеатра билось о камни, пенилось теплое, заманчивое Черное море. Зябко подрагивая плечами, ребята мечтательно глядели на золотые песчаные пляжи, на пестрые солнечные тенты, на катера. А у них-то здесь холодно...

...Утро. Солнца еще не видно, но кедры вдалеке уже загорелись на макушках. На вершине вышки трепетал ослепительно-красный флажок. Дорога, ухабисто петляя по реке, огибая прибрежные лиственницы, убегала куда-то далеко, пропадая в глубине тайги.

Юркий самолет АН-2, совершив круг над вышкой, сел на реку. Пассажиры шли к буровой. Главный механик экспедиции Абраев еще издалека крикнул Лагутину:

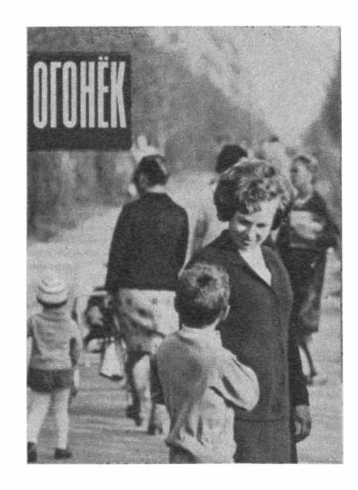
— Запускай турбины, Виктор Павлович! — Главный механик прилетел на пусковую конференцию.

Сейчас на конференции мастеру вручат графики работы, поставят задачи, оговорят режимы, последний раз все досконально проверят, и начнется бурение.

Вслед за пассажирами из самолета выбрасывали мешки, свертки. Здесь и почта, и продукты, и запчасти. Большой рыжий пес по кличке Чувак отгонял от груза других собак. Он живет в бригаде лет восемь, и рабочие считают его полноправным членом коллектива.

Прилетевшая с отдыха вахта бурильщика Дудки тащила поклажу к жилью. Через несколько дней тяжелой, выматывающей работы вахта снова улетит на базу на трехдневный отпуск — так уж заведено: три дня дежурства, день отдыха.

Сменившаяся вахта заняла места в самолете. За грохотом двигателя ребята не слышали, но точно знали, что внизу в этот момент на вышке ревели турбины и зубастый бур проходил свои первые метры. Он врежется в плотную породу, в слой вечной мерзлоты — в поисках драгоценной нефти.

ЖИВЕТ В АНГАРСКЕ ЖЕНЩИНА

Л. МОНЧИНСКИЙ

...Ей двадцать восемь лет. Она депутат Верховного Совета СССР. Вы обращали внимание, с какой непринужденностью и изяществом владеют расческой опытные парикмахеры? Вот так же, легко и свободно, владеет мастерком Людмила Таранова. Она лучший маляр-штукатур в молодом сибирском городе Ангарске.

Город этот родился 30 мая 1951 года там, где воды стремительной реки Китой впадают в Ангару. Родился он в краю, где устойчивая минусовая температура держится от 160 до 180 дней в году и нередко ртуть опускается до отметки минус 40. Его строили в тайге парни и девчата, приехавшие по путевкам комсомола. Вскоре ангарчане установили первый рекорд: их город стал чемпионом республики по рождаемости, а наиболее распространенным видом транспорта оказалась детская коляска. И у Тарановых появился маленький Эдуард. Сейчас ему восемь лет, он учится во втором классе. Мальчик наотрез отказался посещать музыкальную школу, заявив родителям, что лучшая музыка на свете — звон футбольного мяча. Мама в панике. Папа спокоен. Центральный нападающий заводской команды «Нефтяник» считает футбол занятием, достойным настоящего мужчины.

Александр Таранов работает слесарем на ангарском нефтехимическом комбинате. Это самое мощное предприятие города. Выпускаемая им продукция разнообразна: карбамид и аммиачная селитра, серная кислота, полистирол, бензол. Химический гигант — поставщик предприятий двадцати двух стран мира.

Итак, место действия и действующие лица представлены. Слово имеет Людмила Таранова:

— Мне часто задают вопрос, почему я стала строителем. Любовь к этой профессии пришла не сразу. В детстве я мечтала быть летчицей, но, повзрослев, решила, что буду портнихой. Два года после окончания средней школы училась шить и кроить. Получалось неплохо, но я чувствовала, что занимаюсь не своим делом. И тогда был созван семейный совет. Моим главным оппонентом оказался Александр. Он решительно заявил, что строить должны мужчины. Но в шестьдесят седьмом я вышла победительницей в городском конкурсе «Золотые руки» среди маляров-штукатуров, и спор был решен.

Бригада, в которой я работаю, отделывала самые красивые здания в Ангарске — дворец культуры «Современник», новый корпус конструкторского бюро автоматики и здание городского Совета депутатов трудящихся, где я веду прием избирателей. Ко мне приходят молодые и старые, обиженные жильцы и просто склочники, приходят пенсионеры и руководители предприятий. А совсем недавно напротив меня сидел мэр города Павел Громович. Два часа мы разговаривали о необходимости срочно заняться благоустройством нового района города, шагнувшего далеко в тайгу. Были у нас с ним сей счет споры, но мы, кажется, нашли общий язык...

Я обратила внимание на то, что мужчины не всегда охотно обсуждают серьезные проблемы с женщиной. И тут иногда приходится проявлять чрезмерную настойчивость. Во время первой сессии Верховного Совета СССР я пошла к одному из министров с намерением получить деньги на расширение жилищного фонда города. Министр встретил меня приветливо, одарил комплиментами и попытался отделаться шуткой: такой город так быстро отгрохали и еще просите жилье! Но я не склонна была вести разговор в шутливом тоне и предложила министру заняться математикой. Без особого труда удалось доказать, что в Сибири население растет быстро, особенно в молодых городах, и здесь своя, сибирская мера требований на жилье.

— Деньги выделим, можете мне поверить,— сказал министр, прощаясь.

...Новые обязанности мамы принесли в дом Тарановых новые заботы. Папа стал срочно изучать секреты кулинарии и основательно познакомился с продуктовыми магазинами.

— Особенно напряженной оказалась борьба с собственными вкусами и привычками,— улыбается Александр Таранов.— Но сейчас я достаточно устойчиво вошел в роль хозяйки. Самодисциплина — вот главная истина, которую мне пришлось познать. Обязанности распределены следующим образом: завтрак готовит жена, обедаем в столовой, вечером на кухне хозяйничаю я. Забота о стирке белья возложена на районный комбинат бытового обслуживания. О воскресенье стоит рассказать особо. Это, пожалуй, единственный день, когда мы не расстаемся.

...Воскресенье. С утра семья Тарановых отправляется собирать грибы в соседнем лесу, старые ели которого заглядывают в окна их дома по улице Горького. Не проходит и двух часов, как корзина полна золотистых маслят и рыжиков. Вы умеете жарить грибы в сметане? Людмила Таранова делает это великолепно. Воскресный обед обычно собирает к столу друзей, а затем мужчины отправляются в соседнее кафе, посидеть, поговорить о новом тренере футбольной команды «Старт».

В доме тихо, и Людмила Таранова садится за составление плана работы на следующую неделю. Дело это нужно закончить к 17 часам, потому что в 18 часов их будет ждать такси. Сегодня в Иркутском драматическом театре премьера нового спектакля. Заядлым театралам, им придется проделать путь в полсотни километров, чтобы побывать на премьере.

...В Ангарске десятки клубов, кинотеатров и дворцов культуры, но ни одного театра. О строительстве театра говорят с момента рождения Ангарска. Но где взять деньги?

— Из фондов промышленных предприятий,— предлагает депутат Верховного Совета.— Нужно действовать энергичнее, и тогда нас поддержат жители, которые полны решимости сделать Ангарск лучшим городом Сибири.

Впрочем, Таранова озабочена не только проблемами родного города. Она, например, консультируется со специалистами по делам, волнующим многих и многих сибирячек. И эти консультации дают ей основание ставить вопрос так:

— Нельзя не учитывать климатические условия Сибири. По-моему, женщины Сибири имеют право на некоторые возрастные привилегии.

...Ангарск журналисты по старой привычке называют большой строительной площадкой. А город между тем уже основательно врос в тайгу, будто простоял в ней лет сто. Но одно верно: профессия строителя здесь особо ценится.

Людмила УВАРОВА
Рассказ
Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

ТОГДА, В С

Павел Федорович Кусиков провожал на фронт последнего сына.

За два года войны он проводил троих сыновей, двоих вызвали повесткой, а самый младший, Коля, ушел добровольцем. И вот теперь на войну уходил четвертый сын, Федор, который в течение нескольких месяцев не отставал от военкома, подполковника Черных Осипа Макаровича, пока наконец военком не передернул с досадой могучими плечами и не сказал:

— Быть по-твоему!

Осип Макарович знал Федора с самого нежного возраста, поскольку дочка Осипа Макаровича Лена вместе с Федором ходила в один и тот же детский сад и все последующие десять лет просидела вместе с ним за одной партой.

Федор не был похож на братьев, рослых, здоровых, даже меньшой Коля вымахал чуть ли не до верхней филенки двери.

В отличие от них всех Федор был узкоплечий, ростом не вышел и лицом не удался: мелкие прыщики на худых щеках, глаза близорукие, постоянно щурятся. Зимой сравнялось ему двадцать три, и работал он недалеко от города, в лесничестве, техником.

Может быть, потому, что Федор последним уходил на фронт, Павел Федорович вдруг не сдержался, заплакал. Он стоял возле вагона, закинув голову, глядел на сына, а слезы непослушно катились по щекам, и он ничего не мог с собой поделать.

Сразу вспомнились прошлые проводы, когда уходили его сыновья друг за дружкой на фронт, и вот теперь суждено ему было остаться одному в ожидании писем и весточек от всех четверых.

Федор, отродясь не видевший отца плачущим, необычайно смутился и даже как-то ошеломленно уставился на него, не в силах выговорить ни слова, но отец, опомнившись, наскоро вытер глаза и сказал с обидой:

— Хоть бы ребятенка какого-никакого заделали, все бы знал, что-то от вас, от каждого, со мною осталось...

Пожилой старшина, стоявший рядом с Федором, усмехнулся:

— Что, никак не успел поженить своих ребят?

Павел Федорович махнул рукой.

— Какое там, сами вроде еще дети.

И вдруг, к несказанному его удивлению, Федор, деликатно кашлянув в ладонь, сказал:

— А вообще-то, папа, вы, если хотите, дедушка...

— Кто? Я?— не понял Павел Федорович.

— Дедушка,— повторил Федор.— Одним словом, свекор. Она у нас в лесничестве живет, красивая девушка, на все сто.

— Это что, твоя, что ли?— запинаясь, спросил Павел Федорович.

— Нет, что вы, куда мне такую. Это Колина, жена не жена, вроде...

— И пацан у нее от Коли?

— Пацанка, уже полтора года.

Резко загудел паровоз. Федор спрыгнул на землю, крепко обнял Павла Федоровича, обдав его знакомым запахом горьких осиновых листьев,— так от него постоянно пахло с того дня, как устроился работать в лесничестве.

Павел Федорович только и успел наскоро прижаться к щеке сына, как Федор на ходу вскочил в вагон, и Павел Федорович, глядя вслед уходившему поезду, долго еще видел руку Федора, махавшую до тех пор, пока не скрылась она в облаке густого паровозного дыма.

И только тогда, когда Павел Федорович повернул к дому, вспомнились ему слова сына, и он подумал, что так и не сумел выведать имя этой самой раскрасавицы и точное место ее жительства.

Но, как он понимал, это дело было не самым трудным, надо было просто-напросто отправиться в лесничество, расспросить там добрых людей, кто-нибудь да укажет.

Так все и вышло. На следующий же день он отправился в лесничество, и оказалось, все кругом давным-давно знали о Колиной зазнобе и о дочке Маше, Марии, названной в память покойной жены Павла Федоровича, матери его сыновей. Вот ведь как вышло, все знали, а он, родной отец, и ведать не ведал...

Подруга Коли, Анна, работала учетчицей.

Плечистая, полногрудая, с круглым, немного тяжеловатым лицом, пышноволосая — волосы выбивались колечками из тугой косы, обвивавшей голову, она хмуро сказала Павлу Федоровичу, пришедшему к ней в контору:

— Сейчас у меня самая запарка...

— Так что я не ко времени?— спросил Павел Федорович.

— Приходите домой...— И показала в окно, где находился ее дом, напротив конторы.

Он послушно вышел из конторы, стал прохаживаться мимо барака, поджидая ее.

Голубой снег засыпал крышу продолговатого многооконного барака, на веревках во дворе висело прокаленное морозом белье, замороженные простыни и полотенца жестяно звенели, колеблемые ветром.

Вокруг было очень много детей, совсем маленьких, закутанных в платки, и постарше, бегавших друг за другом, кидавшихся снежками. Гул стоял в морозном воздухе от их многоголосого крика и гомона.

Павел Федорович придирчиво вглядывался в тех, кто поменьше, искал похожую на Колю девочку. Казалось, он узнавал знакомые черты то в одной, то в другой розовой мордашке, но все никак не мог решить, которая всетаки его внучка.

Подошла Анна, сухо молвила:

— Пойдемте.

Он обернулся, спросил:

— А Маши здесь нет?

— Маша болеет, дома лежит.

В небольшой неуютной комнате с чисто выбеленными стенами и узким окном стояла железная кровать, на кровати лежала девочка. Завидев Анну, девочка закричала сиплым, простуженным голосом:

— Мама пришла!

— Пришла,— ворчливо отозвалась Анна.— Куда же твоя мама от тебя денется?

Кивнула на стул, стоявший возле стола, накрытого серой, порядком изношенной клеенкой.

— Садитесь.

Павел Федорович снял пальто, поискал глазами вешалку, не нашел, повесил пальто на гвоздик около двери, потом сел на заскрипевший под тяжестью его сильного тела стул. Молча огляделся кругом.

Бедно живет его сношенька, ничего не скажешь. Одеяло на кровати ветхое, сатиновое, когда-то ярко-голубое, теперь вконец выгоревшее.

В углу под простыней — нехитрая одежда, из-под простыни торчит кусок ситцевого платья или кофты, белый в розовую полоску. Неуклюжая кирпичная печь уже остыла, в комнате прохладно, даже если и с улицы входишь — все одно зябко.

На стене висит единственное украшение — плакат, известный каждому с первых дней войны: «Родина-мать зовет!» Женщина в платке, накинутом на голову, гневно расширив глаза, взмахнула рукой, как бы призывая идти вперед, а вернее, благословляя идущих в бой.

Анна разожгла примус, стоявший на столе, согрела молоко в кастрюле, налила в граненый стакан.

Присела на кровать, дала стакан девочке.

— Чтобы все выпила, слышишь?

— А сахар?

— Нет сахара, вечером принесу...

Девочка скосила глаз на Павла Федоровича, спросила громко:

— Это кто, мама?

— Пей,— все так же хмуро ответила Анна.

«Вот она какая, моя внучка»,— подумал Павел Федорович.

С первого взгляда она показалась ему какой-то чужой — круглые серые глаза, нос пипочкой, ярко-розовые, должно быть, пылающие жаром щеки. Ни одной знакомой черты, ничего, сколько он ни искал, родного, унаследованного от Коли, впрочем, и на мать не больно похожа, та, по совести говоря, красивая, что есть, то есть, не отнимешь, всем взяла: и ростом, и осанкой, и лицом.

Украдкой, таясь от Анны, он разглядывал ее, мысленно представил вместе с сыном так, как можно себе представить молодую женщину с молодым мужчиной, застыдился грешных своих мыслей и, чтобы она не поняла, о чем он думал, спросил:

— Что с дочкой-то? Чем больна?

— Ангина,— коротко ответила Анна.

Взяла пустой стакан, поставила на стол.

— Все время болеет, вся насквозь простуженная.

— Это почему же?

— Почему?

И вдруг заговорила быстро, сердито кидая в лицо Павлу Федоровичу злые, колючие слова:

— Он еще спрашивает! Сам живет в тепле, в достатке, дом собственный, сам себе хозяин, а мы с Машкой в холодном бараке маемся, утром протопишь печь, к обеду все как есть выдует.

— Постой, не тарахти,— прервал ее Павел Федорович.— Чего это ты на меня, как дворовый пес, кидаешься? Ты спокойно говори, как следует.

Она снова подошла к Маше, села в ногах кровати.

— Как следует... Видно, и вправду сытый голодного не разумеет. У вас в дому теплынь, а вы вот здесь хотя бы день поживите!

— Какая ты, ну, рассуди сама, чем это я виноват, что у меня тепло, а у тебя, скажем, печь никуда не годится?

— Виноват,— упрямо повторила она. Красивые карие глаза ее возбужденно блестели.— На всем свете никто не виноват, один вы!

— Да чем же? Поясни...

— Всем,— отрезала Анна.— Сыновей своих запугал до того, что слова наперекор боятся сказать. Это где же такое видано, что всем кругом известно, один вы и знать-то не пожелали, что у Коли дочка, вон, скоро два года...

— А почему же Коля мне ничего не сказал?

— Потому, что воспитали так. Я ему, бывало, скажу: что ж ты отцу ничего не говоришь, неужто такой он бесчувственный, что свою кровь знать не захочет? А он: нет, что ты, папа у нас характерный...

Последние слова она произнесла, чуть заикаясь, подражая Коле, который и в самом деле немного заикался.

Павел Федорович притворно усмехнулся.

— Чудак человек! Я же и вправду ничего не знал...

Маша сморщила нос, нахмурила светлые, словно раз и навсегда выгоревшие брови.

— Хочу сахара!

— Вечером принесу, сказала, что вечером, значит, жди!

ОРОК ТРЕТЬЕМ...

Павел Федорович подошел, стал возле кровати.

— А что, молока у тебя тоже нету больше?

— Нету, корова нынче не доится,— грубо ответила Анна.

Он ничего не сказал, разглядывая девочку. Как и тогда, когда он впервые вошел в комнату, она казалась ему решительно непохожей на Колю. Но вот она потянулась рукой к его шарфу, засопела, стала дергать махры на концах, потом быстро по-птичьему вздернула голову, снизу глянула на него смеющимися глазами и вдруг разом стала похожей на Колю. Это была его, Колина, манера смотреть снизу вверх лукаво сощуренными глазами, и Павел Федорович только сейчас заметил: губы у нее тоже были Колины, как бы припухшие.

Он провел рукой по голове девочки, ощущая уже забытое детское тепло, мягкость негустых волос, и пожалел, что не захватил с собой какого-нибудь гостинца.

— Маша,— сказал он и сам вслушался в свой голос, произносивший давно уже не называемое имя.— Ах ты, Маша!— Потом сказал строго: — Вот что, Анна, давай собирайся...

— Куда это мне собираться?— с вызовом спросила она.

— Домой, ко мне.

— Никуда я не пойду!

— Пойдешь,— сказал он.— Забирай дочку и пошли.

— Поздненько вы схватились,— негромко сказала она.— Раньше надо было думать, не давить, не гнуть по-своему...

Странное дело, вот такая, какая есть, колючая, непокладистая, она нравилась ему, потому что всегда и раньше нравились такие вот, похожие на нее, самовитые, с крутым нравом, тем ценнее было найти после взаимный лад и согласие.

— Хватит! Что было, то было.

— Что было, то было,— подхватила она,— и уже не сотрешь, не забудешь.

Слеза блеснула на ее щеке.

— Думаете, забуду, как он на фронт уходил и провожать его не велел, потому как папа провожает?

— А ты что? Послушалась?

— Как же! Поехала на вокзал, стала в сторонке, как чужая, и на вас обоих глядела, как вы обнимаетесь напоследок.

Она всхлипнула, но тут же пересилила себя.

— А теперь уходите. Нечего вам здесь делать.

— А ты как же?

— Сказала, не пойду — и не пойду. Вот была бы Колина мать жива, пошла бы, а с вами не хочу.

Он спросил удивленно:

— Это почему же так? Ты ведь Колину мать не знала.

— Наслышана. Хорошая она была, не чета вам.

Анна кивнула на плакат.

— Коля говорил, на эту вот женщину схожая. Сам же и плакат повесил.

— Схожая?— переспросил Павел Федорович. Подошел ближе, вгляделся. Вроде есть сходство, только у женщины на плакате лицо строгое, глаза гневные, а его Маша всю как есть жизнь прожила — громкого слова не сказала...

Снова погладил внучку по голове. Спросил, наклонясь к ней:

— Пойдешь ко мне, Маша? У меня сад яблоневый, я тебе весной качели повешу.

— А мама?— спросила Маша.

— И мама с тобой.

Он встал, снял с гвоздика пальто, накинул на плечи.

— Так, стало быть, завтра утром приду за тобой, а ты будь готова.

Он ожидал, что она опять будет спорить, не соглашаясь ни в чем, но она только глянула на него и отвернулась, и он вышел из комнаты.

Идти до города было не меньше часа. Дул ветер. Снег скрипел под ногами, словно новая кожа.

Вспомнилось, как скрипел пояс на Колиной новенькой шинели в тот, последний день на вокзале.

Вот как бывает. Прощались они с сыном на перроне, а она, Анна, и впрямь, будто чужая, стояла в сторонке, глядя на них. Догадывался ли Коля о том, что она здесь, на вокзале? Не искал ли глазами ее в толпе?

Мысленно Павел Федорович опять говорил с Анной, доказывая свою правоту. Почему-то теперь, когда он шагал один, по дороге, находились самые нужные, доходчивые слова в свое оправдание.

Конечно, чего там греха таить, сыновей он держал строго, с раннего детства до самого последнего дня.

Как это Анна сказала? Сынов давил... Было! Что было, то было. И давил, и вертел ими, как угодно ему, и слова противу себя ни разу не слышал. Только как же это они, ребята его, могли такое стерпеть? Почему ни разу никто из них не возмутился, не сказал ничего наперекор?

Правда, меньшой, как ни говори, сотворил по-своему. Но отцу не сказал. Боялся. А все-таки посмел отойти от отцовской воли. И все, все вокруг знали и, должно быть, осуждали его, отца, может, даже и посмеивались втихомолку над стариком...

Павел Федорович думал обо всем этом, но, странное дело, не ощущал против сына ни злобы, ни даже самой мелкой обиды. И к Анне не было у него недоброго чувства, хотя и наговорила она ему давеча все, что на душе накипело.

Напротив того, сам удивляясь, он вдруг осознал, что оправдывает Колю, потому, как был бы он на месте Коли, неминуемо поступил бы так же.

И, вспоминая слова Анны, невольно соглашался с нею и хотел только одного: чтобы она простила невольную его вину, чтобы согласилась перебраться к нему вместе с Машей.

Маша... Маленькая, родная кровинка, она сразу, в один миг поселилась в его душе, и теперь, он знал, все годы, какие суждено прожить, он отдаст этому теплому огоньку, который совсем недавно загорелся на земле.

И еще он подумал, как теперь оживет его опустевший дом, и уже не будет в нем унылой тишины; Маша начнет бегать, протопает по всем комнатам, подбежит к нему, деду, снизу вверх, совсем как Коля, глянет на него, сощурив глаза...

Короткий зимний день уже угасал. Острые тени ложились на снег. Ветер налетал на деревья, сдувая снежную пыль.

Павел Федорович прибавил шагу. Надо было еще много дел переделать дома: убраться в комнатах, протопить пожарче печь, сготовить обед для Анны и Маши.

Он представил себе, как они все втроем сидят у него дома, слушают сводки с фронта по радио, а потом говорят о Коле, о его братьях, думают, когда-то они все вернутся, и читают-перечитывают Колины письма...

ПУТЕШЕСТВИЕ В БИОКОСМОС

Ким БАКШИ

Сначала об участниках путешествия. Их много — от младших научных сотрудников до академиков. Это химики, перековавшиеся в биологов. Биологи, ставшие заправскими математиками. Это математики и физики, пришедшие в биологию с самоуверенной улыбкой: мол, что у вас тут за проблемы, сейчас мы их решим. И правда: казалось, кому, как не им, героям нашего атомно-кибернетического века, активно осваивающим глубины материи и проникающим в космос,— кому как не им отправиться в близкий нам всем мир живого. Мы ведь и сами живое...

Итак, путешествие в биокосмос, в мир более непонятный, чем Луна. Во всяком случае, на Луне пока человек не нашел так много загадочного, как в живой клетке. Вмешательство физиков, математиков, их электронные приборы, их точные методы исследования — все это распахнуло перед учеными в последние годы такие глубины, такие степени сложности страны Биология, перед которыми невольно останавливаешься в изумлении.

Где-то на дне природы мы видим хорошо знакомые химикам и физикам молекулы и элементы — все эти неживые кислороды, углероды. Можно ли собрать жизнь из простых элементов? И если можно, то где она начнется? Как это произойдет?

Место, откуда мы отправляемся в путешествие,— молодой город Пущино, Центр биологических исследований Академии наук СССР.

На высокой террасе на окском берегу стоят полки современных башен. Они кажутся чем-то инородным в этом царстве спокойных горизонталей — плавно текущей реки, полос белого песка, свежего зеленого леса, мягкими наплывами опускающегося к берегу. Ранними утрами туман лежит на воде и солнце катится сквозь молочную пелену. И выступают из чащи живые холмы-зубры, словно только что пришли из доисторических времен. В лесу и на берегах, каждые несколько недель меняющих окраску и аромат, полыхают или скромно светятся цветы — приокское разнотравье, может быть, одно из самых близких и трогательных даров средней России.

Здесь все символично, многозначительно. И природа вокруг: незримый мост из лабораторий биологов перекинут через Оку к террасному заповеднику, к лесам, полям. И расположенная поблизости деревня, среди трудов напоминающая ученым о хлебе насущном, о почве под ногами. И гигантский, самый большой в своем роде радиотелескоп на окраине Пущина — око, обращенное в космос, ухо, ловящее отзвуки галактических голосов, первый крик новорожденных звезд. Многозначительна и близость усадьбы Поленово с ее просторным домом художника и полотнами на стенах, с копнами свежего сена на ближнем покосе, будто сошедшими с пейзажей самого Поленова. Весь этот прекрасный край художников и ученых зовет углубиться в природу, в ее красоту, в ее сущность.

К 8 часам утра через Проспект науки, через лесную зону, отделяющую город от линии институтов, идут люди. Сквозь острова лип, дубов, берез, лиственниц проложены тропинки, некоторые устланы бетонными ромбами. Рядом в траве вороны бегают за невидимыми мошками. Тихо так, что слышно постукивание проходящего буксирчика с Оки, многократно отраженное домами. Поливальная машина оставляет за собой темную полосу, в которой отражаются многооконные квадраты институтов. Словно тугие, гнутые струи проявляют только что заснятый утренний облик города науки.

Я хочу перечислить название его институтов: биофизики, белка, фотосинтеза, биохимии и физиологии микроорганизмов, агрохимии и почвоведения, специальное конструкторское бюро биологического приборостроения — СКБ БП.

■

Академик Глеб Михайлович Франк — первый директор Научного центра. Он положил памятный камень в фундамент первого в городе биологов института — биологической физики, которым и ныне руководит, не один год собирал в Пущино молодежь «с идеями», ученых, которые не повторяли бы зады, кого не надо было бы кормить с ложечки. Когда шло строительство, были грязь на улицах, неустроенность жилья, оторванность от привычной обстановки, сложившихся научных связей. Франк не раз говорил своим молодым коллегам: «Вот это последняя грязная весна»,— а потом: «Вот это последняя грязная осень». Сейчас, когда эти трудности позади, забот не стало меньше. Институт биофизики, как многоглавый дракон, пожирает время. Порой академику, чтобы пройти сотню метров от директорского кабинета до своей лаборатории, требуется час, а то и больше: его встречают, его спрашивают, спешат поделиться полученным результатом, хотят решить «маленький вопросик» на ходу...

Мой вопрос академику не назовешь маленьким: «Что есть живое?» Он звучит почти как «Что есть истина?». В сущности, речь действительно идет об одной из самых глубоких истин.

Чтобы ответить на мой вопрос, академик предлагает идти от простого к сложному, взять старт из глубин биокосмоса, где лежат молекулы белка и нуклеиновых кислот. Понять, что́ есть живое, можно только поднявшись на более сложные уровни.

На одном из них мы встречаемся с частицами клетки, с ее отдельными органеллами. Например, с рибосомами. Это инженеры-строители, создатели белка. Они словно бы умеют читать чертежи, по которым должен строиться белок, и, согласно этим чертежам, сшивают цепи белка из аминокислот. Такова популярная схема их работы.

Но совсем другое — точная теория. Ее еще не существует в науке. Но есть глубокая гипотеза, она создана в молодом Институте белка, руководимом академиком Александром Сергеевичем Спириным.

Два заместителя директора института, доктор физико-математических наук Олег Борисович Птицын и кандидат химических наук Юрий Васильевич Митин, по моей просьбе перечисляют нерешенные вопросы, которые возникают в связи с рибосомой, этой крохотной частичкой размером около 150 ангстрем — 0,000015 миллиметра. Целый институт — десятки исследователей — изучает ее.

Удивительные создания природы — рибосомы. За считанные минуты и без ошибок они синтезируют сложнейшие белковые молекулы строго определенной структуры.

Лучшей проверкой рибосомной гипотезы была бы искусственная сборка этой клеточной машины и запуск ее в действие. Это задача первостепенной трудности. Она в основном решена учеными Института белка. Теперь возникает самый главный вопрос: как работает рибосома, как всего из двадцати различных аминокислот образуются тысячи белков, каким образом эти аминокислоты организуются в белок, как находят друг друга. Понять это и еще многое другое значит сделать решающий шаг к синтезу белка «в пробирке», к величайшему перевороту не только в науке, но и в жизни человечества.

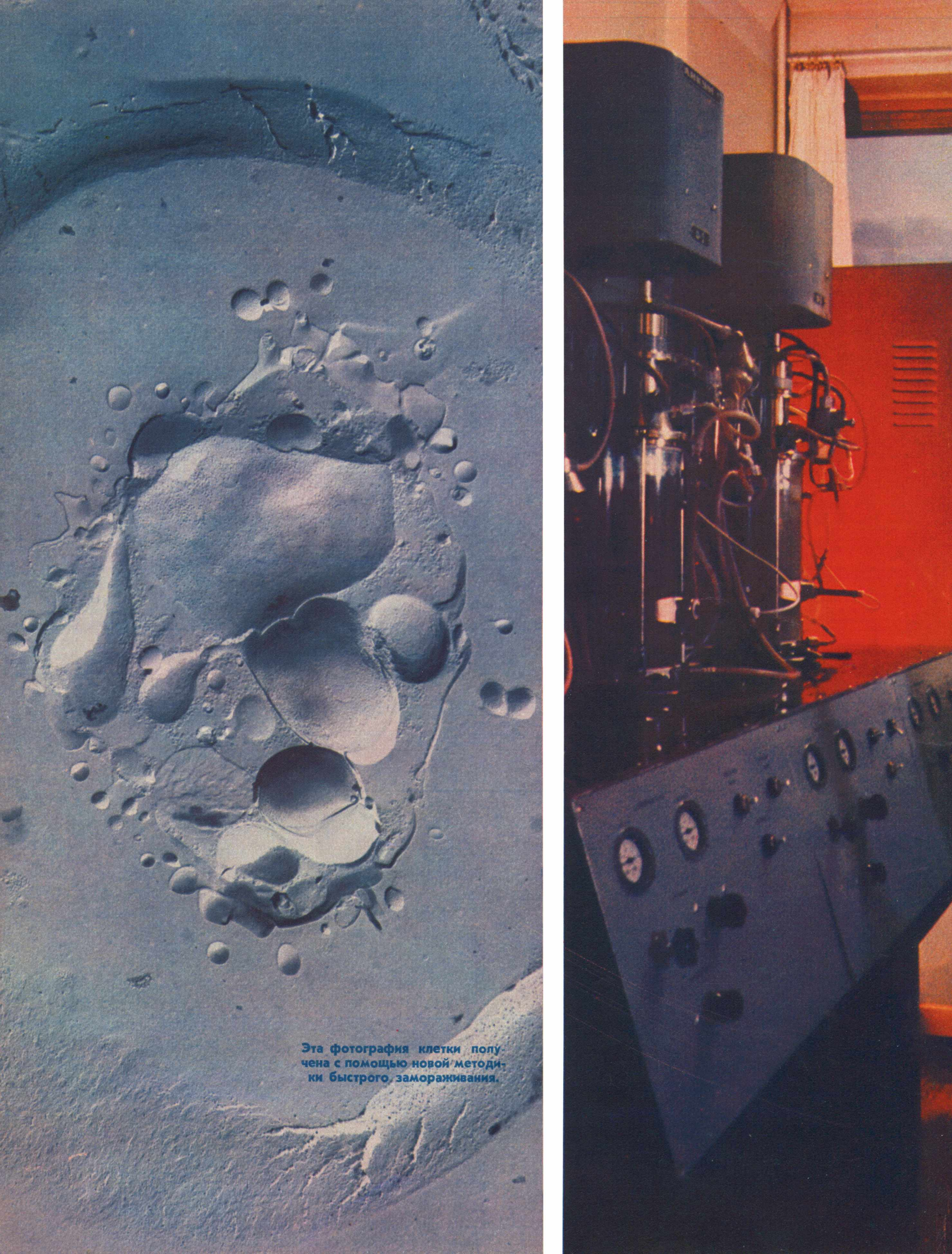
Зеленый мир окружает Пущино со всех сторон. На глазах ученых идет непостижимый пока для человека процесс: в зеленом листе под воздействием солнечного света из таких простых неживых соединений, как вода и углекислый газ, возникают сложнейшие органические вещества. Идет фотосинтез.

Во всем мире, в том числе и во многих лабораториях нашей страны, ученые работают

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

На другом берегу Оки — заповедник.

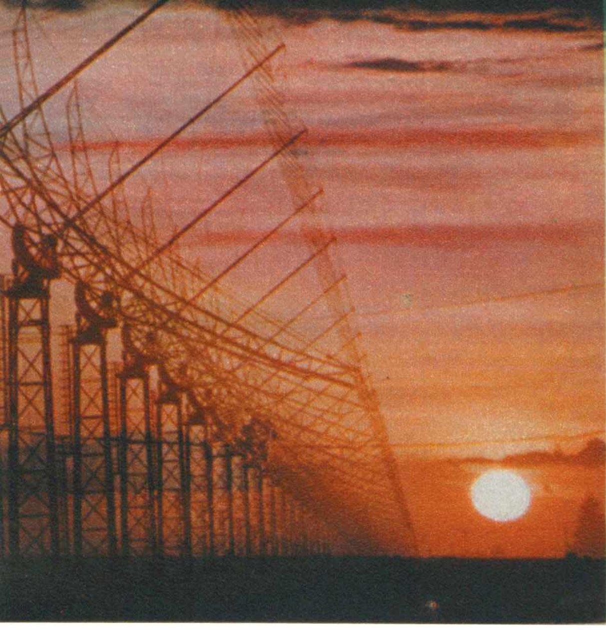
Пущино на Оке. Научный центр биологических исследований АН СССР. Молекула белка могла бы стать его эмблемой.

Эта фотография клетки получена с помощью новой методики быстрого замораживания.

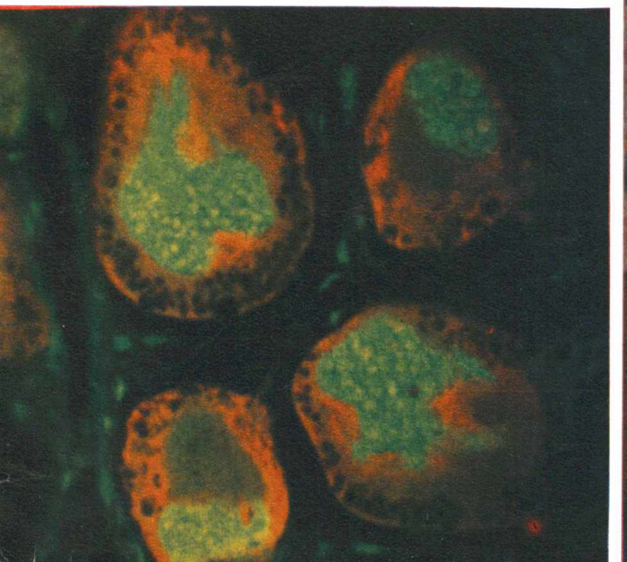
В Институте биохимии и физиологии микроорганизмов работает установка АНКУМ, автоматизирующая научные эксперименты.

В новом городе науки ученые заглядывают в глубины Вселенной, в самое существо живого. Чем глубже человек проникает в Биокосмос, тем более сложный мир открывается ему.

Задача науки — раскрыть, как зарождается, существует постоянно обновляющееся чудо — жизнь.

Валерий Карнаухов, ученый секретарь Института биофизики, ученик академика Г. М. Франка.

над тем, чтобы понять, как это происходит, исследуют отдельные проблемы. В Институте фотосинтеза, который создан в Пущине, задача решается комплексно, подходы ищут со всех известных науке сторон.

Интересно, что в момент, когда еще только создавался институт, многим ученым казалось, что проблема фотосинтеза будет вот-вот решена.

С тех пор прошел не один уж год, но и сейчас, пожалуй, нет ни одной гипотезы, которая бы не нуждалась в ревизии. С дальнейшим углублением в проблему фотосинтеза положение все усложняется...

Но неизвестность не обескураживает ученых. Продвигаясь вперед, они обнаруживают закономерности, которые и сами по себе важны и в то же время нужны для практики, для сельского хозяйства.

Выяснилось, например, что система фотосинтеза растений работает по-разному в постоянно меняющихся условиях: в облачный день иначе, чем в ясный, утром по-другому, чем вечером. А что, если найти способы воздействовать на фотосинтез, искусственно стимулировать его? Селекция ищет пути повышения урожайности культур, а что, если вывести растения с повышенной способностью к фотосинтезу,— это ведь сразу позволит многократно увеличить урожай.

Наше путешествие в биокосмосе продолжается. От частиц клетки мы поднимаемся на следующий уровень организации живой природы. Здесь мы, наконец, видим жизнь во всем сложнейшем единстве ее строения.

...Зашторенная комнатка одной из лабораторий Института биохимии и физиологии микроорганизмов наскоро превращена в просмотровый зал. Правда, мест всего три, но впечатление, что мы в кино, складывается полное: стрекочет аппарат, световой луч, искрящийся от пылинок, пересекает темноту, раздвинувшую стены, скрывшую приборы. Но главное — на экране разворачивается захватывающая драма жизни. Пульсирует клетка. В спешке и суете движения ее частиц угадываются организованность и смысл, по всему видно, что готовится важное событие.

На наших глазах клетка вытянулась, разделилось ядро и половина его, дрожа, приостанавливаясь, перетекла в свое новое обиталище. Еще промедление — будто все застыло в раздумье, не стоит ли вернуться назад,— и тонкая перемычка лопнула. Две новорожденных клетки начали жизнь, чтобы вырасти и затем исчезнуть, как это только что сделала материнская клетка.

— Жизнь в полном смысле слова начинается тогда,— говорит Глеб Михайлович Франк,— когда возникает особым образом организованная система — живая клетка, автономная, самовоспроизводящая, саморегулирующаяся.

В Институте биофизики под руководством академика Франка исследуется одно из самых замечательных свойств живой клетки — ее непрерывная самоустановка на наивыгоднейший режим работы в зависимости от внешней среды.

Одно из проявлений этого свойства — способность клетки при необходимости резко повысить мощность своих энергосистем — в 20—50 раз! Мария Николаевна Кондрашова выдвинула гипотезу об особой роли в этом процессе янтарной кислоты. Если гипотеза подтвердится, появится возможность повысить мышечный тонус человека, вводя в его организм янтарную кислоту, и тем самым помочь его клеткам быстрее мобилизовать свои силы.

Эта работа открывает перспективы борьбы с инфарктом. Ведь с позиций биолога-теоретика инфаркт — это нарушение энергообеспечения клеток сердечной мышцы, а также их кислородное голодание. В результате мышца рвется, происходит разрыв сердца.

В борьбе с энергетическим голодом сердцу, вероятно, поможет янтарная кислота, а как быть с недостатком кислорода?

Неожиданный подход обнаружился в работах Валерия Николаевича Карнаухова. По образованию он физик, окончил Московский университет. Но в прошлом году защитил диссертацию по биологии. В ней исследовал как раз клеточные процессы, связанные с кислородом, но не у человека, а у моллюсков. Карнаухову удалось доказать, что особые вещества — каротиноиды, частички желтого пигмента в клетках моллюсков,— это хранилища кислорода.

Как пришла к нему мысль сравнить желтый пигмент моллюсков с давно известным желтым пигментом в мышечных клетках сердца? Наверное, это черта научного таланта — увидеть новые свойства там, где все казалось ясным и понятным, ведь считалось, что желтый пигмент в сердце — это прогорклые жиры, которые клетка не успевает выбросить наружу, признак нарушения обмена. Карнаухов не согласился с этим, он увидел аналогию с хорошо известными ему хранилищами кислорода в клетке моллюска. Он предположил, что сердечная мышца таким образом запасается кислородом, что желтый пигмент на самом деле не шлак, а важнейшая и нужнейшая частичка клетки. Исследования, которые провел Карнаухов в эти последние месяцы — прямое выделение и сравнение каротиноидов,— показали, что они действительно аналогичны. Может, теперь будет найдена возможность искусственно увеличивать запасы кислорода в сердце больного человека, чтобы предотвратить инфаркт? Ответы на многие вопросы должны дать дальнейшие исследования.

■

В ряду научных институтов Биологического центра внешне ничем особенным не выделяется здание специального конструкторского бюро биологического приборостроения. Да и по существу оно неразрывно слито с лабораториями, с их проблемами. Появление конструкторского бюро в ряду институтов диктуется временем: без самого современного и совершенного оборудования сейчас невозможны исследования ни на одном из уровней проникновения в живое. Мало того, выдвигается необходимость автоматизировать биологический эксперимент, чтобы ученый принимал в нем участие лишь в самом начале, когда ставит задачу, и в конце, когда получает ответ.

— Мы должны создавать уникальные приборы. Но это не противоречит унификации,— говорит начальник СКБ БП Арлен Георгиевич Аристакесян.— Ведь самые тонкие и сложные мысли можно выразить с помощью всего лишь тридцати трех букв алфавита! Также и сложнейшие системы мы стремимся собирать из простых унифицированных узлов — этих своеобразных букв современного инженера-конструктора.

В Институте биохимии и физиологии микроорганизмов, руководимом членом-корреспондентом Академии наук СССР Г. К. Скрябиным (он возглавляет также и весь Биологический центр в Пущине), мне показали автоматическую установку АНКУМ — для непрерывной культивации микроорганизмов. Эта аппаратура, созданная в СКБ БП, позволила ученым заметить интересное явление: жизнь микроорганизмов не прямая линия (восходящая или нисходящая), а колебания, затухающие или разворачивающиеся в зависимости от разных обстоятельств.

Это наблюдение отражает глубокую закономерность: колебательные процессы — основа жизни. Они прослеживаются и в живой клетке и в многоклеточном организме. И во взаимоотношениях животных разных видов. И во всей земной биосфере.

Амплитуды жизни имеют большие преимущества перед созданными человеком машинами, работающими на постоянном режиме. Жизнь смело колеблется к максимуму, но сохраняет при этом устойчивость. Если мы продифференцируем эти колебания, то обнаружим чистый выигрыш живой системы.

В нашем рассказе о воображаемом путешествии в биокосмос мы незаметно вышли на высшие уровни организации живого — к многоклеточным организмам, к биосфере в целом, к живой природе в земном масштабе.

...Это толкуны, летящие в лицо на солнечном закате. Вороны, в Пущине бегающие прямо под ногами. Бобры и белки, напуганные было строительством, уплывшие и убежавшие в заповедник, но теперь возвращающиеся к знакомому, но уже во многом изменившемуся берегу. Это приокское разнотравье: на выставке КЮБа — Клуба юных биологов — в пущинском Доме ученых я с волнением читал названия сотен цветов и трав: гравилат речной, чина весенняя, вороний глаз, ясноток, вероника-дубравка...

Природа дарит человеку силы, помогает восстановить масштаб вещей, склоняет к глубоким размышлениям.

Я заговорил об этом с Александром Николаевичем Черкашиным, заместителем директора Научного центра. И хотя нет ничего плохого в созерцании природы, он повторил эти слова с каким-то особым выражением.

— От созерцания природы порой содрогаешься. Думаешь: «А сколько ей еще осталось жить?» Мы призвали комсомольцев, молодых ученых-биологов начать комплексное исследование Оки. На общественных началах создали экспедицию, пройдем по всей реке, соберем материалы об ее загрязнении, обсудим их с заинтересованными организациями и через год созовем конференцию «на высшем уровне», пригласим руководителей областей, выходящих на Оку. Мы представим им комплекс мер, чтобы сохранить реку. Мы скажем об ответственности перед поколениями.

А. Н. Черкашин руководит лабораторией физиологических и физико-химических основ памяти. В то же время он большой энтузиаст озеленения. С его помощью на голом месте была посажена полоса деревьев между городом и институтами. При его содействии обширная зона вокруг Пущина объявлена заповедной. Но Черкашин считает, что озеленение — это больше, чем посадка растений. Это школа, в которой с детства воспитывается уважение к природе. Человек, вырастивший дерево хоть на десять сантиметров, поймет, что такое столетний дуб, не станет ломать его ветви. Черкашин убежден, что бережное отношение к природе надо выращивать у ребят не только в городах, где зелени сравнительно мало, но и на селе — в колхозе, совхозе. Озеленение — проблема не столько материальная, сколько духовная.

«...Если будет вода, и в ней ни одной рыбки — я не поверю воде,— писал М. Пришвин.— И пусть в воздухе кислород, но не летает в нем ласточка — я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми — не лес...»

■

Мы поднимались от элемента, от молекулы ко все усложняющимся системам. Мы обнаружили наконец живое — клетку. Мы миновали острова и материки неизвестного, мы пришли к многоклеточному организму, к биосфере.

В теле только что родившегося ребенка приблизительно два биллиона клеток — 2 000 000 000 000! В каждой из них находятся десятки тысяч химических соединений. И это сложнейшее целое образуется, вырастает всего лишь из одной клетки. Оно вырастает и осознает себя. И хочет понять, по каким законам оно зарождается, растет и затем неизбежно стареет и умирает.

Так на самой вершине жизни мы встречаем сознание. Но сознание — это ведь не только поиск закономерностей, абстрактных истин. Это и добро и красота.

На этом пороге и кончается наше путешествие в биокосмос. Но это не значит, что человек отделен стеной от природы. Наоборот, он многосложно связан с нею. Многие закономерности еще неизвестны. И задача биологии состоит как раз в том, чтобы эти закономерности открывать. Придет время, и нам откроется великое единство природы. И тогда сегодняшние теории и схемы окажутся лишь отрезками бесконечно больших нитей, которые из глубин материи протянутся к человеку.

Дети — самая многочисленная, самая любимая часть населения молодого города.

ПЕРЕД ДАЛЬЮ В
ПЕРЕД ШИРЬЮ З

Чойжилын ЧИМИД

СТИХИ, ВЫСЕЧЕННЫЕ В КАМНЕ

Я видел строки, врезанные в камень:
неровные
и строгие ряды.
Их словно высекали не руками,
а камень
сам
их вырвал из руды!
Все было там естественно и просто:
слова взлетали, медленно звуча,
родясь из букв,
как облик из наброска,
как отраженье яркого луча.
Я видел строки, врезанные в камень,
и понимал, что это тяжкий труд:
любую букву высекать руками,
чтоб на века
она осталась тут.
И все ж я знал, что есть труднее дело:
в такие строки выстроить слова,
чтобы людская память захотела
в такой вот камень
врезать их
сама.
Чтоб людям было вечною отрадой,
читая, знать:
их годы не сотрут.
Чтоб каменщик считал себе наградой,
врезая их,
свой непомерный труд.
Чтоб жили в них величие и пламень
и вечный трепет
верящих в зарю...
Я видел строки, врезанные в камень,
и за науку
их благодарю.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Ушел солдат
за темный порог,
солдат спешил:
война!
Его проводили
на стык дорог
дети его,
жена.

И день и ночь воевал солдат,
бился,
не зная сна.
И ждали писем,
как добрых дат,
дети его,
жена.

И знали:
вернется когда-нибудь —
и радость
вернет сполна.
Но не для павших
обратный путь...
Солдата
взяла война.

Погиб солдат,
пропал без следа,
и лишь
на дорогах сна
его встречали
иногда
дети его,
жена...

А мог бы спастись,
бежать...
И враг
заграбастал бы мир
сполна.
И сгинули б в рабство,
в бездонный мрак
дети его,
страна.

И пал солдат!
Погиб в бою.
Зарыт в чужой земле...
А бессмертную жизнь
завещал свою
Отчизне —
большой семье.

Перевел с монгольского
Александр НАУМОВ.

Волгоград, 1965.

РОДИНА

Выбирать себе родину
Мы не вольны.
Гражданином быть
Той или этой страны
Для того, кто приходит в мир,
Выбора нет:
Где родился,
Не знает рожденный на свет.

Да, рожденный на свет
И не знает, кто он.
Он заплачет во сне,
Улыбнется сквозь сон,
Не услышав, как руки родимой земли
Осторожно
По жизни его понесли...

Это родина —
Юрта, дымок голубой,
Колыбель из овчины
И те, кто с тобой:
Твой отец,
Кому равных не сыщешь нигде,
Самый меткий в стрельбе,
Самый первый в труде;
Мать,
Что всех веселее, добрей и милей,
Только в песнях
Найдутся подобные ей!
Это родина —
В белом ее молоке,
В колыбельной, в прозрачной слезе на щеке...

Дни идут.
Как хребет молодого коня,
Человеческий сын крепнет день ото дня.
Стала тесной ему
Часть родимой земли,
Где объятия матери
Сон берегли.
И теперь, в отведенном для гостя углу,
Расстелили мягчайший ковер на полу,
И с ковра без поддержки пойдет он, упрям,
Спотыкаясь и падая,
К свету,
К дверям!
Он пойдет к коновязи от узких дверей,
От нее — к основанию горных цепей,
От подножий — к вершинам:
Увидеть, что взор
Никогда не охватит безбрежный простор.
От горы до горы,
От волны до волны
Он хозяином будет
Родной стороны!

На Алтайский хребет опирается он,
Рядом шумно текут Селенга и Онон.
Звездный свет говорит с колыбелью степей.
Дарит день человеку хороших друзей.
Жизнь его, и история славной страны,
И сегодняшний день
Навсегда сплетены!

Эту землю
Навек назовет он родной —
Перед далью времен,
Перед ширью земной.

О Монголия! Милая сердцу страна,
Не по выбору ты мне с рожденья дана,
Я тебя не бросал для иной стороны!
Выбирать себе родину
Мы не вольны.

Исходил я Монголию вдоль, поперек.
Мир объехав,
Ступил на отцовский порог.
Хоть не сам выбирал я отчизну свою,
Не встречал я
Ей равных в заморском краю,
Не искал ей замены.
На этом стою!

НАТАЛЬЯ ПУШКИНА

Наталья Гончарова...
Почему же?
Когда у вас в России испокон
Все называют женщину по мужу,
Иль, может быть, забыли мы, кто он?

Прошли года,
Прошли десятки лет.
Ни Пушкина,
Ни Гончаровой нет...
Неужто не разорвана та сплетня —
Паучья нитка зависти мирской,
Что к ним прилипла в прошлое столетье,
Как к лотосам прекрасным —
Ил морской?!
Неужто вновь доказывать придется
Кому-то что-то?
И, не став мудрей,
Еще ученый муж тайком крадется
Со свечкой сальной
Возле их дверей?!
Да, женщина как женщина,
Она
Была слаба, добра, мила, нежна,
Стремилась на балы и маскарады,
Кружился в танце с ней кавалергард,
Любила бриллианты и наряды,—
Но толстогубых нянчила ребят!

И Пушкин на нее глядел влюбленно,
И, прижимая к сердцу своему,
Он, задыхаясь,
Звал ее:
«Мадонна...»
И больше я не верю ничему!

РЕМЕН,
ЕМНОЙ

Не верю говорящим за него.
Я верю лишь
В величье дня того,
Когда он, гордый,
Встал перед барьером
За честь жены
И целил в грудь врагу!
Я верю крови, пролитой на белом
Нетленном
Чернореченском снегу...

Еще я верю ложечке с морошкой,
Которую у жарких губ его
Она рукой держала осторожной,—
И в мире нет другого ничего!
Она и он. Он и она. Одни.
Я верю им.
А тех, кто в наши дни
Повторит то,
Что в северной столице
Придворные плели,
Как кружева
Сплетали крепостные мастерицы,
Пока не закружится голова,
Кто верит в ложь,
Что паутиной серой
Летала над сырой и затхлой тьмой,
Поэт еще раз вызовет к барьеру!

Коль нет —
Я им бросаю вызов мой!

* * *

Как люблю я солнце, солнце!
Пусть не ново это, нет —
Даже в песенке поется:
Солнце — радость, солнце — свет!
Солнце — все, что нам навеки
В мире светлого дано,
Солнце — все, что в человеке
Светлого заключено!

Как люблю я солнце, солнце,
Согревающее кровь!
Без него не обойдется
Ни надежда, ни любовь.
Все от солнца — разум, пламя!
Все от солнца — я и ты,
Наши ставшие делами
Дерзновенные мечты!

Как люблю я солнце, солнце!
В вечной схватке с темнотой
Над землей оно взметнется,
Словно герб наш золотой!
На лазурном шелке неба
Взгляд приковывает мой
Солнце — лучшая эмблема
Жизни солнечной самой!

Как люблю я солнце, солнце,
Разгоняющее тьму!
Вновь ребенок засмеется
И потянется к нему.
Пробужденный теплым светом
Жить во имя солнца,
Он,
И не ведая об этом,
К солнцу, к солнцу
Устремлен!

Перевел О. ДМИТРИЕВ.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЮБИМЫЙ ГОРОД!

Николай КРУЖКОВ

У каждого есть свой любимый город. И у меня есть: Калуга. Каждый раз, когда ступаешь на калужскую землю, испытываешь особое волнение, как при встрече со старой матерью, которую не видел много лет. Всматриваешься в дорогие и любимые черты города, где прошли детство и юность, и кажется, что время устремляется вспять, страницы прожитой жизни вновь возникают перед глазами, и шелест этих страниц навевает мысли и радостные, и нежные, и всегда немного печальные, ибо годы проходят безвозвратно, оставляя после себя горький пепел воспоминаний. Я любил старую Калугу с ее тихими улочками и переулками, полными садов, с ее булыжной мостовой, по которой изредка прогремит кованая телега или извозчичья пролетка, с ее старинными особняками, выделявшимися в ряду провинциальных трехоконных домиков своими строгими линиями, с ее гостиными рядами, оставленными в наследство XVIII веком, Каменным мостом, в том же веке переброшенным из Градской части в Завершье через живописный Березуйский овраг. Была Калуга типичным русским городом средней полосы России, говорили калужане на добром русском языке без всяких примесей, выговаривая слова чисто, звонко и мягко.

За свои 600 лет город повидал всякое: пришествие золотоордынского хана Ахмата и «великое стояние на Угре», окончившееся бегством вражеского полчища; тушинского вора Лжедимитрия II и вместе с ним польско-литовских интервентов; повстанцев доблестного Ивана Болотникова, поднявшего крестьян на борьбу с царем и боярами. Во время нашествия Наполеона была Калуга ближайшим тылом армии Кутузова, слала ему на помощь ополченские отряды, продовольствие, фураж.

На калужской земле, в Тарутине, формировалась заново русская армия после Бородина и оставления Москвы, на калужской земле в селе Городня Наполеон отдал приказ об отступлении, признав тем самым свое полное поражение — сам фельдмаршал Кутузов назвал калужан «доблестными сынами отечества». Семьдесят девять дней находилась Калуга в немецко-фашистском плену, разоряемая, обливавшаяся кровью, пока в морозную декабрьскую ночь 1941 года подвижная группа генерала Попова не вышибла гитлеровских головорезов из города.

Я давно не был в Калуге и с радостью и волнением бродил по ее улицам, то встречаясь с давними приметами прошлого, то ровным счетом ничего не узнавая: со всех сторон наступает на город новое, молодое, сильное, неостановимое в своем движении. Разумеется, очень поэтично и лирично выглядели в окружении садов трехоконные домики, теперь они уже пришли в совершенную ветхость, хотя некоторые из них проявили удивительную живучесть и стоят до сих пор, как бы гордясь своим возрастом и пренебрегая временем, но жить-то в них теперешнему народу вовсе не легко. Нынешний калужанин хочет жить в хорошем доме со всеми современными удобствами, и он прав.

Меня, старого калужанина, растрогало то, как, создавая новое, здесь умело сберегают все истинно ценное, что осталось в городе от прежних времен, не жалея ни сил, ни средств. В прекрасном доме Чистоклетовых разместили художественный музей, в доме Когривовых — музей краеведения, приведены в полный порядок палаты Макаровых и палаты Коробовых, присутственные места, составляющие великолепный архитектурный ансамбль, содержатся опрятно, как никогда в прежнее время.

Каменная летопись старинного города звучит густыми своими струнами на фоне современности с ее многоэтажьем, асфальтированными дорогами, шумом автобусов, троллейбусов, легковых и грузовых автомобилей, с многолюдным движением на улицах. И, что очень важно, расширившись до своих нынешних пределов, город сохранил свои старые парки и приумножил зеленую красу города новыми посадками — по многим улицам проходишь, как сквозь лес.

В Калуге до революции жило 54 тысячи человек, а сейчас 210 тысяч, а с пригородами —240. Немалый город! Раньше в Калуге единственным средством передвижения были собственные ноги да еще десятка три извозчиков предлагали калужанам свои услуги. Теперь троллейбусы и автобусы развозят калужан во все концы, а трамваев как не было, так и нет — город проскочил через эту стадию развития городского транспорта. В старое время, в сущности, единственным предприятием города были железнодорожные мастерские, если не считать крошечной рогожной фабрики и Подзавалья, пригорода,

Похорошели улицы Калуги. **Фото М. Савина.**

лов. Часто я встречал его в Загородном саду, где он любил кататься на своем тяжелом, старомодном велосипеде. Несколько раз мне, начинающему журналисту, приходилось беседовать с ним. Он всегда был приветлив, радушен, добр. Его мансарда служила ему и жилой комнатой и мастерской. Он не расставался с самодельной жестяной трубой, которую то и дело прикладывал к уху. Это было для него средством общения с собеседником.

Как живого вижу его на площадке Загородного сада сидящим под сенью старой липы, опершись на палку. Иногда он своей палкой вычерчивал малопонятные знаки на песке — мысль продолжала у него работать, даже когда он отдыхал. Теперь на этой площадке его могила, и обелиск возвышается над ней в окружении цветов. А неподалеку, там, где обрыв сбегает к речке Яченке, стоит музей космонавтики — одна из крупнейших достопримечательностей нынешней Калуги, отличное сооружение. Построено здание так, что кажется, вот-вот оно сорвется с места и поднимется в воздух. Здесь всегда народ, то и дело подъезжают автобусы с туристами. Здесь побывали все наши герои-космонавты, сюда приковано внимание всей страны, музей носит имя Константина Эдуардовича Циолковского. Уже прошел в музей миллионный посетитель, и теперь счет идет на семизначные цифры. Всегда полно народа в музее-доме, где жил Циолковский, домик обновлен, сверкает чистотой, а я помню его стареньким, чуть покосившимся от ветхости. И Коровинская улица носит имя Циолковского. И Загородный сад, который он так любил. И памятник ученому вознесся острием ракеты в калужское небо.

Да! Калуга — город Циолковского, город, где родилась мысль, пославшая человека в космос.

Я приехал в Калугу незадолго до праздника 600-летия. О наступавших торжествах напоминали многочисленные плакаты. У въезда в город со стороны Заречья устанавливался памятник в честь этого события. Город прихорашивался, одевался в светлые, праздничные одежды. На площади Победы подновляли фонтан, который будет бить в шестьсот струй. Встречать гостей готовилась недавно построенная многоэтажная гостиница — такой отродясь не было в Калуге.

Живет, шумит обновленная Калуга, живет по-своему, по-новому. Мне показался очень символичным свадебный обряд, родившийся в Калуге по народной инициативе, без какой бы то ни было подсказки. На площади Победы калужане зажгли священный Огонь Славы. На каменной плите вечно горит, чуть колеблемый ветром, сине-алый цветок огня, призванный напоминать о подвиге отцов и старших братьев в Великую Отечественную войну. Сюда после бракосочетания идут торжественными парами молодожены возлагать цветы к Огню Славы. Это стало обычаем.

Новое бурно растет и развивается в Калуге. И старина радушно расступается перед новым. И новое не рушит старину, относясь к ней с почтением и уважением.

Прекрасно такое соединение. Люблю я свою Калугу, и радостно мне было ходить по ее земле.

сплошь заселенного сапожниками, добрыми, к слову сказать, искусниками этого необходимого ремесла. Теперешняя Калуга охвачена полукольцом крупных предприятий. Я был на турбинном заводе — меня поразил его размах. В сборочном цехе широко, просторно, светло, люди работали спокойно, уверенно, ощущалось ритмичное биение сердца завода — первый показатель хорошо налаженного дела. Побывал я и на комбинате синтетических душистых веществ — фабрике запахов,— где производится сырье для всей парфюмерной промышленности страны: все здесь механизировано, автоматизировано, в больших цехах дежурят один-два человека. Пришлось мне искренне изумиться искусству молодых работниц радиолампового завода, собирающих свою продукцию из таких мельчайших деталей, что диву даешься, как их можно взять в руки. Рабочий коллектив здесь в основном женский, мужские руки для такой работы не годятся — изделия завода изготовляются более чем на 98 процентов со знаком качества.

Нет необходимости перечислять здесь все калужские предприятия, достаточно сказать, что в Калуге насчитывается в настоящее время около шестидесяти тысяч рабочих, придавших городу совершенно иные черты.

Когда-то, в начале 20-х годов, в местной газете «Коммуна» я опубликовал статью под требовательным названием «В Калуге должен быть вуз!». Мне было внушено, что я беспочвенный мечтатель, и что денег на это нет, и неизвестно, будут ли когда-нибудь. Теперь здесь и педагогический институт, и филиал института имени Баумана, и десяток техникумов, и много научно-исследовательских институтов различного назначения — другая стала Калуга, совсем другая, живет в ней и трудится «племя младое, незнакомое», надо сказать, жизнерадостное, деятельное племя.

В старой Калуге детям некуда было податься — о детских садах тогда и слыхом не слыхали, тем более о спортивных школах. Теперь я увидел отличную спортивную школу «Юность», с бассейнами, со светлыми залами, где обучаются сотни ребят, получают спортивные разряды, набираются сил, заполняют свой досуг. За городом, близ деревни Анненки, среди старых сосен старшие школьники и преподаватели своими силами при помощи шефов-солдат соорудили спортивный комплекс, раскинувший рядом целую улицу живописных шатров, где живут и отдыхают юные калужане. Забота о детях — первый признак культурности народа. Радостно было увидеть, что калужане так много внимания уделяют звонкоголосому своему потомству.

Калугу называют городом Циолковского: именно здесь, на скромной Коровинской улице, сбегавшей всей пестрядью своих домиков к серебряной Оке, жил великий ученый, по справедливости называемый теперь отцом космонавтики. Старая, дореволюционная Калуга не знала своего великого гражданина. Для нее он был всего-навсего учителем математики епархиального училища, человеком чудаковатым и странным, занимающимся устройством каких-то фантастических аппаратов «для полета на Марс». Только очень немногие понимали значение его работ, но и то вряд ли им приходила в голову мысль, что именно этому тихому, глуховатому человеку выпадет судьба прославить свой город на весь мир. Я помню его со своих мальчишеских лет. Он медленно и спокойно, с сосредоточенным взглядом, ушедшим куда-то внутрь, в себя, проходил по калужским улицам, направляясь на службу в училище. Ветер развевал его крылатку, державшуюся на застежках в виде львиных го-

ВОЗВРАТА НЕТ

ПОВЕСТЬ

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Однако и после еще долго не мог успокоиться взбудораженный хутор. Бурлил, как вода под яром. Особенно неистовствовала та самая Настюра Шевцова, которая и на собрании громче всех кричала: «Нам чужих захребетников не нужно!.. Ни военных, ни с орденами!» Ни единого случая не упускала она теперь, чтобы высказать свое неуважение к новому председателю, подчеркнуть пренебрежительное отношение к нему. Стоило Никитину, объезжая с утра бригады и фермы, заехать в коровник, когда дежурила там Настюра, как она, сразу же бросив всю работу, садилась, заложив нога на ногу, на скамейке у двери и, достав из кармана рабочего комбинезона пачку «Прибоя», начинала стая за стаей выпускать из округленных бубликом губ колечки табачного дыма. Сколько бы Никитин ни находился на ферме, столько будет сидеть и, подрагивая ногой, считать уплывающие ввысь голубино-сизые призрачные колечки.

Чувствуя за всем этим вызов, он долго сдерживался, пока все же не взорвался.

— Что же это у тебя,— спросил он, уже на выходе из коровника задерживаясь около Настюры,— перекур тянется целый час?!

Она пыхнула папиросой, проводив сощуренным взглядом новую серию колечек.

— А мне некуда спешить.

— Голубей тренируешься запускать?

— Вот-вот, их самих. Могу, если пожелаете, и вас научить, дорого не возьму.— И, округляя бубличком накрашенные губы, она наглядно продемонстрировала, как это получается у нее.

— А коровы пусть стоят по титьки в грязи...

Не прерывая своего занятия, она спокойно сказала:

— Берите.

Никитин не понял.

— Чего?

— Лопату. Вон она в уголочке стоит. Покажите мне, неуке, как надо за коровами чистить навоз.

— И не стыдно тебе?

Настюра встала, бросая папиросу на землю и тщательно затаптывая ее ногой.

— Нисколечки. Вам же не стыдно было сперва к Антонине Ивановне в постель, а потом и на ее председательское место залезть. И после этого вы еще хотите, чтобы люди в колхозе подчинялись вашим словам?!

Как лошадь от удара кнутом, Никитин вскинул голову, ноздри побелели у него. Но ответил ей почти шепотом:

— Ничего ты, темная богомолка, не знаешь, а болтаешь своим языком, как помелом. Нравится это тебе или нет, но теперь уже не Каширина председатель колхоза, а Никитин, и если ты к вечеру не почистишь у коров, то на обратном пути я тебя от них навсегда отстраню. Не посмотрю, что ты крутишься возле них, как говорят, уже двадцать лет. Я все сказал. Изволь бери лопату и выполняй мой приказ!

Вечером, возвращаясь тем же путем после объезда полей, он опять подвернул к ферме. Настюра Шевцова, как и утром, сидела у двери, нога на ногу, пускала свои колечки. Но в коровнике все было дочиста выскоблено, подметено, коровы похрустывали люцерновым сеном. Никитин внимательно все осмотрел и, ни слова не сказав, уехал.

Много позднее, когда Никитин уже прославился как председатель лучшего в районе колхоза и портреты его тоже стали появляться в газетах, как до этого появлялись портреты Кашириной, никому и в голову не смогло бы прийти, что этому большому человеку с насмешливым мужественным лицом тоже хорошо знакомо, что это за штука отчаяние. И что так-то далеко отступило в прошлое время, когда этот, как писали теперь корреспонденты, прирожденный колхозный вожак приходил вечером домой и уже с порога кричал своей жене так, что пена пузырилась у него в уголках губ:

— Нет, никогда из меня председателя колхоза не получится, я это с первой же минуты знал!.. Ничего я в этом проклятом сельском хозяйстве не смыслю и никогда не пойму! — И он переходил на умоляющий шепот: — Давай, Тоня, скорей опять принимай от меня вожжи, пока я тут шею не сломил.

Только она, Антонина, и видела его таким. И только они двое могли бы потом припомнить, какие тогда между ними происходили разговоры.

— С этими людьми не только до коммунизма не дойдешь, как бы вместе с ними и социализма не проворонить. Жулик на жулике. Смотришь, то целую копну сена из-за Дона на лодке с колхозного луга везет, то мешок арбузов с бахчи несет, а то и четверть молока с фермы. Женщины на работу без ведер не ходят.

Антонина вставляла:

— Они, Коля, в этих ведрах харчишки с собой носят.

— А оттуда через верх помидоры, лук или виноград. Ни одна порожняком не идет. Мне было легче, когда я у тебя в пещере лежал, а вокруг были враги. И на фронте я тоже хорошо знал, что мне нужно делать. Здесь же вокруг все свои: и вдовы и бывшие солдаты,— а договориться с ними невозможно. Ну никак нельзя.

— С кем же, по-твоему, Коля, нельзя у нас договориться? — улыбаясь, спрашивала Антонина.

Он раздраженно отмахивался.

— Как будто ты сама не знаешь. У них круговая порука тут. Ну, например, с той же твоей подружкой, Настюрой Шевцовой. Как намажет губы, вставит между ними папиросу или же свернет из районной газеты вот такую козью ножку,— смеющимися глазами Антонина наблюдала, как он похоже изображал Настюру,— окутается тучей дыма и стреляет в тебя сквозь этот дым своими черными глазюками, как шрапнелью.

— Ей же, Коля, действительно трудно одной с коровами управляться. И подои, и почисть, и корм подвези. Сама ездит на арбе за сеном.

— А кто же ей привезет? Ты же знаешь, что у нас в колхозе еще долго будет нехватка людей. Пока малолетки не подрастут.

Антонина с грустью соглашалась:

— Это правда. Характер у Настюры действительно не простой, но, может, лучше к ней с какого-нибудь другого бока подойти. Бывало, если с ней по-хорошему, с шуткой, так она безотказно и день и ночь. Аж шкура трещит. А закурила она с тех пор, когда ей муж сообщил, что не вернется к ней, потому что одни культышки остались у него вместо рук и ног. И обратного адреса не написал. Она его до сих пор и через милицию и по радио не может найти. Ты бы, Коля, попробовал с ней как-нибудь иначе.

Никитин еще больше начинал сердиться:

— У меня на руках колхоз, и чтобы расцеловываться с каждой богомолкой — времени нет.

— Никто тебя и не заставляет. Но и в бога она ударилась тогда же, когда от мужа получила письмо. Перед Настюрой я виновата. Растерялась, когда только что колхоз приняла, глаза разбежались, а у нее как раз в это время стряслось. Вот тут наш хуторской отец Виссарион и нагрянул к ней прямо на дом на своем мотоцикле. Но и теперь еще, Коля, ее не поздно от него оторвать.

— Только этого еще мне не хватало — из-за твоей Настюры с попом в войну вступать. Не сердись, Тоня, но я вижу, что вы тут за это время все спелись и жалеете друг дружку там, где никак нельзя жалеть. Из-за этого и страдает колхоз. И, может быть, с этим тут в первую очередь надо начинать войну.

— С кем же это ты, Коля, у нас в хуторе собираешься воевать? С вдовами и детишками? Но ты еще не успел как следует узнать, какой тут народ. Гордый, над ним долго не покомандуешь. Рано или поздно, а с нашими людьми тебе свои фронтовые привычки, Коля, придется забыть.

После этих ее слов он настолько выходил из себя, что уже переставал называть ее Тоней.

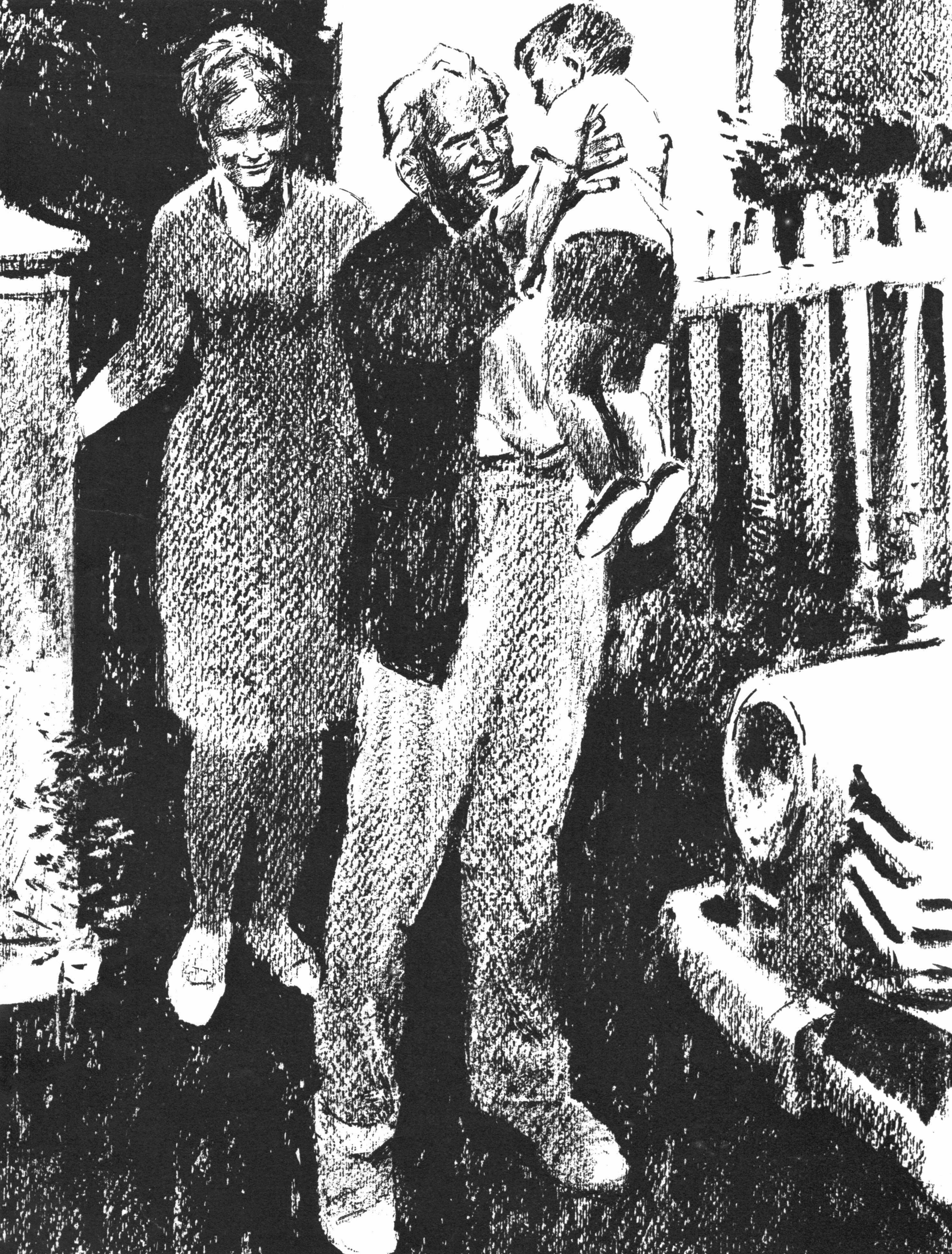
— Мои фронтовые привычки, Антонина, здесь совсем ни при чем. Вот тебе свои, председательские, действительно надо бросать. И так уже в районе начинают говорить, что у нас в колхозе не один председатель, а два. Уже и Неверов на последнем пленуме проехался по моему адресу: «А не пора ли вам, товарищ Никитин, начинать думать своей головой?» — И, виновато заглядывая Антонине в лицо, Никитин начинал уговаривать ее: — Спасибо тебе, Тоня, я без тебя на первых порах совсем бы пропал, но теперь, может, и правда пора уже мне попробовать обойтись без подсказок. Так я поскорее разберусь. Ты только, пожалуйста, не обижайся.

Она успокоила его:

— За что же мне обижаться на тебя? — И тут же твердо пообещала, как некогда он ей в яме на яру: — Хорошо, я больше не буду.

Из-за всего этого — из-за фронтовых привычек в обращении с людьми — его еще долго считали в колхозе человеком суровым, чуть ли не черствым, но она-то знала, что это совсем не так. Недаром же и с хуторскими де-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34, 35.

тишками у него как-то сразу нашелся общий язык, а детишек не обмануть. Если едет по хутору или по дороге в степи и увидит гурьбу казачат, всех до единого заберет в машину и весь день возит с собой из бригады в бригаду, к величайшей досаде кухарок, которым по его распоряжению приходится зачислять на довольствие еще и этих клиентов, уплетающих на вольном воздухе не менее чем по две чашки наваристого борща с мясом и по целому арбузу.

И мимо детского сада не пройдет. Самые маленькие уже признали его, так и облепят всего, и он знает их по именам. К немалому их удовольствию, обедает вместе с ними за столиком и беседует по-взрослому. А вечером, с изумлением рассказывая Антонине о каком-нибудь особенно смышленом из них, непременно сведет все к тому же:

— И мы бы с тобой еще вполне могли такого заиметь.

— Поздно уже мне.

Он не на шутку сердился:

— Какая же ты старуха? И родить тебе в твои годы совсем еще не грех, и сына или дочку мы успе́ем на ноги поднять. Смотри, как ты сохранилась, тебе любая молодая позавидовать может.

— От людей, Коля, стыдно. У меня сын уже скоро техникум кончит.

Никитин сердился еще больше:

— Сын тебе не судья, у него своя жизнь.— И, лаская ее, жарко настаивал:—Роди. Знаешь, как я тебя за это буду любить!

— А сейчас разве не любишь? — смеясь, допытывалась она.

— Тогда будет совсем другое дело.

И продолжались эти разговоры между ними вплоть до того времени, пока не вернулся из города после окончания техникума ее сын Григорий и своим появлением в доме как бы окончательно подтвердил, что ей, матери такого взрослого сына, действительно поздно и стыдно. Тем более что у Григория, поселившегося на другой половине дома с молодой женой-учительницей, вскоре появился свой сын. Не успели оглянуться, как он уже по утрам стал переползать с отцовской половины дома к бабушке и к деду.

Когда внук, забираясь к деду на грудь, затевал с ним обычную веселую возню, то, взглянув на них, трудно было определить, кому доставляют больше удовольствия эти ежеутренние игры. Во всяком случае, разговоры у Никитина с Антониной все на одну и ту же тему прекратились.

* * *

Невестка понравилась ей с первого взгляда. Зеленоглазая и жгучая, а если улыбнется — как белым огнем по смуглому лицу полоснет. Когда еще только приехали они, Никитин, вскользь оглянувший ее оценивающим взглядом, вечером удивленно поделился с Антониной:

— Смотри-ка твой Григорий какую себе присмотрел. Губа не дура.

Антонина немного обиделась за сына.

— Гриша тоже не кривой.

— Этого я не сказал.

Не зная, как Никитин посмотрит на то, что у них вдруг сразу так прибавилась семья, Антонина поспешила предупредить его:

— Они, Коля, немного поживут у нас и потом на квартиру при школе перейдут.

Тут же с благодарной радостью она услышала от него:

— А зачем им переходить? У нас дом большой, места на всех хватит, а когда переедем в станицу, будет еще больше. Большой семьей веселее жить. И в школу я ее всегда могу по пути захватывать с собой. Если захотят, пусть себе живут.

* * *

Вскоре портреты председателя бирючинского колхоза Никитина уже стали появляться и на страницах областной газеты «Молот», как некогда появлялись там портреты Кашириной. Но теперь совсем другое было время, и еще неизвестно, как бы справлялась она с колхозом. А то, что Никитин справляется, уже не могло вызывать сомнений. Даже и в хуторе стали признавать, что при Кашириной колхоз, конечно, был на виду, но так, как он загремел при Никитине, и при ней не было. Не каждый и перед районным начальством сумел бы поставить себя так, чтобы колхозу и тракторы, и комбайны, и стройматериалы отпускались в первую очередь. Все делалось с размахом — что значит мужская рука. Когда в районе от разговоров перешли наконец к действительному укрупнению колхозов, никто не удивился, что председателем самого большого из них стал Никитин.

Из хутора переехали они жить в станицу. Свой же дом на яру Антонина закрыла на замок, наказав Настюре Шевцовой присматривать за ним. Хотела продать дом, и Никитин настаивал, говоря, что Неверов уже начинает публично намекать, что у него два дома, но покупателя не находилось. С тех пор, как правление колхоза переехало в станицу, в хуторе стало совсем глухо. И бросать дом просто так, на произвол судьбы, Антонине жаль было. В нем Гриша родился, и вообще оказалось, многое связано с этим домом у нее в жизни. Оставалось ждать, когда забредет в хутор кто-нибудь из городских пенсионеров в поисках тихого места, где можно было бы спокойно доживать век на лоне природы.

В ожидании этого дня Антонина старалась следить, чтобы дом и подворье не пришли в полное запустение, и хоть изредка наведывалась на яр подправить соху в виноградном саду, прополоть между кустами, снять урожай гроздей. Конечно, всего того, что делала она, живя здесь, она уже не могла и не успела бы сделать. И на новом месте, в станице, все хозяйство оказалось у нее на руках, потому что из всей семьи только и не работала одна она. Все остальные были заняты, все рано утром разъезжались по своим местам: Никитин — в колхоз, сын — в ветлечебницу, а невестка — к себе в школу. Домашней работы не видно, но лучше бы целый день в поле, чем у печки.

С появлением же в семье внука ее заботы удвоились. Но заботы эти были радостные.

Спать ей приходилось совсем мало, потому что и за ночь не раз надо было встать к внуку, которого вскоре пришлось забрать на свою половину дома. У невестки Ирины пропало молоко, когда ему было всего лишь три месяца, а есть он привык по графику, через каждые три часа, и надо было не прозевать той минуты, когда он заворочается перед тем, как властно потребовать свою бутылочку с соской. Заблаговременно подогреть ее и поднести ему, когда он еще не подал голос, не побудил всех в доме.

— Вы, Антонина Ивановна, скоро меня совсем отлучите от моего сына,— говорила невестка, никогда не называвшая ее мамой.

Но Антонина так и не позволила ей вставать к нему по ночам. Ей и без этого приходилось засиживаться за проверкой своих тетрадей до полуночи. Да и когда же еще поспать, если не смолоду. Правда, Антонина не помнила, чтобы ей в молодости привелось когда-нибудь выспаться от души, но то ведь было другое время.

И, признаться, ей уже нелегко было бы отказаться от того ни с чем не сравнимого наслаждения, когда ее внук, ее Петушок, обхватив обеими ручонками свою бутылочку, высосет ее до дна и, на миг приткрыв затуманенные сном глаза, пробормотав самое первое свое в жизни слово «баба», умиротворенно отвернется от нее на подушке.

А там незаметно подкрадывалось утро, и, прежде чем все начнут вставать перед рабочим днем, надо, чтобы у нее в печке все уже было наготове. Оставалось только подать на стол.

Первым, чуть только светало, наскоро завтракал и уезжал на велосипеде в свою ветлечебницу Григорий, а вскоре после этого сигналила у ворот приехавшая за Никитиным «Победа». Уезжая с утра на поля и виноградники, он прихватывал с собой Ирину, чтобы ссадить ее по пути на другом краю станицы у школы.

Провожающая их Антонина выходила за калитку с внуком на руках, и он махал им своей ручонкой, пока машина не скрывалась на повороте за тополями. А стоило ему чуть подрасти, он уже заблаговременно стал забираться с утра в машину и, доезжая с ними до поворота, радостно бежал оттуда назад на своих еще кривых ножонках к бабушке.

Но часто он просыпал этот ранний час, и тогда уже мог повидаться со своею матерью только вечером. У матери его, поглощенной воспитанием чужих детей, совсем не оставалось времени для своего сына. И утром чаще всего уезжала в школу, когда он еще спал, и вечером возвращалась домой с портфелем, набитым тетрадями, которых ей хватало читать с карандашом в руке до поры, когда уже ни в одном хуторском окне не оставалось света.

Просыпаясь в своей кроватке на бабушкиной половине дома и приподняв голову, чтобы заглянуть в соседнюю комнату, он со вздохом спрашивал:

— Мама Ира уже уехала?

— Уехала, Петушок, уехала.

— С дедой?

— С дедой.

— И папа Гриша уехал?

— И папа Гриша.

И потом уже ни разу не вспомнит о них за весь день, до тех пор пока не услышит у ворот сигнал машины. Тогда, все побросав, бежит за калитку, возвращаясь по обыкновению на руках у деда.

Только своего отца, как давно заметила Антонина, он почему-то никогда не бежал встречать. Может быть, потому, с грустью думала она, что от отца его, когда он вечером возвращался из ветлечебницы на велосипеде, почти всегда припахивало вином. А дети этого не любят.

Все больше гремел Никитин. Когда Антонине приходилось теперь снаряжать его на пленум райкома или на слет передовиков сельского хозяйства, то, отчищая и наглаживая ему праздничный пиджак с орденами и медалями на бортах, радуясь, отмечала она, что с уже темнеющим от времени золотым и серебряным блеском его фронтовых наград все больше начинает спорить золотой и серебряный блеск наград, еще не потускневших. Все больше затмевались этим блеском, затягивались и последние следы той славы, которая когда-то сопутствовала ей самой в районе. Той, о которой она и сама уже начинала забывать, не говоря уже о других людях.

Шло время, один за другим менялись в райкоме секретари, и вообще в районе почти уже не оставалось тех, кто мог бы вспомнить, что была среди председателей колхозов такая Каширина. Тем более что вспоминают обычно о тех, кто сам напоминает о себе.

Так бы, пожалуй, и совсем забыли ее, если б не случай. Если б инструктор райкома Константин Сухарев, отчитываясь на заседании бюро о своей поездке в бирючинский колхоз, вдруг под самый конец своего отчета не щелкнул блестящей металлической змейкой на своей крокодиловой, ядовито-зеленого цвета папке.

* * *

Чем только не приходится заниматься райкому, кроме всех тех обычных дел, которыми всегда занимаются райкомы! Кроме хлебопоставок, квадратно-гнездовых посевов кукурузы, закладки силоса, ежесуточных надоев молока и прироста живого веса на каждую наличную единицу скота.

Есть среди всех этих дел и так называемые персональные дела, а между ними встречаются и такие, что даже самые многоопытные из членов бюро становятся в тупик. Как будто камень попадет под косогон комбайна и полоснет железным скрежетом прямо по сердцу. Жизнь иногда подбросит такое, что лучше бы этого и не знать.

Даже всегда уравновешенный секретарь райкома Егоров вдруг закричал на инструктора таким тонким голосом, что все втянули головы в плечи:

— Надо же, товарищ Сухарев, хоть как-то концы с концами сводить!

Между тем ничто не предвещало этой бури. Начальник районного производственного управления Неверов, дотрагиваясь ладонью до своего бока, жалобно попросил Сухарева перед тем, как тот начал свой отчет:

— Ты только, Костя, покороче. Никитина мы, слава богу, знаем. А у меня, сто́ит обеденное время пропустить, печенка сразу начинает восставать.

...Обычная поездка, обычный зондаж настроения людей перед очередным отчетно-выборным собранием в колхозе. И показатели, которые Сухарев вычитывал из своих записей, разложенных в распахнутой на две стороны папки на столе, говорили сами за себя.

— Двадцать восемь центнеров с каждого гектара зерновых, по четыреста сорок центнеров зеленой массы кукурузы, по три тысячи сто одному килограмму молока с фуражной коровы,— лишь изредка заглядывая в папку, почти наизусть читал Сухарев.

— Никитин есть Никитин,— бросил председатель райисполкома Федоров.

— Если б у нас все председатели были такие,— подтвердил райпрокурор Нефедов.

— Яйценоскость кур...— явно радуясь и своей осведомленности и своему молодому звучному голосу, продолжал Сухарев.

— Вот вам, Антонина Ивановна, наглядная иллюстрация к нашему последнему разговору о роли личности предколхоза,— вполголоса сказал редактор райгазеты Прохоров, наклоняясь к своей соседке Коротковой.

— Но и Никитин не всегда был Никитиным,— возразила она, отводя рукой упавшие на лоб темные седеющие пряди.

— Все-таки ты закругляй,— напомнил инструктору Неверов, снова потрогав ладонью свой бок.

Но и после этого напоминания тот, пожалуй, еще долго продолжал бы вычитывать все показатели, которые привез из бирючинского колхоза в своей крокодиловой папке, если бы секретарь райкома с удовлетворением не прервал его:

— А значит, и настроение колхозников по кандидатуре Никитина на новый срок не может вызвать...

Здесь-то инструктор и щелкнул металлической змейкой на своей папке.

— Вот этого, Алексей Владимирович, я бы не рискнул сказать.

Все стулья и пружины дивана в кабинете у секретаря райкома так и заскрипели.

— Это, называется, отмочил.

— Начал за здравие, а кончил...

— Если мы такими председателями, как Никитин, начнем разбрасываться, наш район далеко не уйдет.

Тогда-то и секретарь райкома Егоров, изменив своей обычной сдержанности, закричал дребезжащим фальцетом:

— Надо же, товарищ Сухарев, хоть как-то концы с концами сводить! — И, взяв себя в руки, продолжал обычным голосом, только скулы у него как будто затлелись: — Если судить по вашей же информации, то и по урожайности и по ежесуточному привесу дела в колхозе имени Буденного идут еще лучше, чем в прошлом году, и вы же предлагаете Никитина не рекомендовать...

Бедный инструктор совсем растерялся. Если б знал он, что слова его произведут такой взрыв на бюро, он, быть может, и не произносил бы этих слов. Тем более, что все это не имело прямого отношения к возложенному на него поручению перед поездкой в колхоз. Под обстрелом реплик, которые сыпались на него со всех сторон, Сухарев взмолился:

— Я же ничего такого не сказал. Лично у меня против кандидатуры Никитина возражений нет. Колхоз при нем явно идет в гору, не мошенник, не бюрократ.

— Так что же вы все-таки имели в виду,— недоумевая, спросил Егоров.— Может, пьет?

Опережая Сухарева, на этот вопрос ответил председатель райисполкома Федоров:

— Не больше, чем другие.

— Только по праздникам,— подтвердил и Сухарев.

Суживая глаза, Егоров скользнул ими по серовато-сизому, с красными прожилками лицу Федорова, но ничего не сказал и вновь повернулся к Сухареву. Тот стал виновато пояснять:

— Вы, Алексей Владимирович, не совсем правильно поняли меня. Я хотел только сказать, как бы там не напороться на неприятность. Там у них среди колхозников раскол. Многие, конечно, будут за Никитина, но есть и против.

У Егорова двумя углами заострились брови.

— Теперь я вообще отказываюсь что-нибудь понимать.

На коротко остриженную голову инструктора снова обрушился град уничтожающих реплик:

— Он и сам себя не поймет.

— Не может без своих кандибоберов.

— Тебе, Костя, пора уже эту комсомольскую закваску бросать,— посоветовал инструктору Неверов.

Сухарев едва успевал поворачиваться из стороны в сторону. Лишь одна Короткова попробовала заступиться за него:

— Вы же не даете человеку кончить.

Металлическая змейка на папке у Сухарева щелкнула в третий раз.

— Ну, а как бы прореагировали члены бюро, если бы к вышесказанному я добавил, что Николай Яковлевич Никитин с Антониной Ивановной больше не муж и жена?

Как по команде, все оглянулись на окно с четко врезанным в него, как в раму, яром над Задоньем, уже заметно изменившим с приходом осени свою окраску.

Уже и стога молодого сена побурели среди оранжевых скирд соломы на бархатной черноте зяби. С левобережных верб и тополей облетала листва. А из оголившихся на яру ветвей сада явственно закраснели стены кирпичного дома.

От одного лишь человека и ускользнуло это всеобщее движение. Секретарь райкома Егоров с жестковатым недоумением продолжал смотреть на инструктора.

— Не улавливаю связи...— сказал он сухо.

Теперь все головы, как по команде, от окна отвернулись обратно в комнату.

— Да не слушайте вы его!

— От Сухарева еще и не этого можно ожидать.

— Это чтобы Никитин от Антонины ушел?!

И снова стриженая голова Сухарева едва успевала поворачиваться из стороны в сторону на мальчишеской загорелой шее.

— Я же не сказал, что он ушел.

Никто уже не слушал его.

— Никитина мы знаем не первый день.

— Не проходимец какой-нибудь.

— Она же из него председателя передового колхоза сделала.

Короткова уточнила:

— Нет, Виктор Иванович, она из него человека сделала.

— А это, Антонина Ивановна, ты уже по своей дружбе к ней и как тезка,— насмешливо ответил ей Федоров.— Он тоже ведь не голеньким к ней с луны упал, а в звании майора пришел.

— Звание, Виктор Иванович, это еще не все.

Неверов, посмеиваясь, подытожил:

— На этот раз, Костя, ты и сам себя превзошел. Как говорится, явный перебор.

Однако и Сухарев не захотел оставаться у него в долгу:

— Вам эта история, Павел Иванович, конечно, должна быть лучше известна.

Неверов снял очки и стал протирать стекла клетчатым желтым платком.

— Я тут не самый старейший из членов бюро.— Он покосился на Короткову.— К тому же после того, как я уехал в партшколу, меня не было в районе целых десять лет. Если, Костя, сам не разобрался, то и нечего тень на плетень наводить.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта перепалка, если бы Егоров не положил на стол свою обожженную красноватым загаром руку — как припечатал к настольному стеклу пятипалый виноградный лист.

— Но и так ведь, товарищи, нельзя. Я понимаю, это и неожиданно и неприятно, но если вдуматься, то и Сухарева можно понять.

Инструктор приободрился, привставая со стула.

— Я, Алексей Владимирович, не имел права умолчать.

Движением руки Егоров усадил его обратно.

— Но и ограничиваться простой регистрацией факта тоже не должны были. Из-за этого мы теперь вынуждены откладывать вопрос до следующего бюро.— И, перехватив неуловимое движение редактора райгазеты Прохорова, спросил: — Вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Только то, Алексей Владимирович, что надо бы нам об этом не понаслышке знать, а из первых уст.

— Каширина беспартийная,— быстро напомнил Неверов.— Ее мы не вправе на бюро вызывать.

— Значит, надо какую-нибудь другую форму найти. Нельзя же ее совсем обойти.

Редактора поддержал райпрокурор Нефедов:

— У нарсудьи Пономарева жена тоже беспартийная, а когда он от нее на левую ногу захромал, она и в райком и в обком ездила, полгода в приемных околачивалась. Меня тоже замучила, все требовала, чтобы я его к уголовной ответственности привлек. Это народного судью! — Нефедов обвел присутствующих округлившимися глазами.— Если нельзя эту Каширину лично вызвать на бюро, то надо подобрать к ней какой-нибудь другой ключ. Встретиться с глазу на глаз, вызвать на откровенность.

При этих словах прокурора раздался откровенный смешок с того конца дивана, где сидел Неверов.

— Еще не родился тот человек, которому она бы открыла душу.

— Нет, Павел Иванович, не скажи. Она не всегда такая была,— возразила ему Короткова.

— Помню, как еще в бытность мою учителем она всех делегатов райпартконференции заставила в лежку лежать,— добавил Прохоров.— Ты, Павел Иванович, до слез хохотал.

Короткова с затаенной горечью добавила:

— А плакать потом пришлось ей. С этого, может быть, все и началось.

Впервые все услышали, как шумно вздохнул в своем углу самый молчаливый из членов бюро директор винсовхоза Краснов:

— Ни за грош потеряли человека. Слава и гордость района была.

Райпрокурор Нефедов продолжал тянуть свою нить:

— Но в райком-то хоть жаловалась она?

При этих словах Короткова все так же затаенно-горько усмехнулась и переглянулась с Прохоровым, а Неверов снова иронически рассмеялся:

— Тебе, Андрей Иванович, должно быть, одних жалоб жены Пономарева мало.

— Нет, при моей памяти не жаловалась она,— твердо ответил прокурору Егоров и перевел взгляд на Неверова.— Но и оснований для веселья, признаться, не вижу. Я бы сказал, что факт, всплывший сегодня на бюро, скорее печальный.

Багровея под его взглядом до корней своего седого ежика, Неверов достал платок и стал протирать им очки. Нефедов не унимался:

— В таком случае из райкома должен был к ней съездить кто-нибудь. Предлог всегда можно найти. Скажем, будучи в тех краях в командировке, попроситься на ночлег.

Короткова с явным осуждением посмотрела на прокурора и даже немного отодвинулась от него вместе со стулом.

— Как-то у тебя, Андрей Иванович, все легко получается. Всунул ключик в замок — и отомкнул. Как будто, извини меня, Каширина круглая дура. Надо сперва людей в районе узнать, а потом уже к ним свои прокурорские отмычки подбирать.

Нефедов замахал на нее обеими руками.

— Все равно никогда не соглашусь. Человек среди бела дня тонет, а мы стоим на берегу и ждем. И ты, Антонина Ивановна, оставь, пожалуйста, свои намеки при себе. Это, конечно, модно сейчас, но тебе не к лицу. Бросили человека на произвол судьбы. Никогда не соглашусь.

Настала очередь Коротковой покраснеть под взглядом Нефедова, и в серых сердитых глазах ее мелькнула растерянность. Подвинувшись вместе со стулом к ней поближе, Нефедов положил ей руку на плечо.

— Надеюсь, ты, Антонина Ивановна, не обиделась на меня? Теперь мы, как говорится, квиты.

Короткова сняла его руку со своего плеча.

— Мне, может быть, в первую очередь надо обижаться на себя.

— Но согласись, что кто-нибудь из тех, кто ее лучше знает, обязан был к ней лично съездить, поговорить...

— Во всем этом, Андрей Иванович, разобраться не так-то просто.

Клод Моне. ЛОНДОН. ПАРЛАМЕНТ. 1904. Лилль. Музей.

Клод Моне. ОХОТНИЧЬИ ТРОФЕИ. 1862.

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

Они переговаривались вполголоса, но до слуха Егорова последние слова Коротковой донеслись. Вставая, он опять положил на стол свою обожженную загаром руку — как припечатал к стеклу виноградный лист.

— Ну, если для вас не просто, то я, как человек в районе сравнительно новый, и подавно не берусь. Откладываем до следующего бюро, время до отчетно-выборного собрания в колхозе Буденного еще есть. И для вас, товарищ Сухарев, эта неделя не должна пройти даром.

Прохоров с сомнением в голосе предложил:

— А не лучше ли нам, Алексей Владимирович, это дело кому-нибудь из более...— Он помедлил.— Из членов бюро поручить?

— Например?

Неверов подхватил:

— Например, той же Антонине Ивановне. Во-первых, ей это будет более удобно как женщине. Во-вторых,— он повернулся к Сухареву,— ты не обижайся, Костя, но тебе еще не по возрасту такие дела. Ты у нас и неженатый еще.

— Я и не обижаюсь, Павел Иванович, а даже рад.

Егоров наклонил голову.

— Что ж, может, так и лучше. У меня возражений нет.

— Зато у меня, Алексей Владимирович, есть,— решительно заявила Короткова.

— Но, если Антонина Ивановна, как здесь говорили...

Короткова не дала ему кончить:

— Именно поэтому я и не могу согласиться. По той самой дружбе с Кашириной, на которую здесь Федоров намекал. Мы с ней действительно старые друзья, но что-то она меня к себе давно уже не зовет. Закрылась у себя на подворье, на яру, и сидит. Раньше я и без приглашения к ней заглядывала, как только еду мимо, так и подверну, а теперь не решаюсь. Было совсем уже направлюсь — и в последний момент трусливо проезжаю мимо. Боюсь, как бы она не подумала, что это я к ней из жалости. Я и сама всяких жалельщиков терпеть не могу, ну а ее-то я, слава богу, знаю. Если догадается, что приехала по поручению райкома устраивать ее семейную жизнь, то, пожалуй, придется мне после этого навсегда к ней дорогу забыть.— И, вприщур поглядев в сторону яра из-под метелок своих обгоревших на солнце ресниц, Короткова повторила: — Я-то ее знаю. Если полюбит, то полюбит, а отвернет — так наотрез. А мне бы, Алексей Владимирович, не хотелось ее дружбу терять. Поздно уже новых друзей заводить.

— Ну что ж, видно, не миновать Сухареву доводить это дело до конца,— заключил Егоров.— Хоть он здесь и единственный неженатый среди нас.— И скупая улыбка впервые тронула его губы.

Задвигали стульями, затолпились к выходу члены бюро.

— Задала нам сегодня твоя Каширина жару,— пропуская Короткову в двери впереди себя, попенял Неверов.

— Почему же, Павел Иванович, моя, а не твоя?

— Все-таки не скажи...

Уже у самого порога Короткову догнали слова Егорова:

— Вас, Антонина Ивановна, я попрошу остаться.

И после того уже, как остались они в опустевшем кабинете вдвоем, он пояснил:

— У меня, Антонина Ивановна, все время было такое ощущение, что вы чего-то недоговаривали, а вам есть что сказать.

— Есть такие вещи, Алексей Владимирович, о которых и язык не поворачивается говорить.

— Но все же мне одному вы могли бы рассказать?

— Только то, что я знаю. Но знаю я далеко не все.

На исходе дня на дымящемся заревном небе Красный яр издали еще больше мог напомнить собой какую-то большую степную птицу, парившую над Задоньем на своих распростертых крыльях.

Продолжение следует.

Сцена из спектакля «Золотой обруч».

Фото А. Бертика.

МОГУЧИЕ ОБРАЗЫ ФРАНКОВЦЕВ

Ин. ПОПОВ

В том, что Львовский государственный академический театр оперы и балета имени Ивана Франко является, в сущности, ровесником Советской власти в старинном украинском городе, заключен большой смысл. Первый спектакль львовской оперы состоялся 21 сентября 1940 года — через год после воссоединения украинских земель в единой свободной советской социалистической республике.

Коллектив театра прошел яркий и плодотворный творческий путь. Достаточно сказать, что на его сцене состоялось свыше семидесяти премьер произведений русской, украинской и западноевропейской классики; пятьдесят шесть постановок опер и балетов советских композиторов насчитывает репертуарная история театра.

Постоянный интерес оперно-балетного коллектива к современным советским композиторам — верный признак активности творчества, интенсивности пульса его жизни. Важно отметить, что премьеры советских авторов на львовской сцене были столь высокого художественного качества, что обретали всесоюзный общественный резонанс.

Одна из них — постановка оперы Бориса Лятошинского «Золотой обруч», спектакль, по праву отмеченный Почетным дипломом на всесоюзном юбилейном конкурсе в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Маститый композитор работал над партитурой с перерывами в течение десятков лет; первая редакция оперы относится еще к 1929 году; она стала поистине лебединой песней старейшего мастера украинской советской музыки, скончавшегося несколько лет назад.

Если уйти в сферу художественных аналогий, то в связи с «Золотым обручем» вспоминаются прежде всего исторические оперы-эпопеи Бородина «Князь Игорь» и Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже». Здесь такая же могучая сила народного эпоса, такое же виртуозное владение всей палитрой оперной речи.

Аналогии эти возникают прежде всего в силу сходства исторических событий Древней Руси, воссоздаваемых оперой. Сюжетная основа «Золотого обруча» — знаменитая повесть Ивана Франко «Захар Беркут» (либретто Я. Мамонтова).

Индивидуальное своеобразие почерка Бориса Лятошинского придает партитуре неповторимый колорит. По сравнению с «Князем Игорем» и даже с «Китежем» она более фресковая.

Несмотря на насыщенность либретто драматичнейшими событиями, мы как бы смотрим на них сквозь даль веков, но это отнюдь не бесстрастие летописца, подчеркнуто сковывающего движения своей души. Музыкальная речь композитора ярко эмоциональна и нередко подымается до трагедийного пафоса. Однако жанровая сфера при этом неизменна — эпос с его величавой неспешностью, с его высокой степенью обобщения событий и характеров...

Литературный первоисточник «Золотого обруча» оказал, конечно, очень сильное влияние на его жанрово-эмоциональную тональность. Сюжетная ткань «Захара Беркута» настойчиво требовала именно фресковой суровости и чуть аскетической отрешенности повествования. Иначе могли потерять свою естественную убедительность трагедийное напряжение событий, их сгущенный до крайности драматизм.

А всего этого в либретто оперы много. Здесь и мгновенно вспыхнувшая страстная любовь Мирославы, дочери боярина Тугара Вовка, к юноше-«смерду» Максиму; и жесточайшие испытания, выпавшие на долю Максима, кончающиеся смертью на руках у любимой в момент возвращения к родному народу из плена... Тут и отказ отца купить жизнь сына ценою поражения родины... И все здесь противоборствует: душевная стойкость, героизм и гнусное предательство, лютая злоба и сердечная нежность, надменное презрение к народу и горячая любовь к нему... Высокие нравственные качества героев и помогают одерживать победу в условиях, казалось бы, совершенно невозможных...

Большое поле деятельности для талантливых исполнителей! Есть где развернуться актерским дарованиям... Тем более что музыкальная речь композитора требует и от солистов, и от хора, и от оркестра высокого профессионального мастерства.

В спектакле, которым были открыты московские гастроли, немало ярких исполнительских работ. Широкими мазками лепит величавый образ могучего старца Захара Беркута заслуженный артист УССР В. Лубяной; сложную сценическую партитуру роли Захарова сына, Максима, темпераментно проводит В. Игнатенко. Пылкой, неукротимопламенной рисует Мирославу заслуженная артистка УССР Т. Дидык; властной силой веет от жестокого начальника татарского войска Бурунды (В. Лужецкий)... Зато боярин Тугар Вовк в исполнении заслуженного артиста УССР А. Врабеля, на мой взгляд, получился несколько однотонным — только лишь одна черная краска на актерской палитре всегда лишает образ психологической объемности.

Вокальное мастерство и музыкальная культура у всех солистов на достаточно высоком профессиональном уровне.

Хоровые сцены, играющие в «Золотом обруче» важную музыкально-драматургическую роль, звучали хорошо; чувствовалось, что хормейстер Д. Стефанишин точно ощутил замысел композитора... Фресковость, эпическую величавость и одновременно трагедийный драматизм партитуры Б. Лятошинского ярко воплотили и режиссер, народный артист Украинской ССР Д. Смолич, и художник, заслуженный деятель искусств УССР Е. Лысик. Уверенно и четко вел спектакль дирижер, заслуженный деятель искусств УССР Ю. Луцив.

Немногочисленные танцевальные сцены «Золотого обруча» (балетмейстер — заслуженный деятель искусств Бурятской АССР М. Заславский) сильного впечатления не произвели; поставленные в общем грамотно, они казались несколько вялыми, а хореографическая лексика — однообразной.

И тем не менее монументальная опера Б. Лятошинского — большой вклад в сокровищницу советской музыки. Уже одна только ее постановка вызвала значительный интерес столичной общественности к выступлениям львовских гостей. Если же учесть, что на сцене Кремлевского Дворца съездов были показаны «Наталка-Полтавка», «Пиковая дама», «Эрнани», учесть, что в балетной афише были, кроме «Эсмеральды» и «Спартака», новые балеты: «Три мушкетера» В. Баснера, «Антоний и Клеопатра» Э. Лазарева,— то успех столичных гастролей Львовского театра оперы и балета станет еще очевиднее.

ШАХМАТЫ

ШАНСЫ? ОНИ РАВНЫ

Сало ФЛОР,
Международный гроссмейстер

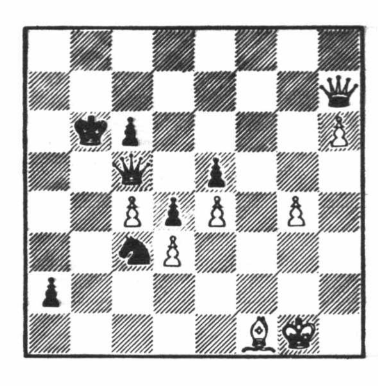
Летом 1958 года Москву посетил 15-летний юноша. Все его звали просто: Бобби. Разумеется, у Бобби есть фамилия: Фишер. Фамилия, которая сегодня гремит на весь мир. Но уже 13 лет назад Фишер был хорошо известен в шахматном мире, и знатоки о нем отзывались как о крупном таланте.

Официальные встречи с молодым чемпионом США тогда не проводились. Бобби ежедневно утром приходил в Центральный шахматный клуб и покидал его вечером. Он играл бесконечное количество пятиминуток с кандидатами в мастера, мастерами, гроссмейстерами. И уже тогда знатоки обращали внимание на то, что даже в этом «легком жанре» Бобби старается быть серьезным и очень неохотно проигрывает.

Одним из тогдашних партнеров Фишера был молодой гроссмейстер Тигран Петросян. И сегодня Т. Петросяна и Р. Фишера считают лучшими «блицистами» мира. Фишер почти никогда не попадает в цейтнот, а что касается Петросяна, то и он серьезные партии умеет играть быстро, и если уж попадает в цейтнот, то прекрасно ориентируется.

Вскоре после знакомства Петросян и Фишер встретились в серьезных турнирах и неоднократно участвовали в турнирах претендентов. На таком турнире в 1959 году в Югославии (тогда претендентом стал М. Таль) гроссмейстеры сыграли четыре партии (2:0 в пользу Петросяна при двух ничьих). Одна из этих партий протекала исключительно остро и интересно и закончилась вничью. Эту партию американский гроссмейстер подробно проанализировал в своей книге «60 памятных партий». Приводим окончание этой волнующей встречи:

Т. Петросян

Р. Фишер

Ход белых.

Последовало:

35. Фh7—g8	а2—а1Ф
36. h6—h7	...

Подумайте только! У черных уже два ферзя, и все же Фишер решается играть на выигрыш и отказывается от ничьей вечным шахом путем 36. Фd8+.

36...	Фс5—d6
37. h7—h8Ф	Фа1—а7
38. g3—g4	Kpb6—c5
39. Фg8—f8	Фа7—е7
40. Фf8—а8	Kpc5—b4
41. Фh8—h2	Kpb4—b3

В практике, когда на доске четыре ферзя, обычно побеждает тот, кто раньше начинает шаховать. Здесь мы видим, как оба гроссмейстера обходятся без шахов. 42. Фа8—а1... Опаснее было 42. с5! Ф:с5 43. Фg8+ Кра3 44. Фс2 Фb4 45. Фа8+ Фа4 46. Ф:а4 К:а4 47. Ф:с6 с шансами на выигрыш.

42...	Фd6—а3
43. Фа2:а3+	Kpb3:a3
44. Фh2—h6	Фе7—f7
45. Kpg1—g2	Кра3—b3
46. Фh6—d2	Фf7—h7
47. Kpg2—g3	Фh7:e4!
48. Фd2—f2	Фе4—h1

Ничья.

При чем тут старая партия? — спросит читатель. Во-первых, эта партия исключительно интересна. Во-вторых, нам хочется вообще вспомнить о результатах встреч двух выдающихся гроссмейстеров. Из 18 партий каждый выиграл по три и 12 закончил вничью. О чем говорит этот счет?

Накануне матча Фишер — Ларсен счет был 3:2 (при одной ничьей) в пользу Фишера. В матчах с Таймановым и Ларсеном у Фишера не было ни одной ничьей. А вот с Петросяном у Фишера процент ничьих очень высок. У Петросяна совсем иной характер, чем у Ларсена: ничья так ничья. «До завтра, до следующей партии!» — как бы говорит он после очередного ничейного исхода. Поэтому нам кажется, что ничьих в предстоящем матче будет много (не очень я обрадовал вас, читатель?).

Т. Петросян и Р. Фишер в рекомендациях не нуждаются. Нам только хочется рассказать, чем дышат два претендента накануне матча, какова их спортивная форма и в чем суть их творческого и спортивного конфликта.

Разногласия в спортивном отношении между Петросяном и Фишером заключаются в том, что советский гроссмейстер понимает, с каким серьезным соперником ему предстоит борьба, а Фишер считает, что он уже 10 лет сильнейший шахматист мира и надо лишь официально оформить свою точку зрения.

Если верить иностранным агентствам и заявлениям самого Фишера, то он чуть ли не считает свой спор с Петросяном заранее решенным и больше интересуется вопросом, где будет проходить матч Спасский — Фишер в 1972 году...

Недавно я спокойно дремал в удобном кресле ИЛ-18, и вдруг подходит стюардесса:

— Вас просит командир самолета.

Мне был задан вопрос, который звучит сегодня на суше, на море и, как видите, в воздухе. Неужели Фишер непобедим? Ведь Ларсен — это все же Ларсен!

Да, объяснить, как это Фишеру удалось два раза подряд победить со счетом 6:0, трудно, очень трудно. Надо досконально изучить сыгранные партии. Но ясно одно: результаты Фишера великолепные, фантастические, небывалые.

М. Таль, чье имя несколько лет тому назад гремело так же, как сегодня гремит имя Фишера, сказал, что результаты Фишера вызывают добрую зависть. М. Ботвинник высказался осторожно: может быть, успех Фишера — чудо, а вообще-то с оценкой надо немного подождать, когда Фишер наткнется на более серьезное сопротивление.

Вернемся к встрече Фишер — Ларсен. Датский гроссмейстер неосторожно до начала матча заявил, что именно он будет играть со Спасским. Он на весь мир заявил, что приготовил Фишеру сюрприз. Но никто не увидел обещанного и объявленного. Наоборот, партии говорят о том, что Ларсен был во многих отношениях совершенно неподготовлен к встрече с Фишером и поэтому фактически проиграл без борьбы. Потерпев сокрушительное поражение в первой встрече, Ларсен затем играл слишком рискованно, и это был тот типичный случай, когда проигравшего бьют не за то, что он проиграл, а чтобы не отыгрывался. В некоторых партиях Ларсен, очевидно, играл под девизом: «Ничья мне не нужна, лучше я проиграю». Понятно, что Фишер ему охотно пошел навстречу.

Любопытно, как ответил сам Фишер на вопрос корреспондентов.

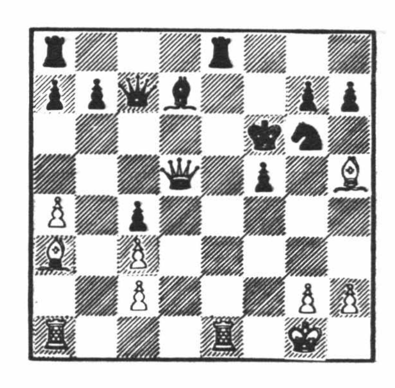
— Как это вам удается побеждать таких первоклассных соперников со счетом 6:0? Может быть, вы придумали что-то новое в шахматах? — спросили журналисты.

— Ничего нового я не придумал,— заявил Фишер.— Я просто хорошо использовал ошибки моих противников.

Это — чистосердечное признание. Значит, с Фишером не надо допускать ошибок! Это не секрет, ибо ошибки не надо допускать с любым противником. Возникает лишь один вопрос: а сам Фишер ошибки допускает? Разумеется, допускает! Но в небольшой дозе.

Вот пример из матча Фишер — Ларсен.

Б. Ларсен

Р. Фишер
Ход белых.

Ларсен, приняв жертву пешки, застрял королем в центре. Ясно, что такая экскурсия не может кончиться добром. Последовало:

21. Ch5—f3	...

Ботвинник считает, что сила Фишера в том, что он точно и далеко рассчитывает варианты. Это правда. Но не всегда позиция или комбинация поддается точному расчету, и тут шахматист надеется на свою интуицию. Относительно этой партии многие комментаторы с восторгом отмечают, что Фишер проявил чудеса дальновидности. Так ли это? По-моему, нет. Наоборот, Фишер играл неточно. В такой позиции надо разгромить противника в нескольких ходов. Белые могли сыграть

21. g4 (так играл бы Таль, полагают некоторые). Но можно было высчитать на пальцах, что после 21. Cd6 Фb6+ 22. Cc5 Фc6 23. Фd4+ Kpf7 24. Cf3 слон белых с темпом включается в атаку.

21... Kg6—e5

Ларсен ожил и уже подумывал о выигрыше. Другой возможностью было 21...Се6.

22. Фd5—d4 Kpf6—g6
23. Ле1:е5 Фc7:e5
24. Фd4:d7 Ла8—d8
25. Фd7:b7 Фе5—е3+

Анализ показал, что лучше было 25...Ф:с3.

26. Kpg1—f1 Лd8—d2
27. Фb7—с6+ Ле8—е6
28. Са3—с5 ...

Хорошо, что нашелся этот единственный ход!

28... Лd2—f2+
29. Kpf1—g1 Лf2:g2+
30. Kpg1:g2 Фе3—d2+
31. Kpg2—h1 Ле6:с6
32. Cf3:с6 Фd2:с3
33. Ла1—g1+ Kpg6—f6
34. Сс5:а7 f5—f4

Радость у Ларсена небольшая: дорого обошелся ему белый ферзь. А кто будет удерживать пешку а?

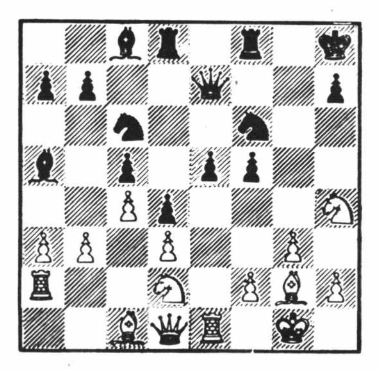
35. Са7—b6 Фс3:с2
36. а4—а5 Фс2—b2
37. Cb6—d8+ Kpf6—е6
38. а5—а6 Фb2—а3
39. Сс6—b7 Фа3—с5
40. Лg1—b1 с4—с3
41. Cd8—b6 Ларсен сдался.

Ничего не скажешь, великолепная боевая партия. Но можно ли назвать ее, как это делают многие на Западе, бессмертной жемчужиной? Нет, конечно! Если жемчужина, то с дефектами. На фоне отличных результатов, показанных Фишером, о нем сегодня рискованно говорить плохо. Можно и должно восторгаться игрой Фишера. Но не нужно считать, что с ним уже невозможно справиться. Можно!

Какие преимущества у Фишера перед Петросяном? Он моложе. Но и Петросян не стар. Фишер в своих действиях энергичнее. Но если нужно, то и Петросян не дремлет. А как насчет дебютного репертуара? По-моему, у Петросяна будут трудности в игре черными. Но и у американского гроссмейстера будут такие же заботы. А как насчет нервов? Думается, что они у Петросяна не слабее. А как насчет терпения, выдержки? Здесь несомненный плюс на стороне Петросяна. Фишер хорошо понимает маневренную, позиционную игру, но Петросян не хуже, а вероятно, даже и лучше. Фишер хорошо расставляет боевые силы, владеет искусством перегруппировки фигур. Но Петросян тоже умеет это делать и, может быть, даже лучше. Фишер в некоторых партиях с Таймановым хорошо проводил защиту, но Петросян — защитник еще более умелый. А как в атаке? Тут Фишер сильнее. Но вопрос, как получить атаку против Петросяна! Так что же будет? Не знаю, не знаю...

Говорят, что Фишер считал ничейную серию матча Т. Петросян — В. Корчной смехотворной. Но что тут смешного? У нас тоже не ставят памятники за ничьи, но знатоки прекрасно понимают, что очень трудно побеждать в матче, где встречаются гроссмейстеры одного класса, да еще так досконально изучившие друг друга. И, несмотря на это, в ничейной серии были свои голевые моменты, но только в девятой партии Петросяну удалось нанести решающий удар. Может быть, это не так эффектно, однако в творческом отношении производит большое впечатление.

В. Корчной

Т. Петросян
Ход белых.

Корчной сознательно пошел на эту позицию, надеясь получить атаку. Однако в расположении черных есть недостатки: незащищенный центр и не совсем гармоничная расстановка боевых сил. Посмотрите, с какой железной логикой Петросян доказывает правоту своей стратегии.

22. b3—b4! ...

Белые фигуры исподтишка начинают атаку, и через несколько ходов Петросян, как тигр, растерзает даже такого цепкого защитника, как Корчной.

22... с5:b4
23. Kd2—b3 Са5—b6
24. Cg2:с6! ...

Превосходно! Обычно такой размен не рекомендуется. Здесь же он оправдан, ибо теперь пункт е5 у черных трещит по всем швам.

24... b7:с6
25. а3:b4 а7—а6
26. Kh4—f3 е5—е4
27. с4—с5 Cb6—с7
28. Kf3:d4 Фе7—f7
29. Ла2—d2 ...

Все силы для защиты и для атаки! Теперь белый слон попадет на b2 и оттуда нанесет смертельный удар королю черных.

29... Сс8—d7
30. Сс1—b2 Kph8—g8
31. Kb3—а5 Сс7:а5
32. b4:а5 Лd8—b8
33. Cb2—а1 Лf8—е8
34. Лd2—е2 Фf7—h5
35. Фd1—d2 Kpg8—f7
36. h2—h4 е4:d3
37. Фd2:d3 f5—f4
38. Kd4—f3 Ле8—е2
39. Фd3:е2 Фh5:с5
40. Kf3—е5+ Kpf7—f8
41. Ке5:d7+ Kf6:d7

Не дожидаясь очевидного ответа 42. Фе6, Корчной сдался.

Петросян — шахматист скромный: его устраивает в матче всего одна победа, а остальные партии пусть будут ничейными! Многие считают, что такая тактика с Фишером не пройдет. Подождем, увидим. Кстати, неизвестно, какой именно тактики будет придерживаться в предстоящем матче Петросян.

Сила Петросяна заключается в том, что он, так же как и Фишер, редко проигрывает. В матчевой борьбе это важнейший фактор. Думаю, что опытный Петросян, первый заместитель Спасского, не допустит, чтобы Фишер имел возможность нанести ему чувствительный удар сразу на старте, как это было в двух предыдущих матчах Фишера. Встреча будет наверняка очень напряженной. Шансы? Они равны.

АМЕРИКА ГЛАЗАМИ КИНО

Н. ТОЛЧЕНОВА

Среди многих зарубежных фильмов, которые шли на экранах столицы во время недавно закончившегося VII Международного кинофестиваля, пожалуй, особое внимание зрителей привлекли картины, сделанные в Америке либо рассказывающие об Америке... Привлекли заметным неравнодушием, остротой разговора о важных нравственных проблемах, имеющих, как выясняется, самое непосредственное отношение к сегодняшнему существованию так называемого среднего американца даже в том случае, если фильм, подобно, скажем, «Маленькому большому человеку» режиссера Артура Пенна, говорит о давным-давно минувших временах или касается сравнительно недавнего прошлого, как, например, фильм Сиднея Поллака «Лошадей ведь тоже пристреливают, не так ли?».

Тема обеих картин — ужасающая бесчеловечность капиталистического общества. Эта главная суть его, по-разному проявляемая в разные эпохи, особенно отчетливо видна в судьбах людей, которые не нужны обществу, отчуждены от него по соображениям ли геноцида, по законам ли безработицы.

Поставленный режиссером Холлом Бартлеттом по роману Ж. Амаду фильм «Генералы песчаного карьера» о нищих, бездомных детях и подростках Бразилии по-своему перекликается с новой работой широко известного у нас художника Стенли Крамера «Благослови зверей и детей», где речь тоже идет о детях, пусть богатых, но тоже бесконечно одиноких и в общем-то никому не нужных. Обитатели привилегированного колледжа в Аризоне, они забыты, отвергнуты своими обеспеченными родителями, отринуты жизнью, как и их голодающие бразильские сверстники...

Почти каждый из этих фильмов, идя собственным путем образного, художественного исследования жизни современного капиталистического общества, наталкивает зрителя на выводы самые горькие...

Спросим себя, что же это: новый поворот капризной кинематографической «моды», которая в поисках очередных, достаточно острых сюжетов не останавливается даже и перед обращением к тематике социального протеста? Мол, не все ли равно, чем щекотать притупившиеся нервы публики... Или это проявление гражданской смелости передовых художников кино, результат их нежелания стоять в стороне от событий, тревожащих совесть каждого мыслящего человека?..

Думается, ответ на сложнейшие вопросы, затрагивающие всех без исключения людей — создающих ли киноискусство, «потребляющих» ли его, — никак не может быть однозначным... Тут, наверное, дает себя знать и

безотчетное следование тех или иных кинодеятелей властным тенденциям своего времени и все более осознаваемое, активное стремление творчески участвовать в жизни громадного большинства человечества, борющегося за гуманизм, за справедливость... Во всяком случае, ясно одно: возрастающий с каждым годом интерес зрителей всех стран мира к этой борьбе, к доказательному, жизненно правдивому киноповествованию о перипетиях этой борьбы способствует появлению произведений, где авторы, размышляя о необходимости социального прогресса, порою резко бичуют отступления от него.

В этом смысле весьма характерна демонстрировавшаяся на фестивале в Москве картина Хаскелла Уэкслера «Холодным взором».

Фильм делает нас свидетелями яростных студенческих и негритянских демонстраций в Чикаго в 1968 году, сплошь и рядом перерастающих в жесточайшие кровавые побоища.

Интересно, что название фильма как бы полемизирует с содержанием картины, даже опровергает его, именно и утверждая необходимость горячего, заинтересованного отношения всех людей общества друг к другу, особенно людей, впрямую связанных со «злобой дня», с вершащимися вокруг событиями, с политикой... Впрочем, главный герой картины — оператор телевидения — далеко не сразу приходит к пониманию столь простой истины. В начале фильма мы видим его как раз холодным, бесстрастным свидетелем несчастного случая, человеком, не выражающим ни малейших эмоций, а лишь безучастно фиксирующим тяжелое уличное происшествие... Лужа крови возле разбившейся машины, страдальческая гримаса боли и смерти, застывшая на молодом женском лице... А рядом деловитые, уверенные и спокойные движения «телевизионщиков», не то что механически, но буднично выполняющих свою обычную «работу».

Много надо увидеть и пережить герою, чтобы он очнулся, вышел из состояния той нравственной летаргии, морального оцепенения, которые, выключая его из жизни народа, именно и делают его нечеловеком, а его работу — всего лишь погоней за сенсацией. Он должен жить иначе: стараться понять людей, понять каждого, понять не только поступки, но и причины поступков, проникнуть в человеческую радость и горе! Ощутить связи всех с окружающим миром и связи этого мира со всеми... Только тогда его телевизионная камера научится говорить правду. И только тогда он сам и его дело станут нужны людям, народу!.. Оператор узнает все это из жизни: ему говорят об этом рассерженные, обиженные, негодующие негры. Торопясь, словно обжигаясь, захлебываясь словами, они пытаются втолковать эти мысли случайно зашедшему в их жилище «телевизионщику». Сами они придут ему в голову позже, во время демонстрации протеста на запруженных толпами народа улицах Чикаго. Снимая горящие гневом лица, он слышит стоны избитых, раненых, искалеченных людей, видит потоки крови, смерть — десятки и сотни смертей...

Нет, уже не холодным, не равнодушным взором смотрит герой на происходящее. Снимая события демонстрации, ее участников, он работает нервно, напряженно. И на каждом лице мы теперь читаем драматическую историю жизни, приведшей человека в ряды борцов.

Герой умрет вместе с женщиной, которую полюбил: его машина вдребезги разбилась на дороге... И в фильме словно повторен равнодушный, холодный начальный кадр: профессионально работающие «телевизионщики» бесстрастно снимают очередное происшествие...

Но разве для нас бесследно прошла, разве ничему нас не научила жизнь героя, мелькнувшая на экране? Думается, никакие соображения «моды», никакое тяготение к внешней остроте «политического фильма» не могли бы породить столь живое, неподдельное ощущение искренности, честности художника, говорящего о необходимости видеть жизнь, о современном долге художника.

...Прямой долг художника или же соблазнительная возможность показать множество чудовищных сцен поголовного убийства ни в чем не повинных мирных людей... Что именно руководило создателями фильма «Маленький большой человек»?..

Мне кажется, здесь тоже нет места сомнениям. Обращение режиссера Артура Пенна к событиям почти столетней давности — массовому уничтожению безоружных индейцев, коренных жителей Америки, вооруженными до зубов кавалеристами генерала Кастера — становится почти документально изложенным обвинительным актом бесчеловечных деяний самого Кастера и его головорезов, истреблявших с невиданным, злобным рвением все живое в мирных вигвамах индейских поселений.

Разведчик из отряда Кастера, белый человек Джек Кребб, усыновленный в раннем детстве индейцами и воспитанный ими в традициях честности и отваги, становится единственным оставшимся в живых свидетелем позорных «подвигов» солдат Кастера, их беспримерной жестокости, подлости и предательства, которым учатся они у своих командиров, у того же Кастера, кстати сказать, мечтавшего стать президентом США...

Артист Дастин Хоффман великолепно играет Джека Кребба... По воле случая герою не раз приходится сталкиваться с Кастером, узнать его как хвастуна и позера. Без нажима, тонко Ричард Маллиган показывает в роли Кастера личность неприглядную, человека отталкивающего, хитрого и завистливого. Он начисто лишен чувств жалости и сострадания к людям — всем, и «своим» и «чужим»... Более того, палаческая «миссия» как бы придает Кастеру в его собственных глазах какую-то горделивость, значительность, удовлетворенность.

Психологический штрих этот, может быть, более всего и определяет современное звучание фильма, невольно заставляющего думать о сегодняшних событиях в Сонгми, вспоминать о таких же палачах — носителях истребительной миссии Пентагона... Самодовольство, непробиваемая уверенность в превосходстве «расы», в истинности гнуснейших поступков, совершаемых против человечности, подсказывают зрителю мерзкую суть явления: это фашизм.

...Личину фашизма безошибочно узнаешь и в фильме Стенли Крамера. Ничем, по сути дела, не отличаются от вояк Кастера «воспитатели» лагеря для подростков. Убивая душу детей, жестоко издеваясь над детьми, ретиво преследуя и высмеивая их лучшие качества: доброту, дружелюбие, любовь к жизни, к природе, ко всем живым существам земли, — они, эти «воспитатели», выполняют фашистскую «программу». Они исповедуют убийство как источник наслаждения. Они приходят в восторг при виде крови и смерти... «Набивая руку», расстреливая в упор огромное бизонье стадо, воспитатели обещают семьям вырастить таких же бездушных убийц, «ковбоев» — идеал нации...

А вот еще одно напоминание о фашизме, о его бессердечности и двуличии. Важный епископ решительно отлучает от церкви молодого священника за поддержку и помощь беспризорным «генералам песчаного карьера».

Правда, этот острый, наметившийся в фильме Холла Бартлетта конфликт затем почти полностью пропадает за слащавостью, сентиментальностью и мелодраматизмом многих ситуаций.

Кровь, насилие здесь — по обе стороны. И надо сказать, что взгляд кинокамеры останавливается на них с явно излишним, мучительным любопытством (что, впрочем, допускает в своей картине и Артур Пенн). В таких случаях режиссура переходит ту грань, за которой вдруг теряется большая цель, ломается главная, нравственная, суть произведения.

Без сомнения, Холл Бартлетт прав, утверждая, что деклассированные бродяги, подонки общества несут на себе не свой собственный «грех», а безвинно расплачиваются за истинные грехи хозяев современного общества, за грехи всей их хищнической «философии», всего беззаконного миропорядка... Но развивающаяся в фильме тема обвинения «хозяев» вдруг нарушается, скажем, сладкой, идиллической сценой усыновления одного из маленьких жуликов добросердечными богатеями или явно надуманной сценой «раскаяния» воришки... И, к сожалению, не раз еще споткнешься о подобные же мифы, вторгающиеся в большой разговор о жизни; споткнешься о секс, о штампы, таящие в себе ошибочную мысль о возможном сглаживании контрастов, о примирении сил, стоящих на разных социальных полюсах...

В фильме «Лошадей ведь тоже пристреливают, не так ли?» нравственная основа, гуманная сердцевина замысла выражена ярче всего в образе Глории, девушки — участницы танцевального марафона, одного из тех чудовищных состязаний, в которых проявляются одновременно и бессмысленность и жестокость американского образа жизни.

Замечательная актриса Джейн Фонда, играющая Глорию усталой, разочарованной, даже озлобленной, во время нескончаемого танца ненадолго вдруг смягчается. Пожалуй, она полюбила своего случайного партнера по марафону, славного, простодушного парня. Но самодовольные, неизменно бодрые и веселые устроители издевательского состязания — длящегося вот уже более тысячи часов! — придумывают «забавную» штуку: поженить молодую пару для пущего удовольствия зрителей!

С омерзением отказывается Глория от этой затеи. Она надеется победить в марафоне и взять приз! Но слышит спокойное, опять же самодовольное, уверенное объяснение: приза в общем-то не будет. Победителю ведь придется оплачивать все расходы, а их много: музыка, питание, врачи... Зато вот на женитьбу, глядишь, позабавившиеся зрители могли бы и «подбросить» монет!.. И Глория, выйдя за дверь, протягивает револьвер своему партнеру с мольбой выручить ее, помочь ей: пристреливают же лошадей, надорвавшихся на скачках, изувеченных наездниками...

Джейн Фонда в фильме «Лошадей ведь тоже пристреливают, не так ли?».

Ни разу не видели мы в этом фильме открытого **любования жестокостью.** Режиссер Сидней Поллак как бы **изнутри** показывает бессмысленную недоброту и бездушие танцевального «предприятия», во время которого люди сходят с ума, заболевают, умирают; показывает как некую **норму** жизни Америки, всех ее бесчеловечных отношений... Все меньше становится круг танцующих; все чаще выносят замученных, обезножевших людей... Зато у оставшихся вроде бы становится больше надежд, и они даже не смотрят на тех, кто упал, кто надорвался в бессмысленной скачке по залитому огнями манежу... Образ жизни Америки, образ самой Америки — нынешней, а не тридцатых годов, о которых рассказывает фильм,— возникает ощутимо, зримо, убеждающе... А за обликом «благополучной» Америки, озаренной яркими огнями рекламы, Америки нескончаемого танца и страшного, бесчеловечного «веселья» встает все тот же морок фашизма.

И снова реклама, господство рекламы. Бесконечный рекламный мир... Так Микеланджело Антониони начинает показ Америки в своем новом фильме «Забриски Пойнт».

По-американски щедро, по-американски самодовольно реклама обещает людям все, что только могут они пожелать: удовольствия и развлечения, радость и веселье, вкусную пищу и, конечно же, кока-колу... Но какой-то дикой, нелепой, вытеснившей человека предстает эта реклама, как и весь вообще нечеловеческий вещный мир капиталистического города... Он страшен и двусмыслен: кажется вы морочным, мертвым...

Символы, присущие кинематографу Антониони, его художественному почерку, на редкость прочно сливаются в стилистике нового фильма с документальными кадрами уличных боев, схваток молодежи с полицией... Исступленно, яростно протестует молодежь против бездуховного, пустого и выхолощенного окружающего ее мира. Она взрывает его, обрекая на гибель в мыслях своих... Но, пожалуй, сама-то она тоже не несет в себе созидающего начала... И в этом — главный просчет картины.

«Политическая» активность молодежного собрания, показанного нам в начальных кадрах фильма, не более как проявление безудержного анархистского стремления уничтожать, разрушать... Да и взаимное тяготение молодых героев друг к другу — вовсе не любовь, а исступленный, «раскованный» секс... За ним — все то же равнодушие, все то же бесплодие капиталистической цивилизации.

С гневом Антониони мысленно взрывает эту цивилизацию. Взрывает все снова и снова. Однако же она упрямо — все снова и снова — возникает перед нами на месте прежнего взрыва. Возникает точно такой же, как была; словно они неистребимы, эти обиталища богатых, эти бетон и стекло, подчинившие себе Забриски Пойнт — мертвые пески и скалы безжизненной пустыни... Устало, равнодушно смотрит на них в финале Дарья, героиня фильма, которую мы так и не сумели понять, полюбить,— она осталась для нас чужой.

Полюбить своих героев — шестерых ребятишек — заставил нас Стенли Крамер. Заставил, вроде бы и не прилагая к тому особых усилий, рассказывая о них, об их жизни в лагере в спокойной и благородной реалистической манере, без какой бы то ни было взвинченности, без каких бы то ни было ухищрений формы.

Нравственная высота, благородство темы, они словно сами по себе рождают внутреннюю гармонию фильма, радующего слаженностью и четкостью простой, ясной композиции.

Художник-гуманист, прославивший свое имя многими антифашистскими фильмами, Стенли Крамер видит Будущее в своих героях — подростках... Они несут в себе тот живой, неподдельный оптимизм, то искреннее и светлое нравственное начало, которые только и дают силу жить в мире капитализма, спорить с ним, протестовать против него...

...Жаль, что и в этих американских фильмах сказалась известная социальная ограниченность. В них пока еще нет героя, человека, знающего дорогу к Будущему. Не в потемках бредущего к нему, а проницающего, видящего жизнь неравнодушным взглядом участника.

ВОЯЖ ФРАНСУА ДЕ ПЕРРЕГО

Л. ЛЕРОВ, В. ПАВЛОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Новый план созревал в душе человека, который оказался в достаточно крепких «объятиях» иностранных «друзей». Мы берем это слово в кавычки потому, что у советских студентов, среди иностранцев, обучающихся в наших вузах, тысячи настоящих друзей, которые приехали к нам с желанием обогатить свои знания, и, вернувшись домой, они навсегда сохранят благодарность к Советской стране, гостеприимно встретившей их. Те несколько иностранных студентов, что ловко поймали в свои идеологические сети чванливого аспиранта Михеева, по-своему понимали законы гостеприимства: «Ты хочешь предать свою Родину? Отлично! Мы тебе поможем...»

И они старательно разжигали антисоветские настроения Михеева, всячески поддерживали его в намерении убежать из Советского Союза.

Михеев развивает в этом направлении бурную деятельность. В ту пору он, кажется, даже забросил свою физику, науку. Ему не до нее сейчас. Впрочем, ему никогда не была свойственна одержимость в научных исследованиях, он никогда не испытывал настоящей любви к науке. Его научный руководитель, профессор Терлецкий, причислял Михеева к разряду середнячков и отнюдь не склонен был принимать молодого физика в семью своих аспирантов. Данных для этого нет, нет, как говорится, «божьего дара». Тогда Дима помчался в ректорат и стал спекулировать на истории с памятным диспутом: «Это дискриминация, это плата за мои грехи на диспуте». И пошел и пошел... Будто он никогда и не раскаивался в том, что использовал трибуну диспута для провокационных высказываний, будто и не было в его жизни такого трагического дня, когда Михеева хотели уже было отчислить из университета и оставили здесь лишь в силу свойственного советским людям гуманизма. Гуманизма и веры в способность оступившегося человека исправлять свои ошибки, если он осознал их. А коммунисты, долго и терпеливо беседовавшие с Михеевым, поверили в искренность его раскаяния.

Михеева зачислили в аспирантуру, хотя и не обошлось без конфуза при сдаче аспирантского экзамена по философии. Любовь Ивановна Щекина, доцент кафедры философии естественных факультетов МГУ, рассказывала старшему следователю КГБ:

— На экзамене выяснилось, что Михеев совершенно не подготовлен, не знает первоисточников, трудов классиков марксизма. Мы это сказали ему. Но он реагировал болезненно — вскочил и выбежал из комнаты. Нам стало известно, что в коридоре Михеев расплакался. И было решено в тот же день еще раз побеседовать с ним. Я присутствовала на этой беседе и осталась при своем мнении: у Михеева нет необходимых аспиранту глубоких знаний. Однако комиссия все же сочла возможным поставить удовлетворительную оценку.

Так он пробирался к высоким научным званиям, этот молодой человек, возомнивший себя солью земли, с апломбом и легкостью необычайной судивший о всяких социальных проблемах нашей жизни, которую он в общемто не знал, не видел, за которой наблюдал из окошка своей комнаты на девятом этаже общежития, или изучал по гнусному журнальчику «Посев». А на поверку выходило: нет у него даже тех элементарных знаний, что необходимы интеллигентному человеку, не читал он тех книг, без которых никому не дано глубоко судить, что есть хорошо в обществе, а что плохо. Профан, нахватавшийся «мудрости» из антисоветских сочинений!

...Когда-то Леонардо да Винчи писал: «Так же, как поглощение пищи без удовольствия превращается в скучное питание, так занятие наукой без страсти засоряет память, которая становится неспособной усваивать то, что она поглощает». Сейчас страсти аспиранта кипели совсем в другой сфере, ничего общего с физикой не имеющей. Его память усваивала иные формулы — антисоветчины. Он прилежно усваивал книги-пасквили, книги оголтелых врагов Советского Союза. Михеев доставал их у тех, с кем у него был общий язык, общий взгляд на нашу жизнь, если это можно было назвать «взглядом».

Он пытался найти единомышленников среди своих однокашников. Тяжкая это была работа, труден был этот поиск! Таких, как Михеев, единицы. И частенько Дима возвращался в свою комнату с ощущением изрядно побитой собаки. Как-то собеседник в жарком споре, распалясь, сказал ему:

— Ты ратуешь за свободу личности? Свободу от чего, от кого? Ну, а ответственность, а дисциплина? Ты за анархию?

Дима иронически-снисходительно улыбался — это у него всегда хорошо получалось — и пытался теоретизировать. Он цитировал Бердяева, его антисоветскую книгу «Истоки и смысл русского коммунизма». Михеев пытался наповал сразить противника своей эрудицией. Но когда «эрудит» наконец умолк, ему было сказано:

Продолжение. См. «Огонек» № 35.

— Дима, моя память не хранит столько цитат. Но я помню мудрые слова о том, что новое — это лишь хорошо позабытое старое. Новые песни о демократии удивительно напоминают старые песни меньшевиков... Я хотел бы обратить твое внимание: венгерские контрреволюционеры, бандиты из «Скрещенных стрел» и хортистской охранки, вешали коммунистов и ратовали за... свободу личности... Так же горячо, как и ты...

Дима раздраженно заявлял: «Это демагогия!» — и прекращал разговор. Зато вечером в обществе иностранного студента Эско или супругов Великановых, или Шахназаровых — их-то он считал настоящими «интеллектуалами» — Михеев уже вдоволь наговорится и в который раз будет со смаком перечитывать вслух «самиздатовскую» литературу, живо обсуждать «последние известия», переданные «Голосом Америки» или «Свободной Европой». Здесь он может излить душу, говорить с циничной откровенностью. А вернувшись домой, продолжит этот разговор один на один, с самим собой, со своей нечистой совестью, склонившись над дневником... И снова перо его брызжет ядом ненависти ко всему советскому.

Ловко выхватывая из нашей действительности отдельные факты, неурядицы, материалы из советской прессы, критикующей бюрократов, нарушителей законности, Михеев препарировал все это по-своему, осмысливал все это с позиции почитаемых им «теоретиков» — идеологов антикоммунизма. И, основательно измазав дегтем отчий дом, он в который уже раз запишет в дневнике: «Надо бежать сейчас, немедленно... Все подчинить достижению одной цели».

Все его мысли, все его время отданы этой гнусной цели. Готовясь к побегу, он спешит заготовить как можно больше продукции для сбыта за рубежом — каждый свободный час отдан сочинительству клеветнических измышлений о СССР: то ли в форме упомянутых фрагментов «философских» исследований, то ли в форме дневников, в которых появляется и такая запись: «Если бы события семнадцатого года ограничились февральской революцией, то в России было бы больше демократии, хотя она и не достигла бы такого экономического уровня». Вот он каков, аспирант Михеев! Нет, не проблемы физики и математики волновали его. «Как бежать?» — вот о чем он тревожился денно и нощно. Скорей, скорей, надо что-то придумать, пока Эско еще не уехал домой — он уже кончил занятия в университете и возвращается в то небольшое европейское государство, которое послало его учиться в Москву. Эско предложил Диме еще один вариант побега: использовать документ иностранца. Как говорится, подбросил мысль.

— О, это идея! Есть над чем подумать...

Эско уехал, а Михеев старательно разрабатывал новый план. Сущность его сводилась к следующему: иностранец, имеющий внешнее сходство с Димой, должен изготовить за границей на свое имя необходимые документы с... фотокарточкой русского аспиранта. Иностранец летит из одной страны в другую через Москву. Здесь транзитный пассажир встречается с Михеевым, передает ему свои документы и билет на самолет. И Дима благополучно приземляется в чужом аэропорту. План полон забот и о судьбе иностранца. «Спаситель угнетенного интеллектуала» обращается в соответствующие советские органы и заявляет, что у него «похитили» документы и авиабилет.

Но кто найдет «спасителя»? И тут мелькает другая дерзкая мысль: украсть документы у кого-нибудь из иностранцев. «Нет, это опасно, трудно...» Надо все же, чтобы кто-то из его друзей нашел за рубежом подходящего иностранца. Кто? Кто возьмется?

Михеев возлагал большие надежды на Эско. А Эско молчит. Никаких вестей.

Шли месяцы тягостного ожидания. Однако Михеев не бездействует. Он мечется, ищет щели и готов использовать любую из них. Михеев надеется найти своего «спасителя» среди иностранных студентов, устанавливает с ними контакты, приглашает к себе в гости на кофе с коньяком, сам охотно принимает любые приглашения молодых чужеземцев. У него выработался безошибочный — так ему казалось — инстинкт, который позволял решать, кому можно доверять свои замыслы, а от кого надо держать их в секрете. Молодежь, приехавшая из социалистических стран, его не очень интересовала: «Эти могут подвести...» А вон тот парень из Швейцарии, Рудольф Маурер, или Карл Фогельман из Австрии, или Аника Бекстрем из Швеции... «Эти, кажется, подходят...» И иногда он говорил сам себе: «Еще неизвестно, кто в ком больше заинтересован — я в их помощи или они в моей персоне». Для таких раздумий были основания: уж больно быстро все эти «доброжелатели» — и Руди, и Карл, и Аника — изъявляли готовность помочь ему.

...Весной шестьдесят девятого Дима познакомился с Карлом Иосифом Фогельманом. Он стажировался на филологическом факультете МГУ, изучал историю советской литературы и журналистики, совершенствовал свои знания русского языка. Михеева сразу же сблизило с ним недоброе отношение ко всему советскому, нескрываемые симпатии к силам контрреволюции в Чехословакии.

Иногда Карл устраивал вечеринки на своей квартире, точнее, на квартире дипломата Отто Визнера, где Фогельман после окончания стажировки в МГУ жил в качестве гостя. «Гвоздь» вечеринки — русский аспирант Дмитрий Михеев. «Знакомьтесь, господа... Бунтующий интеллигент... Критический ум русского интеллигента...» И Карл знакомил Диму с Сетти Элиной Синей, с Рафаэллой Сэтти — переводчицами из итальянского павильона выставки «Химия-70» в Москве; с француженкой Кристьян Аззопарди, работавшей гувернанткой в семье сотрудника посольства Великобритании в Москве; с Гертрауд Хан, Рюнтером Лайкауф — сотрудниками австрийского посольства; с Евой и Кайем из шведского посольства. Премилое общество, в котором Дима прекрасно себя чувствовал! Ему казалось: «О, вот это настоящие люди!» Его и тут не покидала мысль: «Может быть, кто-нибудь из них поможет...» Но в этом плане ему больше всего приглянулся Карл: «Он, кажется, сам просится в помощники...» Дима посвятил Карла в свой план побега. И сказал, что там, на Западе, он, физик Михеев, намерен заняться тщательным изучением проблем наиболее приемлемого государственного и общественного строя для народов России — вот каков благодетель!

— О, то есть гениально! — И Карл одобрительно похлопал Диму по плечу.— Чем я могу быть полезен?

Студент Венского университета Карл Фогельман с распростертыми объятиями пошел навстречу аспиранту Михееву, решившему предать Советскую Родину: «Чем могу быть полезен?»

Пока немногим. Дима просит помочь восстановить связь с Эско: нельзя ли воспользоваться дипломатической почтой для отправки письма ему? Можно, пожалуйста, диппочта посольства к вашим услугам, господин Михеев!

...Так из Москвы диппочтой уходит к Эско письмо Михеева. В письме подробное изложение разработанного им плана побега. И просьба: «Сообщи, каково твое мнение, Эско? Реален ли план? Можешь ли найти иностранца, который поможет мне? Ну, а если считаешь, что план нереален, то вернемся к первому варианту. Побывай у родителей и выясни, есть ли возможность нелегально перейти границу».

Той же дипломатической почтой пришло и ответное письмо: «Эско тебе не помощник, Дима... Женись на иностранке и самым легальным образом выезжай за рубеж. Вот тебе мой совет».

...Высокий, худощавый Дима ходил по комнате из угла в угол, а Карл молча сидел в кресле. И только изредка подавал голос, успокаивал. Потом Дима подошел к Карлу, крепко уперся кулаками в стол и жестко, чеканя каждое слово, сказал: «Все равно убегу!..»

— О, это есть голос мужа.— Карл, поднявшись с кушетки, трогательно обнимал друга. И тихо, ласково шептал: — Я есть твой помощник, я есть верный помощник.

«Другу» не приходил в голову сам собой напрашивающийся вопрос: где истоки этой поразительной «гуманности», «доброжелательности» господина Фогельмана, откуда идет эта его готовность помочь Михееву в отнюдь не благовидной операции? Не мог же Карл, будущий журналист, не знать, как квалифицируется подобная операция и что она отнюдь не безопасна для самого Карла.

Но Михеев ни над чем не хочет задумываться. Напичканный антисоветскими листовками, манифестами, журнальными статьями, книгами, человек с шорами на глазах, он был одержим одной идеей: бежать!

...И снова мысль возвращает его к варианту побега через границу. Пришло письмо от Аники, обещавшей прислать старую, довоенных времен, топографическую карту, на которой была бы и территория Карельского перешейка. Аника сообщает: «Я действую... Не теряйте надежды. Вы на верном пути...»

Нет, он не теряет надежды. У него уже был доверительный разговор с новоявленным другом Руди, Рудольфом. Соседи по общежитию — швейцарец Рудольф Маурер стажировался на историческом факультете МГУ,— они частенько заглядывали друг к другу в гости. Слушали фуги Баха и фривольные французские песенки: у Димы богатая коллекция пластинок, отличный магнитофон, стереофонический проигрыватель, и о нем говорили, что его комната всегда полна музыки.

Однако дружба эта была сцементирована отнюдь не любовью к возвышенному искусству. Поначалу Рудольф был в восторге от Москвы, от общения с русскими людьми, он преклоняется перед смелостью их дерзаний, но... И Руди начинал деликатно высказывать замечания о недостатках в торговле, обслуживании, потом несколько осторожных, тщательно продуманных слов о Советской Конституции, истории партии, литературе, интеллигенции. И тут «рыбак рыбака» увидел издалека. Рудольф понял: перед ним человек, который относится к советской действительности так же враждебно, как и он, Маурер, сын полковника швейцарской военной контрразведки...

У Димы уже нет секретов от любознательного швейцарца. Они сидят в комнате Михеева, «пьют русский чай с вареньем, слушают душещипательные итальянские песни» — так Руди будет вспоминать в своем письме — и изощряются друг перед другом в искусстве мазать дегтем все советское. Маурер, смакуя каждую строчку, читает «исследования» аспиранта Михеева. Физика? Математика? Нет... Злобная клевета на все советское, клевета, облеченная, по выражению Маурера, «в элегантную форму».

Настал день, когда Дима решил, что пора уже поведать другу о самом главном — о плане побега с помощью двойника, иностранца, пролетающего транзитом через Москву.

Рудольф слушает Диму и улыбается:

— Почему ты улыбаешься, Руди?

— Ты младенец, Дима. Сразу видно, что ты никогда не ездил за границу. Транзитный пассажир не имеет права выйти за пределы аэровокзала, пересечь ту условную линию границы, которая отделяет один зал аэропорта от другого... Ты понял свою ошибку?..

— Как же быть?

— Мы что-нибудь придумаем,— пообещал Маурер. И уехал путешествовать по СССР.

Вернувшись в Москву, Руди застал друга в архиугнетенном состоянии: тайный переход границы исключается. Угрюмый Дима с надеждой смотрит на швейцарца: «Что ты мо-

жешь предложить мне, Руди?» Господин Маурер уже кое-что придумал. У него есть новый вариант — за каких-нибудь два-три месяца знакомства швейцарец воспылал столь пламенной любовью к «угнетенному» Михееву, что готов на все для друга. Маурер найдет в Швейцарии человека, внешне похожего на Михеева. Под видом туриста тот проследует самолетом по маршруту Берн — Хельсинки — Москва — Вена. В Москве он остановится на день-другой. Через четыре часа после прилета «турист» встретится в гостинице с Михеевым и договорится, как они будут действовать дальше, чтобы довести до конца «освободительную миссию»,— это уже из лексикона господина Маурера. Продумана и мера безопасности «спасителя». Перед самым отъездом Михеева в аэропорт будет разыграна сценка: Дима сидит с иностранцем в укромном холле гостиницы, что-то распивает с ним, «незаметно» бросает в его стакан порошок снотворного и исчезает. «Проснувшийся» иностранец заявляет властям, что кто-то его напоил, усыпил и украл документы, авиабилет. Но это произойдет лишь тогда, когда Михеев уже будет шагать по бетону Венского аэропорта...

29 июня 1971 года, в канун отъезда Рудольфа из СССР домой, в Швейцарию, Михеев отпечатал на пишущей машинке на русском языке два экземпляра разработанного ими плана. Один он вручил Мауреру, другой оставил себе...

— Детали мы уточним позже...— сказал Михеев на прощание. И тут же торжественно объявил: — Я принял все меры для организации нелегальной переписки с тобой по дипломатической почте... Карл Фогельман обеспечит... Я тебе говорил о нем...

В тот безоблачный июньский день Рудольф Маурер прощался с Москвой, с университетом, со своими педагогами, товарищами по семинарам, лекциям. Он, этот двуликий господин, восторженно говорил о советском гостеприимстве, благодарил за все, что сделано для него. Он многое познал, многому научился, перед ним открылась красота души советского человека и т. д. и т. п. А на следующий день на вокзале перед отходом поезда Маурер крепко обнимет Диму и скажет ему: «Ты можешь на меня положиться. Дело будет сделано...» Да, он все сделает, чтобы помочь предателю той страны, которая так радушно встретила господина Маурера.

Это было 30 июня, а уже через две недели Дима по дипломатической почте, из рук Карла Фогельмана, получает первую весточку от организатора «освободительной миссии»— вот как оперативно работают Рудольф Маурер и Карл Фогельман!

«Дорогой Дима! Ты думаешь, что я не занимаюсь твоим «делом»? Вскоре после моего приезда сюда, 6 июля (перед этим я долго путешествовал по «социалистическим» странам и останавливался в Вене, где впервые снова вдохнул свободный воздух и увидел богатство Запада), я хорошо обдумал все это дело. Прежде всего, естественно, надо было найти человека, который был похож на тебя. Хотя раньше у меня и был на примете один такой человек, я все-таки решил, что будет лучше решить этот вопрос постепенно. Так, я связался с одним из моих бывших преподавателей по высшей школе, показав ему твою фотокарточку, и поинтересовался, не напоминает ли она кого-либо из его учеников, учившихся лет 10 назад. Оказалось, что нет. (Видишь ли, ты якобы мало похож на истинного швейцарца, а может быть, этот отрицательный ответ был продиктован чувствами превосходства его, как швейцарца?) Конечно, все это требует времени. Ты должен набраться терпения. Мне думается, что лучше потерять несколько недель на хорошую подготовку, чем потерять все...

Еще относительно так называемого «коммуниста» (думаю, что будет лучше и справедливее называть его Юрой). Я всегда говорил тебе, что он умный парень. Но, с другой стороны, ты должен быть с ним сдержанным не потому, что он плох, а потому, что он живет вместе с теми людьми, в которых у меня меньшая уверенность. Ну, конечно же, я говорю тебе о вещах, которые тебе самому хорошо известны».

Ему, Рудольфу, сыну швейцарского контрразведчика, конечно, виднее, кому Дима может доверять, а с кем он «должен быть сдержанным».

Пока Рудольф в Берне ищет «спасителя угнетенного интеллигента», сам «угнетенный» развивает активную деятельность уж отнюдь не идеологического, а весьма меркантильного порядка: Михеев готовит материальную базу, продает пластинки, импортный магнитофон, проигрыватель и скупает по спекулятивным ценам доллары. Карл и тут — друг сердечный. У него есть клиент, с которым он познакомился в пивном баре и у которого он уже побывал дома,— Андрей Абдуладжанов. «Хороший, надежный парень!» Андрей и его отец Гайрат промышляют по части икон — Фогельман выражался на сей счет более деликатно: «Они увлекаются коллекционированием старых икон и имеют по этому вопросу интересную литературу». Карл уже сменил две электробритвы «Филиппс» на Николу Чудотворца и Святого Сергия. А впереди еще одна операция: вы мне иконы — я вам импортные брюки и мужские замшевые туфли. Так вот сей «коллекционер» икон жаждет заиметь Димин проигрыватель «Националь» с комплектом пластинок. Карл за этот проигрыватель получит одну из наиболее ценных икон из «коллекции» Абдуладжановых, а Дима — доллары на 650 советских рублей. Но доллары он, Дима, предпочитает получить от Карла там, в Австрии. Это устраивает обе стороны. Михеев даже согласен на такую зыбкую формулу договора: «обменный курс будет установлен в Вене...»

...Дима, конечно, надеется, что именно Вена явится тем городом, который первым примет его в свои объятия. Но он страхуется. И уезжающей домой Анике вручает пакет с 15 грампластинками, с фотографиями родных и знакомых: «Мы с вами встретимся у вас дома, в Швеции. И вы мне отдадите все это... Хорошо?» Ему сейчас важно переправить «все это» через границу. «...Мы с вами встретимся у вас дома, в Швеции...» Михеев и этот вариант не упускает из виду.

...Аника уехала, но в Москве осталась ее подруга Маргарет. Она тоже из Швеции, и тоже стажируется в МГУ, и тоже «найдет с Димой общий язык». Так рекомендовала ее Аника, прощаясь с Михеевым. И добавила: «Вам надо познакомиться». Дима не слыл бонвиваном, покорителем сердец, но с девушками знакомился легко, непринужденно. Вечером он постучал в дверь комнаты Маргарет — она жила здесь же, в Доме студентов. «Войдите!» Он вошел, представился и сказал, что хотел бы познакомиться с девушкой, о которой много слышал от Аники. Маргарет приветливо улыбнулась, пригласила сесть и защебетала о самых разных разностях. И тут же охотно приняла предложение Димы прийти к нему в комнату завтра утром. «Мы с вами вкусно позавтракаем, послушаем музыкальные записи, у меня их много...» И уже прощаясь, спросил: «Вы не получали от Аники письма для меня?» «Нет, но я еще узнаю в посольстве...»

Завтрак был вкусным, музыкальные записи — очаровательными, беседа — мило непринужденной. Знакомство продолжалось. Маргарет зачастила визитами к молодому человеку. «Дима увлекается музыкой, и я тоже... А у него столько пластинок, музыкальных записей»,— объясняла она коллегам. А через несколько дней Маргарет принесла Михееву большой конверт, на котором было написано только одно слово «Дима». Конверт лежал в пакете, на имя Маргарет. Получила она его в посольстве.

Михеев лихорадочно быстро, не стесняясь Маргарет, распечатал конверт. В нем долгожданная топографическая карта Финляндии. Михеев аккуратно вырежет из этой карты два участка территории, прилегающей к советско-финской границе, вложит их в алюминиевый футляр и спрячет его в тайник — он оборудовал его в своей комнате под обувным ящиком стенного шкафа. Карта — это на случай, если Маурер подведет. Впрочем, план Маурера может быть реализован и в другой стране. И вообще Михеев держит курс на Швецию, даже если приземлится на аэродроме в Вене.

Еще перед отъездом из Москвы Аника обещала Диме познакомить его с сотрудником посольства в Москве Эриком Норманом — он стажировался здесь. Но не успела. Теперь эту миссию выполнит Маргарет. Практика будущего дипломата заканчивается в сентябре, и Дима может переправить с ним необходимые документы, вещи.

Роль связного взяла на себя Маргарет. Мы читали ее свидетельские показания. О, какая святая наивность: она далека от политики, она ничего не знала о Михееве до их знакомства, она до сих пор не знает его фамилии, она не знает, зачем понадобилась ему карта Финляндии, в чем смысл встречи русского аспиранта со служащим посольства иностранного государства, она даже «не может сказать утвердительно», говорила ли Маргарет Диме, что переданное ему письмо от Аники получено ею в посольстве...

...Дима Михеев и Эрик Норман встретились возле Малого театра, а потом отправились в Дом студентов МГУ. Михеев уже был предупрежден: с этим можно говорить по душам. И Дима был откровенен: не может ли господин Норман помочь ему в реализации разработанного им плана побега из СССР? Норман ответил не сразу, что-то мямлил, хитрил, играл на нервах Михеева и, наконец, согласился помочь. Кто знает, может, и такой род деятельности предусмотрен программой практики «дипломата»?..

В начале сентября, перед отъездом Нормана в Швецию, Михеев вновь встретился с ним. Теперь уже возле станции метро «Парк культуры и отдыха». Дима передал ему машинописную копию плана побега — это для координации их совместных действий,— письмо к Анике и 25 грампластинок: когда Михеев убежит в Швецию, он получит за них доллары...

Норман с готовностью взялся за «спасение русского интеллигента». Двойник будет найден. А что касается финансирования «освободительной миссии», то пусть это не беспокоит Диму — Норман и Аника все берут на себя.

Так у Михеева появилась еще одна надежда.

И пылкое воображение Михеева уже рисовало неудачливому физику радужные картины бытия за рубежом. Его атакуют издательства, газеты, журналы, радио, телевидение. Он публикует свои дневники, письма, документы (для того и оставил он себе второй экземпляр плана побега, для того и сберег все письма Маурера). И, конечно же, публикует свои рукописи, прежде всего клеветническое исследование под претенциозным названием «Эволюция русского общественного сознания».

Как переправить все это за границу уже сейчас? Куда? Кому? И снова к его услугам «добрый Карл» со своим попечителем — дипломатом. Но пока надо все это припрятать. Диме не дают покоя намеки в письмах Рудольфа: «Не наблюдает ли кто за тобой, дорогой Дима?» А он, Маурер, большой дока по этой части. Михеев приглашает в гости близких друзей, Шахназаровых, и передает им на хранение свои духовные богатства — собственные сочинения, фотопленку и фотокопию с текстом книг Бердяева, Авторханова. Все это было изъято у Шахназаровых при обыске.

Итак, он полон тревожных ожиданий: кто первым откликнется — Норман или Маурер?

Окончание следует.

МАКРЕЛЬ ПО-МОСКОВСКИ

Повара едва успевали подносить все это океаническое объедение — и запеченную в сметане макрель (почему-то ее продолжают называть куда менее привлекательно — скумбрией!), и ставриду, и ставшего неузнаваемо вкусным серебристого хека...

Шеф-повар попытался было предупредить: не увлекайтесь, впереди шестнадцать рыбных блюд... Какое там! Разве остановишься перед изысканностью хека под жареной зеленью? А уже несут белый соус к ставриде, уже объявили макрель, приготовленную по рецепту ресторана «Якорь», мы бы сказали, «макрель по-московски», которую не едал, наверное, даже Хемингуэй, понимавший толк в этой вкусной рыбе. Итак, задуманный как рядовая дегустация рыбных блюд, обед в одной из столовых московского ЗИЛа сам собой превратился в пиршество гурманов.

Сейчас уже восемьдесят семь процентов всего рыбного промысла нашей страны составляет улов океанской рыбы, и тем понятнее и важнее интерес, который стремятся привить к блюдам из нее работники Министерства рыбного хозяйства СССР и его Главрыбсбыта.

Дегустация есть дегустация. Возле каждого из обедающих экзаменационные листы. Система пятибалльная. Отобедав, смотрим эти опросные листы. «5», «5», «4», «5», лишь несколько «четверок» и чья-то «тройка» (не было аппетита?) оценивают качество блюд, их вкус, внешний вид. И вдруг сквозь строгий строй цифр такие оценки: «Обед великолепен», «Борщ со скумбрией вкуснее, чем с мясом».

— Как видите, одобрение полное,— замечает в беседе с нами заместитель начальника Главрыбсбыта А. И. Рогов.— Два дегустационных дня показали: блюда из океанских рыб пользуются успехом.

...Мы ехали с ЗИЛа и посматривали по сторонам, не мелькнет ли

где специализированное рыбное кафе, в котором можно отведать макрель по-московски или хек, приготовленный так, как это сделали повара в столовой автозавода.

Нет пока таких кафе в Москве. Пока? Будем надеяться!

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ
Фото авторов.

●

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ

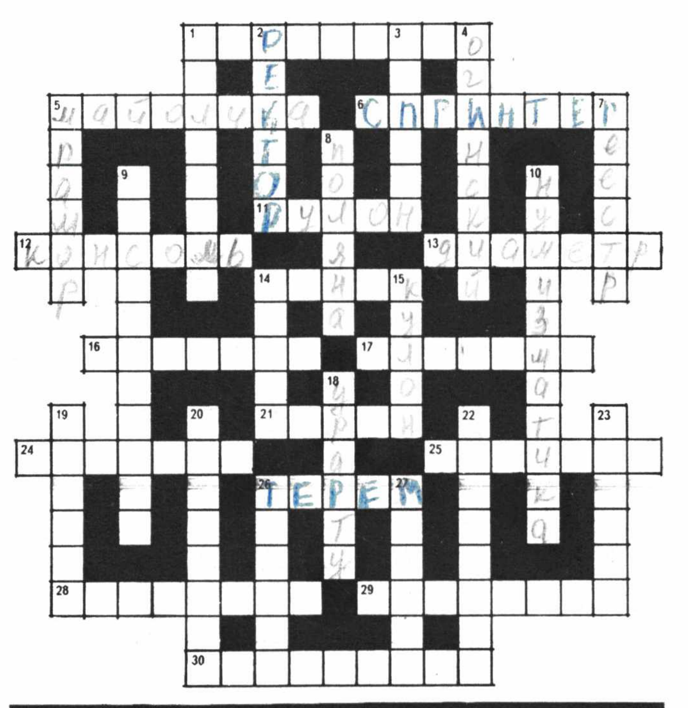
«Ищи мысль всюду» — так хочется перефразировать название книги Льва Филатова, посвященной футболу. Этой теме посвятил себя известный журналист, редактор еженедельника «Футбол-хоккей». Сейчас вряд ли найдется любитель футбола, который не читал бы его очерков, обозрений, статей. И в каком бы жанре ни выступал Филатов, одна отличительная черта отмечает его работы — поиски мысли.

«...За последнее десятилетие футбольная тема в нашей печати стала разрабатываться и исследоваться куда глубже, чем прежде,— пишет Филатов,— и можно уверенно сказать, что это произошло после того, как наш футбол вырвался на оперативный простор, или, как обычно говорят, на широкую международную арену. Вырос спрос с футбола, интерес к нему стал жгучим, и мы все оказались перед необходимостью открывать его тайны, тогда как прежде журналистам было достаточно обозначить их и любоваться непознаваемостью игры». Вот Филатов и открывает нам тайны популярнейшей игры. О нем самом можно сказать, что он как литератор вырвался на оперативный простор и, не стесненный деспотичными газетными рамками, раскрыл нам широкую, яркую картину борьбы, которая, не затихая ни на минуту, кипит на зеленых полях Европы и Южной Америки.

Конечно, Филатову и карты в руки, он был свидетелем крупнейших соревнований, он видел матчи века, беседовал, пожалуй, со всеми известнейшими тренерами, изучил манеру игры популярнейших мастеров кожаного мяча. Но Лев Филатов не только обладает уникальным материалом, собранным из первоисточников, он еще распоряжается этим материалом с большим искусством. Читать его интересно. Вместе с автором мы легко и свободно, презрев время и расстояния, оказываемся то в Швеции — на чемпионате мира 1958 года, то во Франции — на матчах Кубка Европы 1960 года, то в южноамериканском вояже в 1965 году, то в Англии — в дни борьбы за «Золотую богиню» в 1966 году, то на последнем мировом чемпионате в Мексике. Страны, люди, победы, поражения, стили, тактические открытия и просто размышления о любимом виде спорта и прежде всего о загадках и проблемах нашего отечественного футбола — все это сливается в одну яркую, многообразную картину, насыщенную живыми наблюдениями и не менее живыми обобщениями. И хоть Лев Филатов утверждает, что ему, как и другим пишущим о футболе, как говорится, жизни не хватит, чтобы разобраться во всем, что предлагает нашему вниманию эта непрерывно обновляющаяся игра, но ему уже сегодня удалось раскрыть многие тайны футбола.

В. ВИКТОРОВ

Лев Филатов «Ищи борьбу всюду». Издательство «Физкультура и спорт», 1971.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Русский писатель. 5. Вид керамики. 6. Бегун на короткие дистанции. 11. Цилиндрический сверток. 12. Вертикальная опора здания. 13. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 14. Речной порт в Брестской области. 16. Рассказ М. Горького. 17. Приток Оки. 21. Птица. 24. Финский и карельский щипковый инструмент. 25. Тропическое растение. 26. Дом в Древней Руси. 28. Искусственная смола. 29. Картина В. М. Васнецова. 30. Миниатюрная скульптура.

По вертикали: 1. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 2. Руководитель высшего учебного заведения. 3. Планета. 4. Польский композитор, автор популярных полонезов. 5. Кристаллическая горная порода. 7. Перечень, опись. 8. Небольшой луг. 9. Устройство для смягчения ударов в машинах и сооружениях. 10. Наука о монетах. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Единица количества электричества. 18. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 19. Пушной зверь. 20. Штат в США. 22. Шахтная печь для плавки чугуна и цветных металлов. 23. Народный поэт Белоруссии. 26. Основной аккорд лада. 27. Матросский танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 8. Городки. 9. Ляпунов. 10. Ванта. 11. Кета. 12. Свет. 13. Речитатив. 15. Бодайбо. 17. Каретка. 18. Луара. 20. Ханко. 23. Бородка. 24. Кашалот. 25. Рокировка. 28. Марс. 30. «Труд». 31. Маска. 32. Николаи. 33. Гобелен.

По вертикали: 1. Коненков. 2. Нота. 3. Кивач. 4. «Женитьба». 5. Пласт. 6. Курс. 7. Фонетика. 13. Рейсфедер. 14. Babaрушка. 16. Ольха. 17. Каток. 19. Болгария. 21. Некрасов. 22. Портупея. 26. Камин. 27. «Враги». 29. Слон. 30. Трек.

На первой странице обложки: Лучший штукатур города Ангарска, депутат Верховного Совета СССР Людмила Таранова с сыном.

На последней странице обложки: Людмила Таранова (справа) на стройке. Внизу: Ангарский нефтехимический комбинат (см. в номере очерк «Живет в Ангарске женщина»).

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/VIII-71 г. А 00598. Подп. к печ. 31/VIII-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1786. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1732.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Издалека сигналит. Значит, двойку получил.

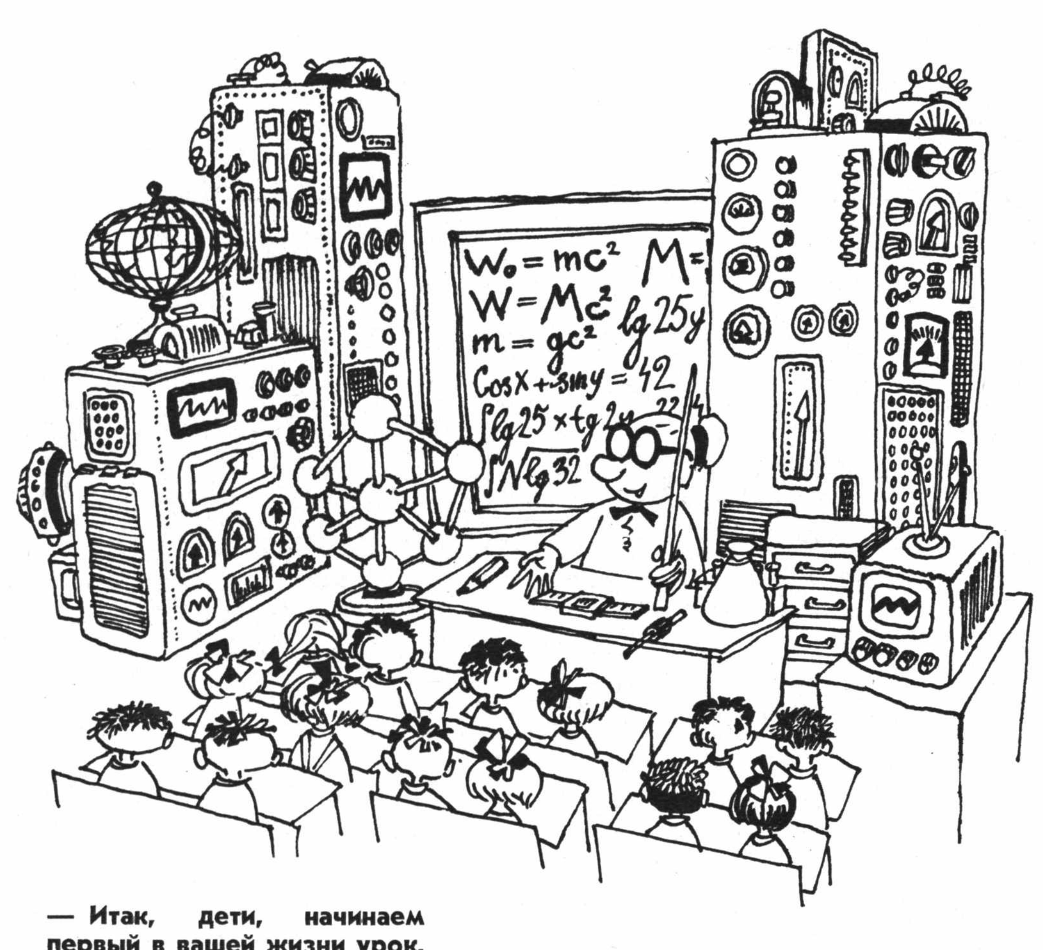
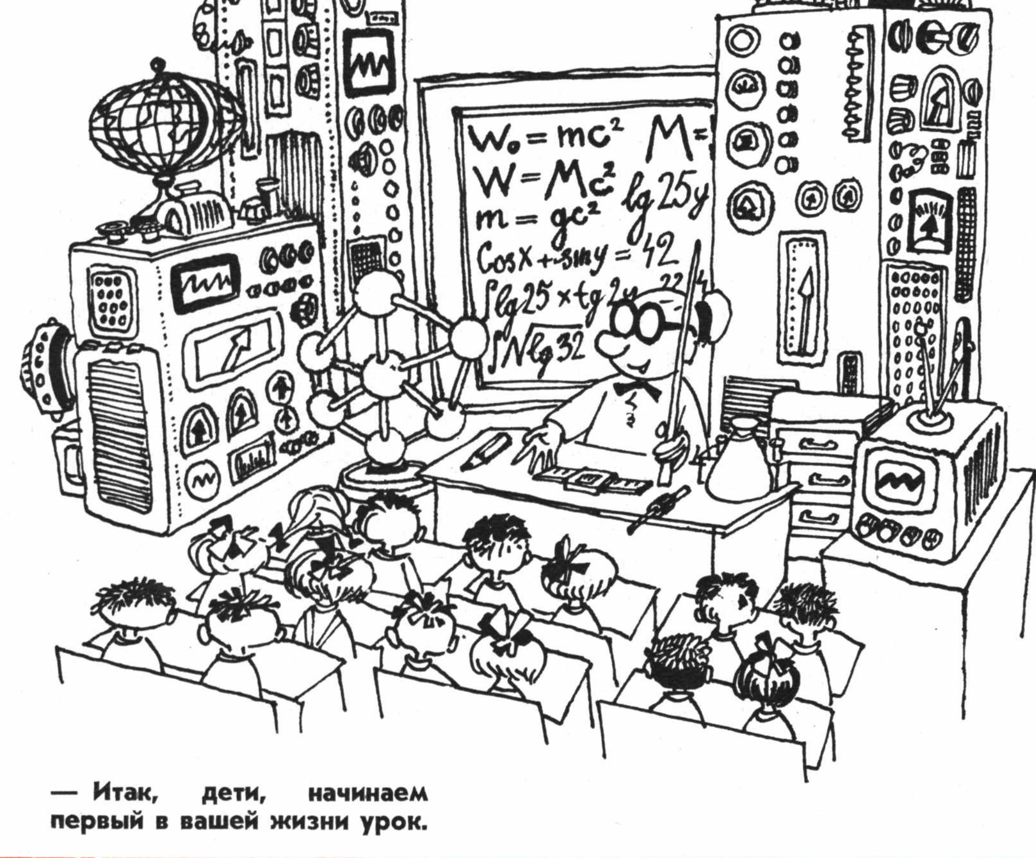

— Не горюй, Васька! Какие-нибудь два месяца — и каникулы!

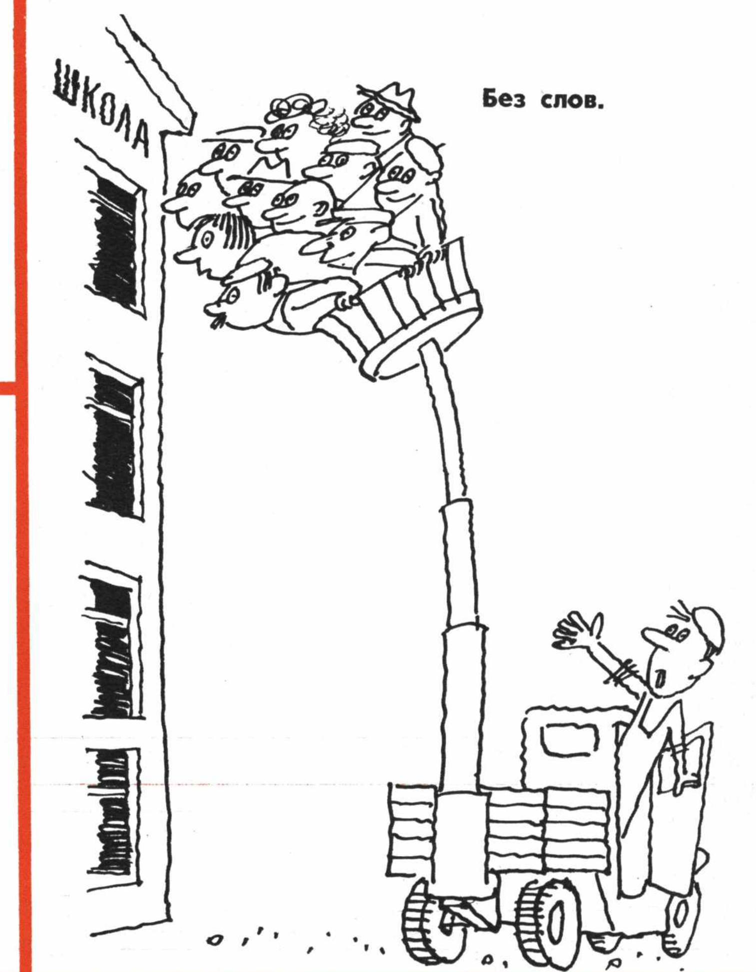
— Диктуйте, Мария Ивановна, я готов...

Рисунки В. ТИЛЬМАНА.

— Итак, дети, начинаем первый в вашей жизни урок.

— Если что, звони прямо домой...

Без слов.

В специальную школу с математическим уклоном.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.